

Скоро жатва...
Время
напряжения
всех
физических
и духовных сил
земледельцев
ради большого
хлеба страны.

Майра Хасенова
механизатор
из Казахстана,
вместе
с тысячами
женщин-
механизаторов
готова
встретить
новую
страду.

8-84

КРЕСТЬЯНКА

Вагадочна и непроста бывает во времени судьба человека. Один с ходу, без потерь, начиная с молодых лет, находит свое место в жизни. Другой... Поди разберись, как это получается...

У них по деревне росло семь елок — сохранилась одна, и та, одинокая, усыхает, а мать, показывая в голое поле, говорит, что сразу же за овином, который и поныне чернеет среди сорной травы, начинался ранее еловый лес, они и грибы там и ягоду брали. Даже было однажды: ушла она лен снимать, нагнулась — что такое? — видит целый плен рыжиков под рядочком, один к одному, как полтинники. То было как привет, как гостинец из далеких ее молодых лет.

А деревня и поныне называется Ельник.

СТАРШИЙ СЫН

Теперь Татьяна Матвеевна стала старушкой. Живет она с кошкой вдвоем в крайней избе, опрятно живет, а дети — она их девять успела родить — рассеялись по земле, у них свои заботы, правда, мать не забывают, и, когда, сбиваясь со счета, пытается она подытожить, получается, что внуков у нее два с половиной десятка. Путаясь в именах, она считает их парами, как цыплят.

По вечерам, до позднего, смотрит она телевизор, обожая премьеры многосерийных фильмов и концерты, где много поют. Но более всего — праздник не праздник — любит поставить тесто и напечь с утра пирогов, потому что внуки нередко забегают к ней, и всех она старается приветить. По этой причине в избе не переводится сытный дух печеного хлеба.

Поскольку изба ее крайняя, то и видно окрест от Татьяны Матвеевны много. В боковое окно, где стоит скамья, видны Талицы, главная по колхозу деревня. Там и правление, и сельсовет, и магазины, и школа белокаменная, построенная недавно на замен старой, бревенчатой и тесной. Центральная улица в Талицах покрыта асфальтом, а вдоль стоят кирпичные жилые здания в два этажа. Настоящий поселок. Или, как принято ныне говорить, новая деревня. Там у Татьяны Матвеевны два сына живут, Анатолий Иванович и Владимир Иванович, оба колхозные трактористы.

Из других, передних окон, за овином, за тем голым полем, где прежде стоял еловый лес, видна деревня Желобново, далее Шевелевка или, по-здешнему, Шурыги. В Шурыгах у Татьяны Матвеевны дочь проживает, тоже колхозница, Галина Ивановна. Внучка из Шурыг, Катюшка, с плутоватым прищуром глаз и готовая всегда озорно рассмеяться, отучилась в Вологде на повара, однако у плиты или, как она говорит, «в жаре» работать не пожелала, теперь почти носит, по свежему воздуху ходит и каждый день забегает к бабушке, чай пьет с пирогами, новости пересказывает. К осени у Катюшки намечается свадьба, и разговоры у них больше на эту тему...

А напротив, под окнами, через травяной бугор, где обычно с весны до осени на

привязи гуляет ушастый теленок, разместилось подворье старшего сына. У Татьяны Матвеевны любимчиков нет, она жалеет всех. Однако к старшему... Он удивлял ее с малых лет... Мудрая женщина, прожившая долгую, непростую жизнь, бездельницей не бывала, даже она не может до конца осознать всей силы его характера и неизъяснимой природы.

— Валентин! — окликнет она, завидя сына в окошко. — Зайди-ко, парень. У меня пироги сегодня.

— Некогда, мама, некогда, — ответит он по-обыкновенному на ходу, бегом, словно за ним погоня. — На работу надо, тороплюсь.

А торопится он всегда. Когда он не торопится? Бывает, что среди лета, в сезон отпусков, собирается к ней вся родня: сыновья, дочери, зятья, невестки, кто из Череповца приехал, кто из Иванова, с Печоры — застолье! — а старший поклонится от порога и даже не присядет, все некогда, все на работу спешит. Ничего, кроме работы, признавать не желает... В отпуске не был. Ему уж напрямую говорят: «Валентин, пожалей себя, отдохни, как все люди». И слушать не хочет. Между прочим, если мать позовет его не на пироги, а дров, к примеру, напилить или крышу попра-

ферил. Кочегаром ходил на речном буксире. А такого места, чтобы по душе и навек, не находилось.

Бывалый человек, он наконец объявился в Череповце на строительстве домны, в бригаде плотников. Занарядили его шпалы таскать. Подошел он с напарником к штабелю.

— Ну что? Будем по две носить? — спросил Валентин Иванович, хотя глаз горел, чтобы враз по три штуки брать на плечо, и только, не желая надирать товарища, из вежливости предложил брать по две.

— Ты что, приятель, отличиться хочешь? — сказали ему с угрозой, потому что не знали его характера. — У нас не балуй. А то...

Хоть «балуй», хоть нет, а портрет его появился вскоре на Доске почета в городском саду. И лишь одно портило анкету — пил Валентин Иванович, не зная меры, а во хмелю любого сомнет. Казалось, все ему в жизни трын-трава.

— За твои проделки оканные, — говорил ему бригадир плотников, щуплый, не видный собой старикан, однако классный мастер и редкий мудрец, какие бывают по деревням, — за твои проделки тебя метлой бы гнать. Но счастье, что как работнику

ГДЕ

вить, тут он мимо не пробежит. Хоть мать, хоть кто — только намек сделай, — и он горы своротит, лишь бы человеку стало хорошо.

— У меня, между прочим, тятя такой же неугомонный был, — пытается иногда разобраться в концах и началах Татьяна Матвеевна. — И сама я без работы не оставалась. Ни-ни. В колхозе и коров доила. И поросят пасла. Бывало, до солнышка встанешь, печь затопишь, чтобы ребят накормить, и в поле быстрее...

...От Талиц к Ельнику и дальше течет немудрящая — воробью по колено — речка Волгуша. Неслышно бежит она в Шевелевку, та в Сизьму, Сизьма в Шексну, Шексна вливается в большую Волгу... Сколько же деревень и народу пользуется водой из Волгуши, о которой и ведать не ведают дальние люди! А она бежит себе и бежит, не пугаясь затеряться в пространстве. Остались позади в истоках Талицы. Ожегово, Ельник, Желобново, Титово, там и Толстик и Большой Пепел, который уже на Сизьме стоит, — бежит и бежит.

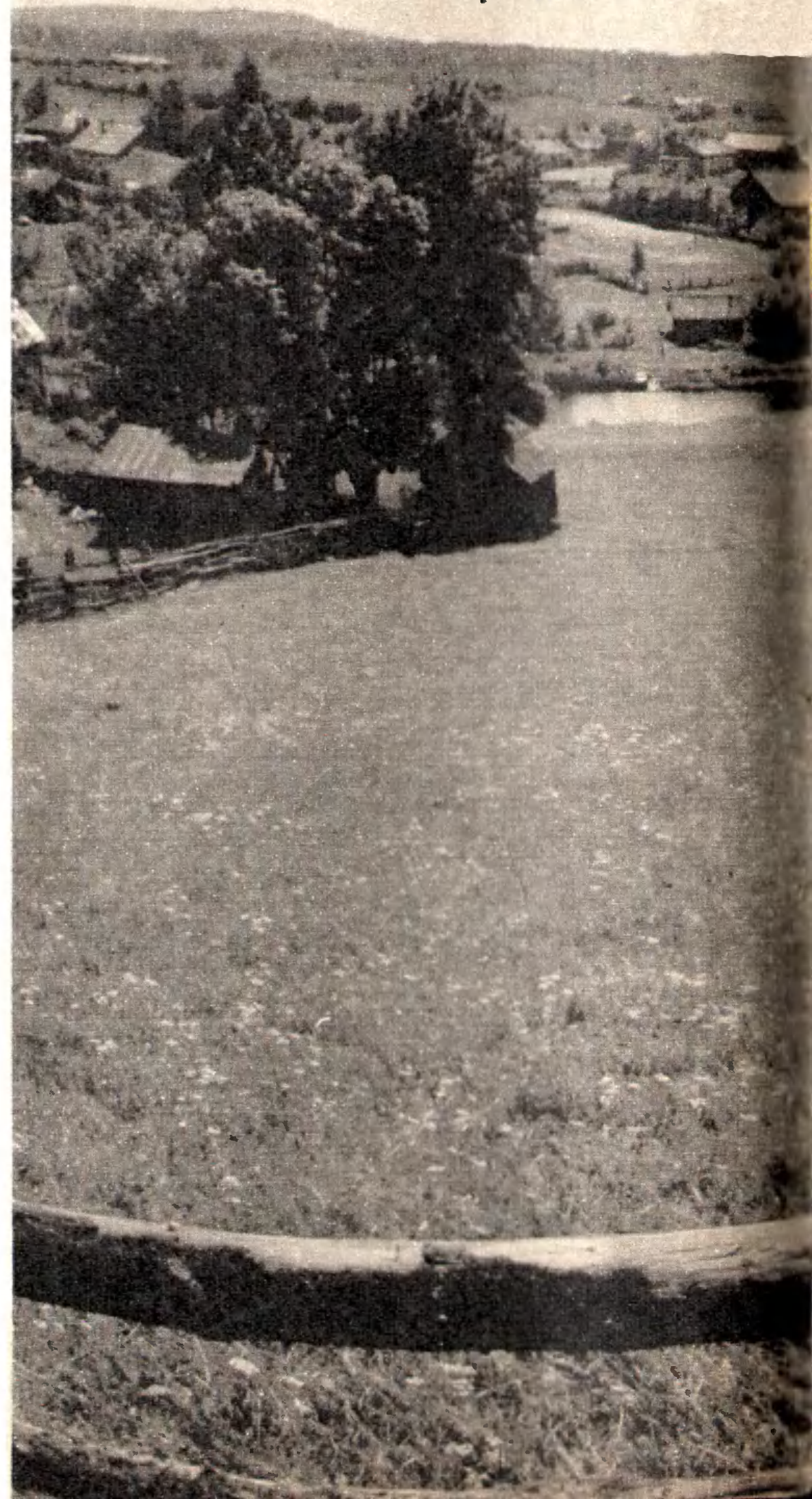
— С малых родников все начинается, — говорит Татьяна Матвеевна. — А ведь и люди так же по белому свету едут. Одни остаются, где родились. Другие... Всего на пути бывает. Вот и сын мой...

ПРО ГАРМОНЬ И СИЛУ ВОЛИ

Валентин Иванович Волков пропадал из дома по многу лет. И Сибирь повидал. И Дальний Восток. Заправлял самолеты. Шо-

ВОЛ

Сергей МАКАРОВ

Через
всю жизнь
мы проносим
любовь к местам,
где родились. Зеленый
лес, река, ржаное поле... Малая
родина, она дала нам силу жить.
И если человеку приходится уезжать
надолго, места эти манят нас и зовут...

ГУША ТЕЧЕТ...

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

тебе нет цены. Ты же самородок. А таланта своего не сознаешь.

Валентин доверчиво слушал и перебирал в памяти, где и кем успел поработать, скитаясь вдали от дома по большой стране, которая оказалась гораздо больше, чем думалось, и никаких талантов в себе различить не мог. Но слушать старика было приятно, похожих слов ему никто не говорил, и, чтобы оправдать чужую надежду, он даже купил по случаю, с рук, двухрядную гармонь, надеясь, что с музыкой пробьется что-нибудь необыкновенное. А оно не пробивалось, сумел лишь разучить старинную песню о бродяге, который в омулевой бочке переплывает Байкальское озеро и спешит домой.

— Это про меня. Я и на Байкале был,— говорил он в теплую минуту и закрывал от грусти глаза.— «На...встре...чу лю...би...и...мая ма...а...ать».

Он играл, утешаясь, песня помогала помнить и родную мать, Татьяну Матвеевну, и Ельник, и речку Волгушу... Оттуда приходили иногда короткие письма, в которых мать сообщала о покосах, как рожь удалась и лен, кто в председателях ходит, бычком или телочкой отелилась корова — обычные подробности, среди которых она жила, — а в конце обыкновенно просила, чтобы он наведal ее...

В последнем письме мать тужила о корове Ягодке, доилась та всклень, полное то есть до краев ведро, да захромала, пришлось менять.

Свежо и живо припоминались Валентину морды коров, домашних кормилиц. Была у них жгучая, с вороным отливом Ночка. Затем пегую Пятилетку привели на двор. Сменила ее Буренка. Буренку — Малинка. И с каждой было полно забот.

Зато по весне был праздник. «Чьи вы? Чьи вы?» — кричал над ложиной чибис. Жаворонок звоном заливался. Дети приносили ветку цветущей вербы, и той вербой мать выгоняла скот в общее стадо, угостив корову присоленной корочкой хлеба, чтобы та вечером, после пастьбы, не проходила свой двор. Ветку же вербную потом бросали в Волгушу, ее уносило течением, где пристанет, присваивает ее к берегу, там и прорастет... Яркие дни невозвратного детства. Когда они прошли? Где затерялись? Скупые материнские письма бередили Валентину душу, и было ему беспокойно. Копилась-накапливалась в нем тоска по родным местам.

...А к музыке талантов так и не открылось — слуха не было, и по вечерам носил он гармонь на плече из чистого фасона. Зато если у пивной толпа — рванет по басам: сразу слышно, кто явился. «Проходи, Валентин. Пива хошь?» Его уважала, а пуще боялась вся шпана.

И кто знает, куда яблоку укатиться... Но возникла на горизонте Капа. Это потом она станет ему женой и у них родится пять дочерей и два сына. Это потом. А тогда, всем посторонняя, приехала она по вербовке с Ковжи строить Череповец и снимала угол в рабочей слободе. Ухажером Валентин был упорным, с год ходил на свидания, а трезвым не бывал, Капа поэтому регулярно выставляла его за дверь.

В ту же пору пригласил его бригадир копать на огороде картошку. Кругом осень. Желтый лист. Плывет белая паутина в воздухе. Дух остывающей земли. Все как в деревне... После был стол. Закуска и прочее. Валентин кувырнул, как он сам рассказывает, стакан и нечаянно обнаружил, что бригадир свое питье отставил в сторону.

Может, сын пройдет — заглянет...

— А я не потребляю,— пояснил он.— Не вижу смысла.

— Может, ты вообще не пил никогда? — Валентин расслышал в словах старика скрытое превосходство.

— Почему? Всяко бывало. Но от вина и курева отстал, как пишут в заявлениях, по собственному желанию. Да ты на меня не смотри. Ты пей, пей. Спасибо, что помог. Пей.

Валентин еще кувырнул. И еще. Разошелся. Но вдруг... Он даже встал, чтобы не затерялась редкая мысль. Как же? Выходит, сила в людях разных сортов! Он привык ценить грубый напор. Чтобы — р-раз! — и не подходи, чтобы сторонились. Однако разобраться, то ж обычная жеребья сила, годная для драк и гогота дураков. Но вот нешумный, тихий старик, а сила в нем посильней. Захотел — и отставил. Захотел — устоял против соблазна. И слову хозяин. Это даже и не сила в житейском понятии, а достоинство человека. Валентина в жар кинуло, показалось, силы такой у него нет. И опять вспомнилась Капа.

— Ну мы еще поглядим! — сказал он и, не прощаясь, поспешно вышел.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В канун самой ростепели к избе Волковой Татьяны подкатил грузовик. В окно она увидела, как из кабины вышел старший сын, в руках, как младенца, держал стенные часы в деревянном футляре. Следом появилась молодая женщина, у которой на руках действительно был ребенок, укутанный в голубое...

— Мы, мать, всей семьей. Не потесним? — сказал сын, когда они обнялись, а мать прослезилась. — Это жена моя, Капа. Это дите.

— Вижу, вижу, что дите. — Мать растерялась, потому что все было неожиданно, ее застали врасплох. — Ты, сынок, как метеор. Столько лет и зим... Ни слуху... И вдруг... Имущество... Ты что надумал?

— Все, мать. Буду в деревне жить. Ты не плачь. Никуда я больше не поеду. А работать стану в колхозе... Надоела чужая сторона. Понимаешь? Скитаться надоело.

Мать достала бутылку с сургучной пробкой — такой гость! — но сын остановил.

— Уберите, мама, — сказал он красиво, как в кино. — От вина и от курева я отстал. Не потребляю...

Это был весь новый, неузнаваемый сын. Те же глаза синие, родные, скуластое лицо, волосы с рыжиной, и говорит, как прежде, сминая слова. И в то же время... «А вина, говорит, — рассказывала Татьяна потом по Ельнику, — не потребляю, завязал». Нет, нет, не хуже, не хуже он стал. И жену, видать, любит.

А к осени сын поставил собственный дом. Днем он работал — возил на лошади колхозное молоко, остальное время месил глину и колот осиновы чурбаки. Люди ошибочно думали, что он запасает на зиму дрова, но из чурок, как из кирпичей, он выложил стены. Положит ряд плах и глиной затрет. Еще ряд — еще глиной. Татьяна только головой качала, глядя на его выдумку. Да и строиться зачем было затевать, разве в материнской избе тесно? Но Капа хотела жить отдельно, никто не знал, когда Валентин и спал — лепит и лепит. В те годы колхоз богатством не блистал — и в обычае не было, чтобы для колхозников строить жилье, — а на лучшее, чтобы там кирпичный или из смоляного леса дом поставить, у Валентина не было средств.

Изба, однако, на славу вышла. Во всем белом свете, наверное, диковинней не сыскать. И не беда, что из поленьев, из глины. Лишь бы грела. Лишь бы жить можно! Валентин Иванович поставил печь, застеклил окна — он на все руки, — и мать, по обычаю, замесила «раздельный» хлеб. Так делалось всегда, если семья делилась, — пекли каравай и резали пополам, половину тем, кому жить в старом доме, половину новоселам, чтобы честь честью, с материнским благословением переселяться...

Мог ли думать Валентин, что пройдет

Марина Цветкова — пока школьница, но уже твердо выбрала дорогу жизни.

совсем немного лет, и развернется в Талицах такое строительство, что всякая семья, пожелавшая переехать из города в деревню, без хлопот и надрыва будет получать готовую квартиру... Вода, газ, теплые батареи — на глазах изменилась деревня. У него-то иначе было, все на горбу, собственными руками ставил. Иногда задумается он... Но нет, нет, обиды не держит. Какие обиды? Все, что выпало ему — где солоно, где как, — это его жизнь, не чужая. И если по чести, он только в деревне по возвращении испытал вкус жизни, ее полноту. Если можно говорить о счастье, он обрел его здесь, в привычных сельских заботах.

...Едва Валентин и Капа обсушили тогда избу свою необыкновенную, постучал председатель: «Выручай, Валентин. На тебя надежда. Коров некому доить». Ферма стояла в Желобнове и держалась одними старушками, которым давным-давно было пора на отдых, изработались, а смены молодой нет и нет. Огляделся Валентин и, жалея их, сразу взял на себя три группы — трех старушек на пенсию таким образом отпустил. Благодарные, они потом за версту с ним начинали раскланиваться... А он только боялся поначалу проспать утреннюю дойку. С вечера ставил будильник в ведро, а ведро подвешивал за круглый шар железной кровати — утром громыхало, как в тракторе.

Двадцать два года минуло — Валентин бессменный дояр в колхозе. Фермы уже не те, допотопные, что были, тесные да на подпорках — теперь это крупные, капитальные дворы, механизация и все прочее. В стороне от Талиц, за Волгушей, строится новейший молочный комплекс, единственный по району. За труды Валентин Иванович имеет награды. И не раз предлагали ему переезжать в Талицы, пусть на собственный вкус выбирает или квартиру, или отдельный дом. Но та самая сила, что заставила когда-то уехать из города, теперь не дает сдвинуться с места, чтобы перебраться — хоть и рядом это — в колхозный центр.

— Мой дом не хуже. Ему лет двести стоять. Сам строил.

Старший сын у Валентина уже женился.

работает в колхозе, получил квартиру в Талицах. Второй сын в армии. Дочь работает воспитателем в детском саду... Из семейных детей при доме остались две младшие дочери, Иринка и Надя. Обе в школу бегают. Иринка, кроме того, посещает музыкальные классы. Валентин Иванович ради нее взял недавно выходной, чтобы съездить в Вологду и купить пианино — «Деньги есть. Что жалеть?» — и вечерами по Ельнику через распахнутые окна рассыпаются звуки, словно по камешкам, по быстрине чистая речка плескает. Слушая, Валентин Иванович подолгу готов смотреть, как играет дочь, как детские ее пальцы наивно и робко перебирают клавиши.

А вот и он — Валентин Иванович Волков.

ЗДРАВСТВУЙ, МАРИНА!

В Талицах среди берез над гнездами шумели грачи. От новой школы гремела музыка — играли выпускной бал. Валентин Иванович возвращался с дойки и остановился, слушая. Тоже шла с фермы и поравнялась с ним Марина Цветкова.

— Что, Марина? — спросил Валентин Иванович. — Через год и у тебя бал будет?

— Да, дядя Валя, — твердо, не смущаясь, ответила девочка. — Будет бал.

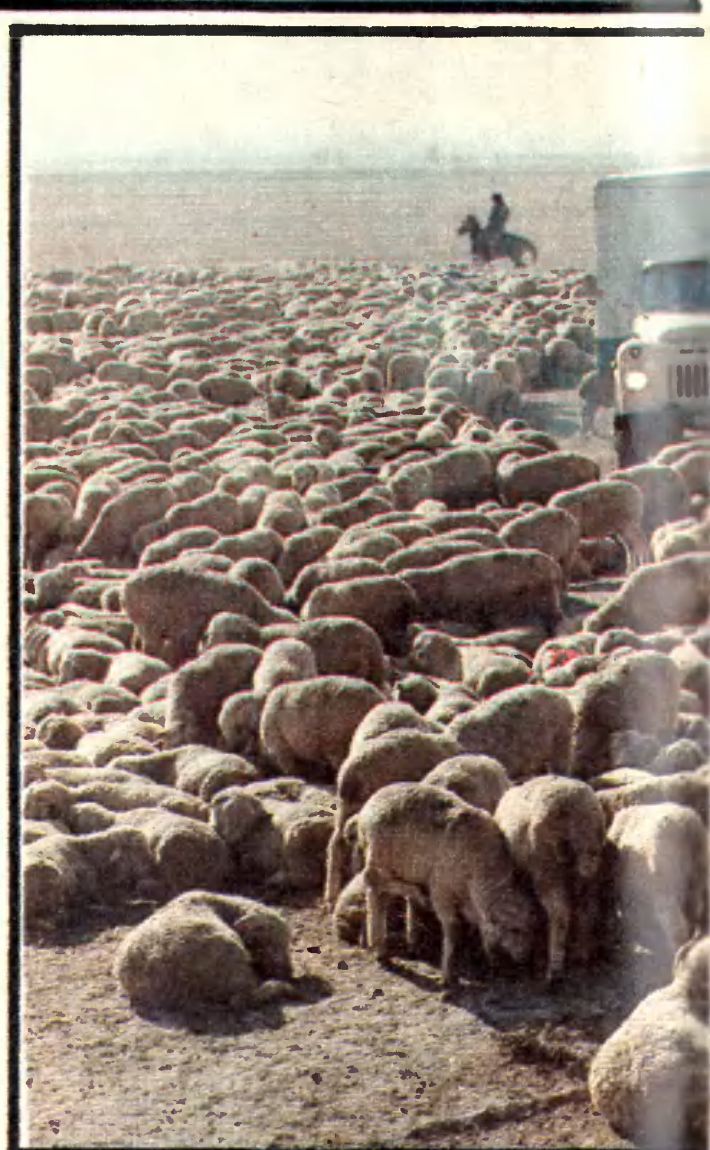
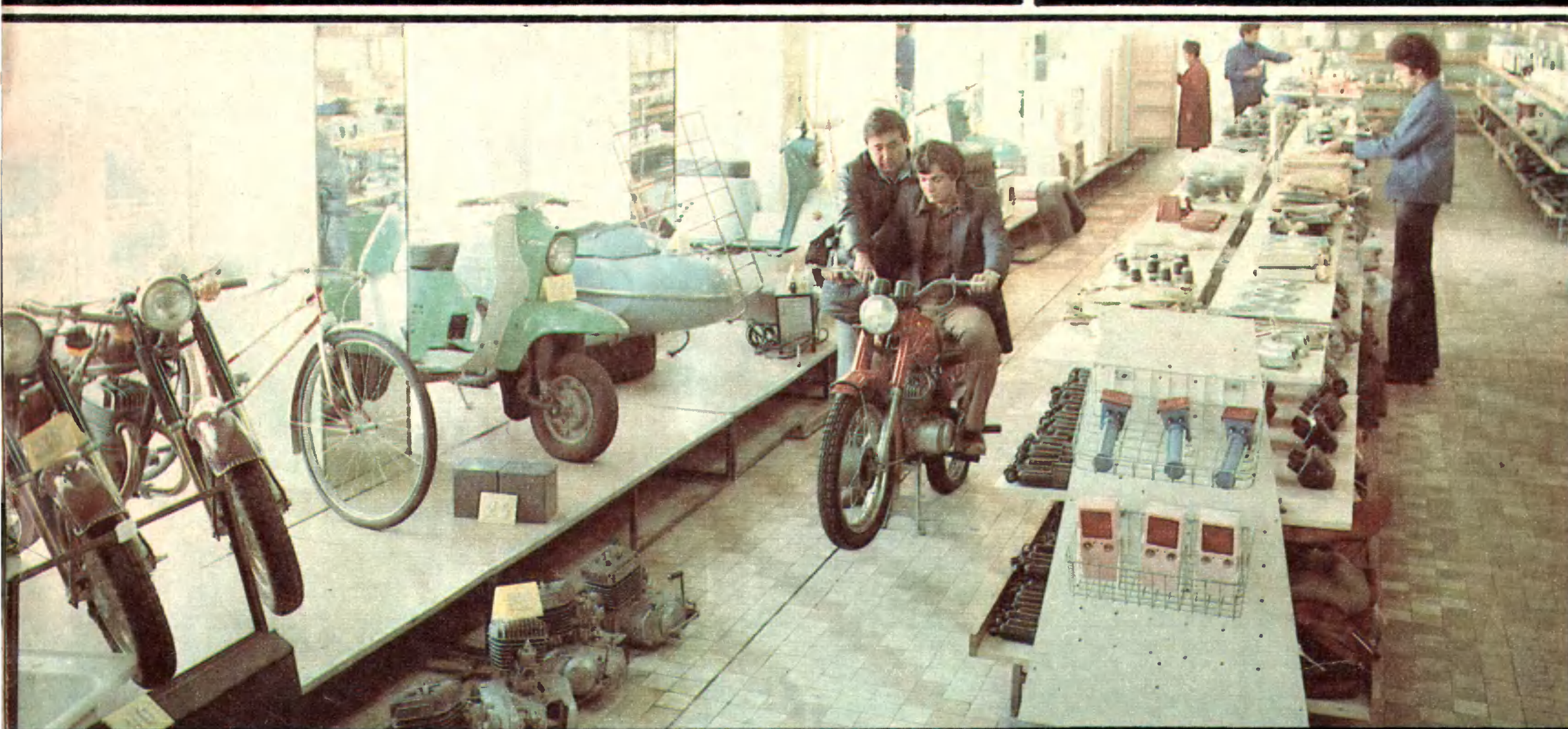
Марина — школьница. Перешла она в десятый класс. Но начиная с класса шестого, не было лета или весенних каникул, чтобы

(Окончание на стр. 7)

И ЭТО ВСЕ

Пришла страда. Она требует от земледельца полной отдачи, наивысшего напряжения всех сил... Но наряду с этим огромным и самым важным сейчас делом идет обычная, повседневная жизнь и ставит массу мелких, тоже обычных и повседневных вопросов. Сын «добил» кеды за лето, надо бы починить. Скоро 1 сентября, а у младших

1

2

маловато тетрадей, нужны еще альбомы для рисования, пора покупать к зиме теплые вещи...

Значит, надо помочь хозяйке справиться с ее заботами. Дело — за сферой обслуживания, торговли.

О том, как она справляется с этой задачей, рассказывает фоторепортаж нашего корреспондента Б. ЗАДВИЛЯ.

...Еще сравнительно недавно за таким товаром надо было ехать в райцентр, дожидаться, пока холодильник доставят из районного универмага. Теперь предметы бытовой техники, электротовары и т. п. можно купить у себя дома, в магазине колхоза имени Калинина, что в Несвижском районе Минской области (фото 1).

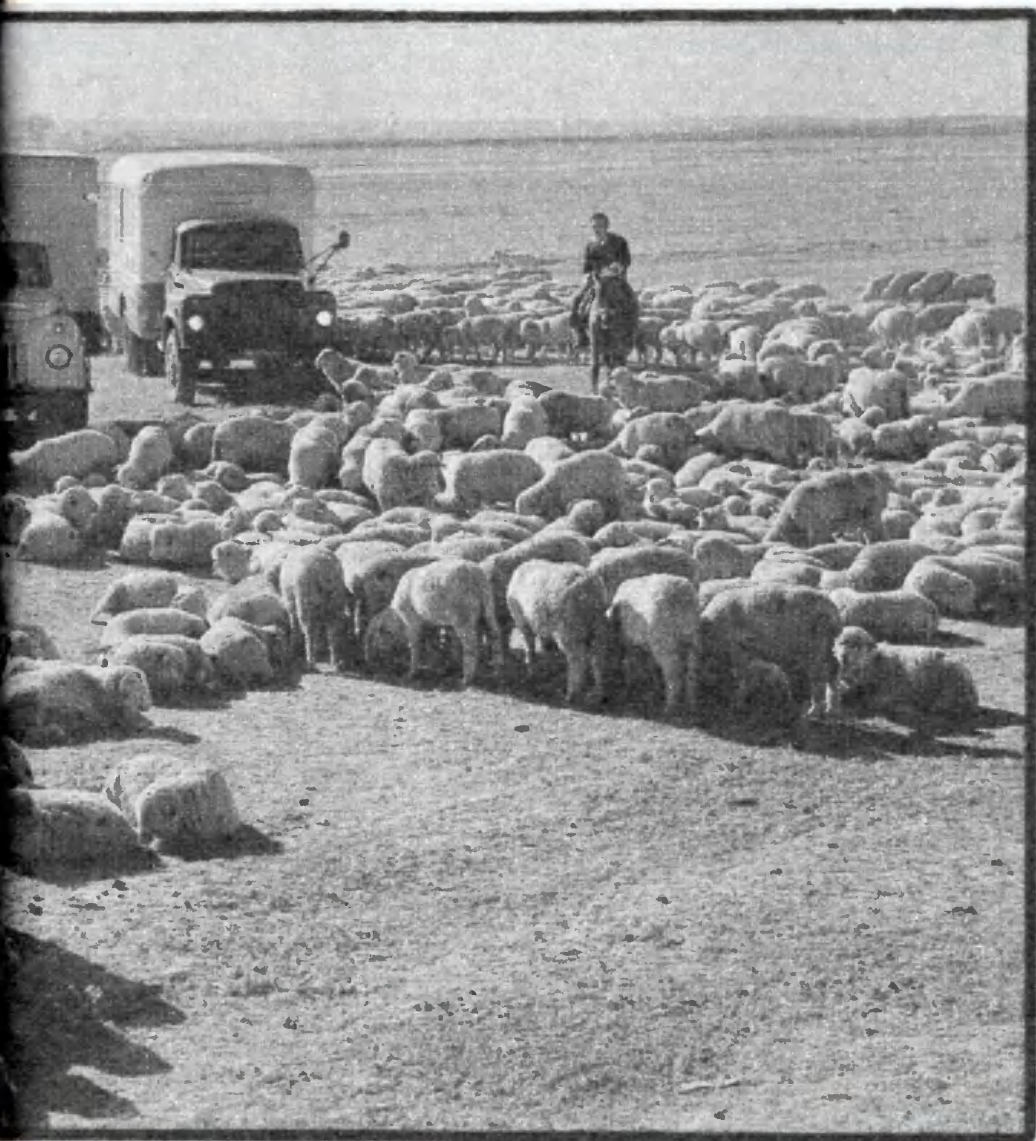
ДЛЯ ВАС!

...Машина уже у дверей. Как только Мария Никифоровна Бегун (на переднем плане) и Мария Герасимовна Кочнева управятся, термосы с обедом быстро загрузят в кузов и повезут на поля совхоза «40 лет Октября» (Зерендинского района Кокчетавской области Казахской ССР).

На все время страды совхоз бесплатно обеспечивает хлеборобов трехразовым горячим и вкусным питанием (фото 3).

Современный специализированный магазин «Техника» открыт в селе Мерке (Джамбулской области Казахской ССР). В его ассортименте — велосипеды, мотороллеры, бытовые электроприборы, домашняя техника (фото 2).

Меркенские кооператоры — лидеры социалистического соревнования в республике — делают все, чтобы на отгонных пастбищах животноводы не испытывали ни в чем нужды. Сюда регулярно приезжают автолавки, привозят все необходимые товары (фото 4).

...Скоро у сына день рождения, придут гости, надо бы пирогов напечь. Но когда? А августовский день хозяйки загружен до отказа.

Кооператоры Кулдигского райпотребсоюза Латвии нашли выход: любой из 32 сельских магазинов района примет заказ на праздничный пирог или другое блюдо и передаст его в Кулдигу, на кулинарный комбинат...

Бригадир Агрита Анатольевна Ощенко (вы видите ее на снимке) придирчиво проверяет, как выполнены заказы. Затем автомашины райпотребсоюза развезут их заказчикам.

ГДЕ ВОЛГУША ТЕЧЕТ..

(Окончание. Начало см. на 2-й стр.)

не выходила на ферму, всегда подменяла кого-нибудь из доярок. И все повадки коров изучила. А что не так на ферме, подметит — непременно вмешается, порядок наведет. Ее даже скотники и бригадиры слушаются.

Валентин давно отметил про себя эту девочку. Удивляла она ранней силой, той смелостью, с которой бралась за любое дело. Брат у нее слесарем на ферме, молодой, неженатый, ему после дойки молокопровод мыть, а глядишь, танцы в ДК или свидание: «Марина, выручи!» — знает, что она справится. Отец у Цветковых управлял трактором и машины — здоровье не ахти, бывало, занеможется, Марина и на заправке не оплошает, разберется, как надо, с трактористами и шоферами. А более всего любила лошадей и коров.

— Ты, Марина, зоотехником станешь, — заранее определил ее судьбу Валентин Иванович. — В тебе характер имеется.

— Буду зоотехником, — ответила Марина, шагая рядом. — Я это решила. Только зоотехником. И больше никем. А жить буду в Талицах.

— Это хорошо, — сказал Валентин Иванович, радуясь за школьницу, которая за год знала, как хочет жить. Все чаще и чаще подмечал он в молодых, в их решительных поступках то самое свойство, которое поразило его когда-то в бригадире плотников. Человек, знающий цель, уверенной живет. Ничто не помешает ему ее добиться. Полные достоинства, они хозяйева своей судьбы.

Помнит Валентин, как лет десять назад прогремело в районе имя Светланы Баклановой, после десятого класса она осталась в деревне доить коров. Тогда она была единственной выпускницей, пожелавшей дояркой стать. Одна на весь район... А ныне? В прошлом году у них в Талицах почти весь класс остался. Люба Вязовская, Лена Худякова, Валя Москвина, Света Сысоева... Одни на ферму пошли работать, другие в швейный цех, в детсад, в Дом культуры... По комсомольским путевкам из школы — на фермы, к земле. В этом году опять жди пополнения.

Валентин уважает в людях силу характера, и, той же мерой оценивая собственное прошлое, жалел он обычно, что много лет потерял зря, когда сам покидал деревню. Покинул и мучился потом, скучал, уж когда-то отважился вернуться... И разве он один такой-то?

Молодые на подъем легки. И не всегда распутаешь причину, почему, подрастая, люди стремятся уехать на сторону. Тут и желание мир посмотреть и себя проверить на крепость. Нельзя забывать также, что, кроме запросов сугубо личных, есть и высшая необходимость. Комсомольск-на-Амуре. Города от Москвы до Бреста, поднятые из руин войны. Ударные комсомольские стройки на Волге, на Енисее... Город Череповец, город химиков и металлургов... А в человеке молодом это крепко сидит — помочь Родине там, где она скажет, и деревня, не скупясь, отдавала юную силу. Инерция тоже была: все едут, и я уеду... Пустела, старилась северная деревня...

Но всему свой срок и предел имеется. Деревня просила помощи. Постановления по Нечерноземью, их выполнение были

ответом. Валентин видел, как пошли удобрения, стройматериалы, техника. Мелиорация явилась. Горизонты словно раздвинулись, поля стали шире, урожаи растут. В прошлом году за лен, хлеб, молоко колхоз получил сотни тысяч рублей чистого дохода. А этот каменный поселок, улицы брусовых домиков по лучам, асфальт дорог, школа, мастерские — это реальные обретения. Они радуют как доказательства силы земли, людей, правильности политики в деревне.

Суть нашего времени, а с ним и перемен, которые обозначились повсеместно, в том, что произошел сдвиг принципиального значения. Среди молодых рождается желание не покинуть деревню, а помочь ей, принять участие в ее заботах. Может быть, это и есть самые дорогие всходы. Это как в поле весной, когда почва возделана, а главное сокрыто от глаз. Что посеяно там? Какие ростки будут? Как речка без родников не речка, так и деревня без молодых не деревня.

...Валентин Иванович и Марина пересекли Волгушу — в низинах зарождался туман, — и на первом повороте они простились. Дом у Марины был здесь, на краю Талиц, а Валентину Ивановичу нужно было шагать дальше — до Ельника, через поле.

— До свидания, Марина, — сказал он. — Это хорошо, что ты надумала остаться в родных местах. — И, должно быть, вспомнив, как сам когда-то вернулся к родительским берегам, добавил: — Когда ты на родине, то идешь по улице, а тебе тут «здравствуй», там «здравствуй». Такое чувство, что ты здесь всем нужен. Да так и есть...

— Вы, дядя Валя, это о чем? — не поняла девочка Марина.

Дома он застал племянницу Катюшку. Она носила почту и знала все новости. Катюшка рассказывала, какой случай произошел у них в Шурыгах. Ходили по домам с подписным листом, кто сколько передаст в Фонд мира. Когда проходили мимо Евдокии Афанасиевны Добряковой — избенка старая, сама она ветхая старушка, пенсия самая малая, какая бывает у колхозных пенсионеров первого поколения, — решили к ней не заходить. Что тревожить? Но к вечеру Евдокия узнала, что ее обошли. «Ой, я обиделась, — сказала она соседке. — Что я, хуже людей разве? Я тоже против войны и буду против нее бороться». Сама Евдокия не могла по старости пойти — сил в теле не было, — отдала она двадцать рублей, чтобы соседи отнесли «кому надо».

Катюшка рассказала это и, еще посидев немного, играя глазками, умчалась. Небось, к бабушке побежала — у той свет в окнах горел.

Валентин поужинал, завел будильник и стал укладываться спать. Сквозь сонную пелену он слышал, словно играла на пианино дочь, светло рассыпались звуки, потом все смешалось в сознании: молодые лица, девочка Марина возле коров, Евдокия Добрякова, которую обидели, что не захотели взять с нее денег для мира, племянница Катюшка. Играла музыка, и наконец он уснул.

...Жаль, что жизнь человеку дается одна. Будь возможность и его воля, он повторил бы ее, чтобы начать так же смело, как это делает сейчас молодежь.

Колхоз «Коминтерн»,
Кирилловский район,
Вологодская область.

Она резко распахнула дверь
председательского кабинета,
быстро подошла к столу и
положила заявление об ух-
де по собственному желанию.

С тех пор минуло девять лет...

— Павловна, там Валя уже в сосульку превратилась. Наверное, с ночи тебя ждет,— пошутил встречный мужчина.

— Бегу, бегу...

С утра мы с ней в бегах. Колхозная контора за селом. Значит, от дома сюда добрый километр. Как рано ни появишься, люди уже ждут. Вот и приходится вставать ни свет ни заря. Как тут не вспомнить поговорку Терентия Семеновича Мальцева: «К высшему образованию надо раннее вставание...»

Наш путь в тракторную бригаду. Впереди,

у дороги, маячит тоненькая фигурка. При-топтыкает на месте, согревается. У ног — большая сумка.

— Что ж так рано? Мы ведь договорились к восьми.

— Та я, Дина Павловна, прозевать вас боялась. А одной туда идти неловко...

Смущенная улыбка, юное лицо. Библиотекарь Вале восемнадцать. После школы уезжала в город, но ненадолго. Вернулась в село. А недавно замуж вышла — за шофера, он из армии вернулся. И тоже в городе не захотел оставаться. Сейчас им колхоз новый дом строит.

— Хорошая девочка Валя, только робкая очень. Думаю: надо ее с людьми поближе свести. Нечего в комнате среди стеллажей сидеть. Пойдем, говорю, Валя, со мной к трактористам. Вместе занятие проведем. Я выступлю по своей теме, а ты о новых книжках расскажешь.

— Ну что, хлопцы? До будущего года все площади переведем на безотвалку.

Присутствующие закивали головами.

Такой односельчане редко видят своего главного агронома. Только на концерте, когда выступает хор «Ланка». Фото С. КУЗНЕЦОВА

ДЦАТЫЙ АГРОНОМ

Согласны. А было время—еще сомневались. Трудно преодолевался психологический барьер. Хлебороб привык: поле должно вспахиваться плугом, и чем глубже, тем лучше.

А тут вот, пожалуйста, выходит агроном и заявляет, что неграмотно обрабатывали землю.

Что нужно не переворачивать пласт, а резать его плоскорезом и стерни оставлять побольше—это и против ветровой эрозии хорошо и влагу сохраняет лучше. На словах-то все выходило легко, а как же было трудно на деле доказать преимущества «безотвалки»... Ведь первые два-три года количество сорняков на поле обязательно увеличивается. Зато потом, если правильно все делать, поля стоят «как вымытые». Но до этого момента дожить надо...

— Главное, не настраивайте себя на легкую работу. Плоскорез требует точнейшей агротехники. Помните, какие осоты стояли под Галивкой, а ведь избавились от них, правда? А почему? Все мероприятия стали проводить тщательно и в срок. Я так скажу: все зависит от вас. Я только знания необходимые могу вам дать. Вот сейчас нужно как можно больше вывезти органических удобрений.

Слышишь, Андрюша? Сегодня судьба урожая в твоих руках.

Рослый тракторист привстал с места:

— Та нэ трэба, Павловна, агитировать! Мы й так всий душой. Ты лучше побачь,—по дороге в Сорочинцы, возле полей, установлены такие гарные щиты. Сразу ясно, кто полю хозяин. Думаешь, нам перед людьми покрасоваться не хочется?

Трактористы дружно рассмеялись.

— В следующий раз поговорим об обработке кукурузы. Припоминайте, что у кого не получилось. Будем анализировать недостатки. Вместе со мной готовится Микола Кузьмич...

Потом выступила Валя, толково рассказала о книжных новинках, их тут же и разобрали.

Что привело Дину Павловну Пшинник, кандидата сельскохозяйственных наук, в феврале 1975 года в один из самых отдаленных колхозов Зеньковского района Полтавской области?

Казалось бы, дорога жизни была определена. Аспирантура в Ленинграде, направление на Устимовскую опытную станцию, исследовательская работа, публикации, уютный городской быт. И вот, как говорится, ни с того ни с сего бросает она все и едет работать в колхоз, до которого и асфальтовой дороги дотянуть не успели... Романтика, что ли? Вроде не по годам...

— Да какая романтика.— смеется Дина Павловна, и ее всегда озабоченное и чуть суховатое лицо становится необыкновенно милым.— Страх меня с опытной станции погнал. Вдруг пришел день, когда поняла я, что тема, которой занимаюсь, мелка, что пользы от моих разработок будет немного. Искать новую тему было уже поздно. Вот я и сделала выбор. Поехала в село. Знала, здесь мои знания пригодятся. И наукой заниматься не заказано: поле-то у меня какое! В пять тысяч гектаров.

Мы с Диной Павловной лепим на кухне вареники. Тут же Юля, дочка ее, пятиклассница. Ластится, рада, что мама сегодня так рано дома, редко это бывает.

Недавно о Дине Павловне написали в газете и поместили фотографию. На фотографии она нарядная, веселая, на плечах цветастая шаль. Но такой односельчане видят своего главного агронома только в клубе, когда выступает хор «Ланка».

— Из меня певица, конечно, не очень. Но в хоре любой голос звучит...

А еще в газете было написано о звездах. Мол, навис над ее домом Млечный Путь («Чумацкий Шлях» по-украински). Любуется она им.

Чумацкий Шлях... По преданию, ездили чумаки в Крым за солью. Трудной была та дорога, обозначенная просыпавшейся из возов солью... Звезды действительно свидетели ее жизни. Уходит ли на работу, возвращается ли—всегда при их свете. Уставшая, порой и головы не поднять, не то что небом любоваться... Не в яркой шали. Зимой—в легоньком демисезонном пальтишке, в нем и то жарко, так убегаешься. Весной в кофте, связанной матерью. Летом—в выгоревшем платье, которое чем ближе к осени, тем просторнее.

Небольшого роста, порывистая в движениях. Люди к ней, надо сказать, относятся по-разному. Кое-кто и недолюбливает за колючий, острый характер. Но уважают все без исключения. Как сказал председатель колхоза Игорь Петрович Лещенко: «За преданность работе и за принципиальность».

Бывают поступки, которые просто не объяснишь.

В областном комитете партии мне с гордостью сказали: вот до какого светлого дня мы дожили—кандидат наук работает агрономом в колхозе!

Действительно, факт не рядовой. Среди главных агрономов женщин—единицы, а чтобы еще и кандидатом наук была—такая в области единственная.

И вот этот единственный агроном—кандидат наук от- казался получать полагающуюся за ученую степень доплату.

Председатель колхоза был прямо-таки ошарашен: «Чем мы тебя обидели? Колхоз богатый, это нам почет, что свой ученый есть...» На это Дина Павловна, по рассказу Игоря Петровича Лещенко, ответила так: «Ничем не обидели, а только я эти деньги не заработала. Вот буду научную работу в колхозе вести, тогда подумаю о доплате».

Многие ее односельчане, уверена, только из этих строчек и узнают о том давнем поступке своего главного агронома. Но не удивятся. В селе, где в войну были сожжены все хаты, где помогали друг другу становиться на ноги, живо в памяти да и в поступках бескорыстие.

...А Дина Павловна, видимо, считала так: ученая степень мало что значит для колхозников, если не видят они от нее прямую пользу. Польза же будет видна, если знания агронома соединятся с практическим опытом бригадиров, механизаторов, старых колхозников. На это требуются годы.

Интересно, в каком году она сама себе скажет: достойна?..

— Дина Павловна, какой у вас главный принцип в жизни?

Долго молчит. Почти предвижу ответ. Угадаю ли?

— Быть стойкой.

В точку! Она могла бы навсегда остаться для села приезжим человеком. Но разве «коренной житель»—это только тот, кто здесь родился и вырос? Разве не бывает так, что приезжий как бы раскрывает людям глаза на их родное и привычное? Многим колхозникам главный агроном помогла почувствовать себя хозяевами в родном колхозе.

Она приступила к работе с организации труда. Не только своего, но и всех, кто с ней связан делом.

Выяснила: некоторые механизаторы заняты непроизводительным трудом. Не потому, что лентяи. А потому, что плохая организация труда превращала труженика в бездельника.

Взять, к примеру, сеялку. Прицепят ее к трактору, она и в деле. А сеяльщик, который ее якобы обслуживает, полеживает в лесополосе, в тенечке. Дина Павловна настояла, чтобы сеяльщиков отменили, а за качеством сева обязали следить самих трактористов.

— Ну и что трактористы?

— Да вначале ругались, а потом поняли, что я права: во время сева лишних рук не бывает. Сейчас следят за сеялками как за

любим другим прицепным орудием. Вот недавно Дмитрий Харитонович Безрук без всякого распоряжения проследил, чтобы хлопцы сеялки подремонтировали. Важно то, что люди поняли ответственность. Кстати, с Безруком такой случай был однажды.

Такая же ситуация, как с сеялками, сложилась с ботвоуборочными машинами. Наотрез отказывались трактористы их обслуживать. А что это значит? Пять человек могли бы они высвободить для других работ. Три дня уговаривала Дина Павловна вместе с парторгом механизаторов. Без пользы. И тогда пошла она к Безруку домой. Долгий был разговор. Но на следующий день вышел старый тракторист в поле с «прицепом». За ним и молодые. А пятерых, которые были резервом, перебрали на уборку эспарцета и люцерны. В то лето впервые не снимали колхозниц со свеклы для уборки многолетних трав.

— Ой, да что мы все о серьезном!— Я и не заметила, когда она накрыла на стол.— Садитесь вечерять...

А мне хотелось еще немного «о серьезном». Спросить, как отнеслись к ее новшествам те, кого заставила трудиться в полную силу. Не аплодировали, наверное...

А потом вспомнил, как один из механизаторов оброну фразу: «Рядом с Диной Павловной совестно работать плохо». И ничего не спросила.

Вареники были замечательные!

Мне не раз приходилось слышать по полтавскому областному радио выступления первого секретаря обкома партии Федора Трофимовича Моргуна. И в рассказе о главном агрономе колхоза «Шлях до коммунизму» («Путь к коммунизму») Дине Павловне Пшинник не обойтись без ссылки на страстного агитатора за бесплужную обработку почвы. Полтавщина первой на Украине начала внедрять безотвалку. Почти десять лет идет эксперимент. Вернее, не эксперимент, а борьба. Ведь самое страстное слово остается словом, если его не подхватят и не воплотят в жизнь тысячи энтузиастов.

Не знаю, знаком ли Федор Трофимович с Диной Павловной. Это не столь важно. Потому что в своей книге «Поле без плуга» он доверительно беседует и с ней.

«...каждый, кто принимается за новое, многообещающее дело, не должен рассчитывать на то, что удастся его решить быстро, без помех».

Она и не рассчитывала на близкий успех. В одном повезло главному агроному— ее первые шаги на пути к безотвалке горячо поддержали и председатель и правление.

— Она так смело пошла на это, что ни у кого сомнений в успехе не возникало,— сказал Игорь Петрович.

Впрочем, засомневаться мог бы именно он. Потому что скептики были среди его сверстников и коллег (тридцать лет возглавляет он колхоз). Трудно перестраиваться на новое, многим не хотелось. К счастью, не о Лещенко эти слова.

Рассказывают, что однажды руководителей хозяйств собрали в области на совещание. Но вместо заседания в зале вывезли на поля, которые обрабатывают плоскорезом. Прямо там, в поле, выступал первый секретарь обкома партии. Доказывал преимущества безотвалки, убеждал колеблющихся.

— Федор Трофимович кого угодно увлечет,— говорила Дина Павловна.— Но ведь не по силам ему в каждом колхозе речи

говорить. Это мы, на местах, должны его поддержать.

Кому не понятно, что борьба за новое в агротехнике ложится всем грузом на плечи главного агронома? Это ей предстояло сломать психологический барьер в сознании односельчан.

Это она должна была в первую очередь освоить все тонкости безотвального метода, чтобы обучить механизаторов, убедить каждого...

А ведь только механизаторов в колхозе около 80 человек... Чуть что не так, слышала: «Вот тебе и безотвалка». Успехи же были почти незаметны, особенно поначалу.

Но в области задумали большое дело, и она не имела права отступить от него. Понимала: в колхозе все проблемы ощутимее и больнее. Но только время докажет, кто прав.

Из рассказа заместителя заведующего сельскохозяйственным отделом обкома партии Николая Николаевича Опары:

— Мы поняли, насколько прогрессивна безотвалка, в прошлом году. Было жаркое лето, июнь и июль совершенно без дождей. Температура поднималась выше 30 градусов. Ну что выстоит в такой жаре? А озимые—они все по безотвалке засеяны—дали по 28,2 центнера с гектара.

Дина Павловна рассказывает:

— Года четыре мы не пашем под озимые. Раньше было так: бесснежная зима, приходится пересевать на огромных площадях. Сейчас об этом забыли. Конечно, мой труд одним оценивается: урожаем. Хлеб нужен, хлеб. А похвалиться пока нечем. В прошлом году получили пшеницы по 32 центнера с гектара. Мало... В 82-м году было по 37, а в иные годы до 41 центнера доходило. Значит, нужно еще много работать...

Как все взаимосвязано! Пламенная агитация партийного секретаря и ежедневные заботы хлеборобов. В безотвалке множество составных. Если не соблюдать технологию обработки почвы, не учитывать особенности каждого поля, только вред причинишь хорошей идее. За тем, чтобы из стройной системы не выпало ни одного звена, следит агроном. В каждом хозяйстве.

Дина Павловна рассказывает о будничных вещах. О десятипольном севообороте, который ведется в хозяйстве. Показывает карту, размеченную на участки. А я не карту почему-то вижу—большой холст, картину. Здесь кивают желтыми головками подсолнухи. В другом месте—сочная зелень свекольной ботвы, а там—золото хлеба. Черный холст, растянувшийся на пять тысяч гектаров. Многоцветная палитра. Каждый год—новая картина. Каждый год—надежды, переживания, муки творчества.

...Это было в ее первую колхозную весну. Озимые на одном из полей нужно было скосить и после этого сразу высадить кукурузу. Проблема кормов заставляла уплотнять время.

У каждого агронома четко размечено, на каком поле что делать. Дина Павловна была уверена, что в этом колхозе распоряжается полями только агроном. Начальник штаба, технолог полей—как угодно можно назвать ее должность.

— Куда?—заволновалась, увидев косылку, сворачивавшую на другое поле, которое по плану отводилось под свеклу.

— Косить. А что? Мне приказали, и всех делов,—отрубил механизатор.

Круто развернулась, чтобы парень не увидел, как близко у нее слезы, побежала к правлению. В мыслях спорила, доказывала. Здесь же нельзя косить! Почему с ней не посоветовались?!

Перед правлением перевела дух, затем вошла в свой кабинет и взяла чистый лист бумаги. Вошла с заявлением об уходе к председателю.

— Не нужен вам агроном,—как ни сдерживалась, почти прокричала.— И мы с вами не сработаемся.

— Для меня это был большой урок,—до сих пор живо помнит все подробности Игорь Петрович.

— Я не видел еще таких агрономов, чтобы все так близко к сердцу принимали. Только тогда и понял: ни за что ее не отпущу.

И вот осталась. И завоевала право на инициативу.

Дело агронома требует мудрости. Той, что складывается из удач и промахов, из опыта личного и коллективного.

Дело агронома требует мужества. В чем оно? Мужество—когда человек умеет отстаивать свою точку зрения. Мужество—когда ломает силу привычки, инерции. Мужество—когда берет на себя тяжесть ответственности.

Чем дольше человек так живет, тем шире он видит.

— У кого бы времени занять? Столько хочется сделать, а некогда. Сейчас душа болит за потопленные земли. Видели, какие массивы залило водой? Нашей вины в том нет, природа капризничает. Но ведь таких земель около 180 гектаров. Нельзя на них рукой махнуть! За каждый кусочек почвы надо бороться...

— Как же, есть у нас достижения. Поднялась за эти годы урожайность сахарной свеклы. Но надо искать «второе дыхание». Вот изменили технологию возделывания почвы, переходим на коллективный подряд. Попробуем для начала в Арсенском, там условия наиболее подходящие. Думаю, получится: люди с большим желанием на это согласились...

Я у Дины Павловны в кабинете. Она натягивает пальто.

— Мне до обеда надо сбегать в Арсенское и в Дамаску. Может, пока здесь побудете? Я вам книгу хорошую дам.

Улыбнулась смущенно, протягивая сборник стихов Юнны Мориц. «Вы-то, конечно, читали... Но стихи можно сколько угодно читать, если хорошие, правда? А то я вам все прозой. Про вывозку удобрений, севооборот и прочее. Отдохните».

— Агрономы у нас не держатся, на повышение идут,—сказал Игорь Петрович Лещенко. Хорошие специалисты везде нужны, нечего возражать...

Давным-давно кто-то сказал Дине Павловне Пшинник под горячую руку:

— Много таких перебивало. Вы тут тринадцатый агроном.

— Четырнадцатого в ближайшее время не будет.—отрезала.—мне на пенсию рано.

З. РОГОЖАНСКАЯ

Колхоз «Путь к коммунизму».
Зеньковский район.
Полтавская область.

МАМИНЫ ЯБЛОКИ

...Мама наша хорошо разбиралась в людях, любила природу, до самозабвения трудилась и нас к труду приучала. Малограмотная (образование — 1 класс), она сделала все, чтобы мы закончили школу. А когда я приезжала из Москвы с сессии (заочно училась в МГУ), мама долго расспрашивала меня о Москве, об университете, о преподавателях, об экзаменах... Радовалась, когда я написала дипломную работу на «отлично».

Два моих брата, Володя и Юра, — рабочие, оба коммунисты. Их очень уважают, ценят. Думаю, это мама научила нас дружить с людьми, быть безотказными в работе.

Помню, когда я была на экзаменационной сессии, мама с такой радостью написала, что прошел хороший дождь, почти ливень. Для нашего засушливого района это целое событие. Тогда почти у каждого в нашем селе был молодой сад. Это моя мама подала добрый пример: наш сад — один из первых в селе. Я помню, как это начиналось...

Дюжий мужчина в забрызганных грязью сапогах прямо с кузова автомашины продавал саженцы яблонь. Погода в тот осенний день стояла промозглая, сырой ветер пронизывал насквозь, небо, как закопченное стекло, повисло над нашим селом. У мамы покраснели руки, а она все передавала мне саженцы, невысокие и угловатые.

— Бери, мамаша, не пожалеешь, — приговаривал продавец. — Сорта хорошие. Вот это, к примеру, белый налив...

— Хоть белый, хоть серый — у нас ему не расти, — вздохнул за моей спиной Павел Матвеевич, старожил села. — Суховей — вот беда-то наша.

Он стоял, опершись на сучковатую палку,

из-под шапки смотрели на маму его грустные и, как мне показалось, полные сожаления глаза.

Мама на миг остановилась, взглянула на него весело, глаза ее лучились, платок сбился, и я только тогда заметила, что от виска стекает маленькая серебряная струйка — седина.

Сад мы сажали всей семьей. Брат копал ямки, отец подвозил перегной, а мама зорко следила за тем, чтобы каждое деревце было хорошо укреплено в мягкой, рыхлой земле.

Весной яблоньки похорошели, покрылись нежными бело-розовыми цветками. Мама выпалывала в лунках траву, рыхлила почву. Поливали все по очереди. Но, как ни старались, летом от зноя земля потрескалась, а молодые листья повисли, словно тряпочки.

Мама не отходила от деревьев. Солнце едва вспыхнет горячим угольком у горизонта, а она уже и воды наносила и яблоньки полила. Нас не будила, мы помогали ей вечером.

А когда наступала прохлада, мама садилась на лавочку в саду и отдыхала до звезд. И руки ее, в морщинах и трещинах, словно яблоневая кора, покойно лежали на коленях.

Никогда, ни прежде, ни потом, спустя годы, я не знала других таких вкусных и ароматных яблок. Одни — золотистые, будто сплетены из солнечных лучей, другие — алой зарей окрашены. Мама приносила их в фартуке, мыла колодезной водой, раскладывала в стеклянной вазе, и мы долго любовались плодами ее труда. До самой зимы деревянные стены нашего дома пахли яблоками, и нам казалось, что все это вечное: и мама, и яблони, и сама жизнь.

Прошли годы, и мамы не стало. Сад постарел. А в одну из суровых зим и вовсе погиб. Отец спилил яблони. Там, где шумели кроны, дарили нам прохладу и сочные плоды, стало вдруг просторно и пусто.

Только в памяти свежо и ароматно сияли яблоки в мамином фартуке...

Недавно, собравшись всей семьей в отчем доме, мы заложили новый яблоневый сад. Пусть цветет и плодоносит!

Т. НЕНАШЕВА,
заведующая отделом
писем районной газеты
«Степная правда».

с. Алексеевка,
Куйбышевская область.

КАКИЕ МЫ СЧАСТЛИВЫЕ!

Прочитала в «Крестьянке» очерк Л. Елина «Опять чадра?» о том, как живут и борются за свои права женщины Пакистана. Какие же мы счастливые! Живешь и не думаешь об этом, пока не узнаешь, каково другим людям в других странах. Читала я журнал и с трудом верила: неужели где-то люди живут без прав, без будущего, без счастья? Вот такие девчонки, как я... Подумать страшно... А у меня все есть. Моя будущая профессия — швея-мотористка. Через год стану шить одежду для ребятшек. И мне 17 лет.

В Ленинград я приехала в 1983 году, 1 сентября. А раньше жила в Иркутске. Какие красивые наши города и села! Какие вокруг хорошие люди!

Если бы я родилась и жила не в Советском Союзе, а в капиталистическом мире, я тоже боролась бы, как женщины Пакистана, за свободу, за демократию! Так хочется им помочь. Но что я могу? Только хорошо учиться и хорошо работать. И я буду хорошо работать! Наверное, это все же как-то связано, как-то влияет на то, что происходит на свете...

Ирина ВАЛЕЕВА

г. Ленинград.

НЕ ДАДИМ ПОГУБИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

Мне, пережившей вторую мировую войну еще ребенком, очень страшно думать о грозящей всему миру ядерной катастрофе. У меня пятеро детей, трое внуков. Я хочу им счастья и потому всеми силами души хочу мира.

Я потеряла свою маму в 1942 году, ее убило бомбой, разорвавшейся у магазина. Отец был на фронте, вернулся в 1946 году инвалидом, скоро умер. Мы с сестрами остались сиротами. Очень тяжело было. Вот пишу и вижу эту проклятую войну, словно не прошло 40 лет со дня Победы.

Пусть господин Рейган и все, кто вновь мечтает о мировом господстве, не рассчитывают на удачу. Мы не дадим погубить человечество. Пусть опомнятся те, кто играет судьбой людей, пока не поздно!

В. КАМБОРЯНИ

с. Амурзет,
Октябрьский район,
Хабаровский край.

Считаете, нелезко на тракторе?..

РАННИМ УТРОМ ОДНОЙ ИЗ ПЕРВЫХ ВЫВОДИТ СВОЙ ТРАКТОР НА ПОЛЯ КОЛХОЗА «РОССИЯ», ЧТО НА БРЯНЩИНЕ, УЛЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ШИНКОРЕНКО. НЕ РАЗ УЖЕ ПОДНИМАЛСЯ НА ФЛАГШТОКЕ В ЕЕ ЧЕСТЬ КРАСНЫЙ ВЫМПЕЛ. ДА И В ПРОШЛОМ ГОДУ УЛЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА БЫЛА ПОБЕДИТЕЛЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ СРЕДИ МЕХАНИЗАТОРОВ ОБЛАСТИ, ВЫПОЛНИЛА БЕЗ МАЛОГО ПОЛТОРЫ НОРМЫ. ЗА ДОБРОСОВЕСТНЫЙ, ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД ОНА УДОСТОЕНА ПРИЗА ТРУДОВОЙ СЛАВЫ ИМЕНИ ПАШИ АНГЕЛИНОЙ.

Проработав 25 лет в колхозе, решила я трактористкой стать.

А дело было так: открылся у нас в селе филиал СПТУ. Его как раз наша дочка старшая оканчивала. Вызвал меня парторг, говорит: «Иди, Ульяна, учиться! Будет у вас вся семья механизаторская». Дома, как узнали, тоже давай агитировать. Пошла! А чего не пойти: учиться тут же, при колхозе, никуда не ездить. Стипендию дают 42 рубля. Объясняют понятно, просто. Считаете, на технике нелегко женщине работать? А думаете, в огородной бригаде легче? Тоже потрудишься, каждому росточку наклоняешься! На тракторе веселее...

В общем, отучилась я, начала работать вместе с мужем. Тут случилось, позвали его помочь отремонтировать комбайн. «Подожди,—говорит,—скоро вернусь. Отдохни пока». А я думаю: чего отдыхать, начну пахать помаленьку... С тех пор и работаю одна.

В первый же год, как стала трактористкой, послали меня на областной слет женщин-механизаторов. Все нарядные, красивые, в фойе рисунки детские выставлены, киоски торгуют... Потом концерт хороший был. Закончился праздник, вышли на улицу—смотрим, трактора стоят новенькие, заводские, и на щитках—таблички с фамилиями. 62 именных трактора! Ну, думаю, посчастливилось кому-то. Слышу, кричат: «Ульяна Григорьевна! Сюда! Скорее!» Подхожу—и глазам не верю: один из тракторов-то на меня подписан!

С тех самых пор и работаю на именном тракторе. Конечно, каждые 3—4 года мне машину заменяют, новую дают. Такое решение приняли, когда наш колхоз включился в смотр условий труда и быта женщин: чтобы трактористки забот с техникой не знали! А поскольку я свою машину всегда в порядке держу, не добиваю до больших поломок, то мой трактор еще потом кому-нибудь из мужчин передают.

Если с бережностью, то техника дольше служит. У нас для ремонта и теххода новые мастерские построили: большое, светлое здание, все инструменты под руками. А когда мы в поле выезжаем, фургон техпомощи прямо за нами едет, в любой момент подтянут, подрегулируют, что нужно, и паши дальше.

Каждую зиму учимся, квалификацию повышаем. Главный инженер с нами занимается. Я уже 1-й класс имею, на 20% больше к зарплате получаю. Многих мужчин обгоняю, они даже обижаются. И Пугачева Нина Павловна и Ковалева Нина Николаевна работают отлично, детей прекрасных вырастили.

Наверное, нам было бы намного труднее работать, если бы о нас, женщинах, колхоз так не заботился. Сказать вам, к примеру: сам главный инженер специально в Брянск ездит, в областной Дом моделей, нам спецодежду заказывать. Все размеры запишет, пожелания спросит и едет. Недавно новый комплект получили: брюки чистой шерсти, кофточка легкая в клетку, куртка с капюшоном на подкладке. Я себе потемнее выбрала, кто помоложе, взял понаряднее. Стоит костюм 100—120 рублей, но это колхозу, нам-то выдается бесплатно.

А за деньги себе что надо мы всегда купим: два раза в месяц у нас заказы собирают и привозят товары.

Когда в поле работаем, без горячей пищи не сидим: в час—обед. За бригадой так и возят прицеп, в нем столы, стулья—настоящая столовая на колесах. На окнах занавески, уютно. А главное, спокойно: и сама и муж сыты.

Когда дети малые были, всегда без очереди в детский садик их брали. Наши теперь уж взрослые, а внуки не с нами растут, так уж получилось: дочка, которая механизаторское училище окончила, поехала на практику на целину да там и осталась. Вышла замуж в совхоз «Братолюбовка» Тургайской области в Казахстане. Муж—тоже механизатор. Живут дружно, двое деток у них. В отпуск к нам приезжают... А сын, как армию отслужил, в милиции работает, тоже самостоятельно живет.

Так что нам и свой дом просторен; а кто в жилье нуждается, колхоз дома строит, каждый на одну семью, с подворьем. Стоит такой дом 9 тысяч. Из них 3 тысячи—колхоз на себя берет, на 4 тысячи семье предоставляется рассрочка, а 2 тысячи—первый взнос—по нашим доходам сумма посильная. Еще ведь и свое хозяйство прибыль дает. Сдаем в кооперацию

картошку, молоко, яйца, мясо. Мы, к примеру, держим корову, поросенка, кур, бычка недавно в «Заготскот» сдали. А чего не держать: колхоз на семью выделяет 30 соток покоса, да сенокосилку, да транспорт дает, чтобы вывезти сено. Хватает кормов, нет заботы.

Молодые, конечно, скотину редко берут: ходить за ней тяжело, спору нет, а все же радостно свое иметь, ведь на земле живем. Правда, и молодые без своего молочка не сидят—родители снабжают... Иначе, наверное, не стали бы от коровки отказываться при таких-то условиях!

Меня свое подворье не тянет—радует. А вот здоровье с годами беречь приходится. Раньше и не знала, где та больница! Теперь нет-нет, да и соберешься: спина разболится, а то и давление поднимется. Можно в медпункт зайти—он тут же, в селе. Здесь всегда дежурит фельдшер, ведет прием врач. Есть в медпункте дежурная машина—если нужно, тут же отправят в поликлинику к специалисту. По хорошей дороге 10 километров не расстояние! И к нам врачи выезжают, осмотр, флюорографию на месте делают.

На отпуск можно путевку взять в профкоме. Нам, механизаторам, бесплатно. Хоть каждый год езди. Муж раз шесть в санатории бывал. Давали и мне бесплатную путевку, съездила в Кобулет, посмотрела тамешные места. Только не любительница я ездить. У нас не хуже!

Село первое место держит в области по благоустройству. Дороги чистые, асфальтовые, дома все выкрашенные, яркие, заборы резные—один к одному! Вдоль дорожек зелень, скверики разбиты, стоят скамейки, столики в землю врыты. Новый клуб строим. А собрался в город, как говорится, людей посмотреть и себя показать—пожалуйста, рейсовый автобус в Новозыбков ходит шесть раз на день, колхозный—в Брянск свезет, часто туда ездим в цирк, в театр.

Я депутатом сельсовета избрана. Старемся все делать, чтобы легче на селе жилось, больше времени у женщин было, чтобы детишки радостно росли. Ради этого и работаем...

У. ШИНКОРЕНКО

ПРОВАЛ У МАШУКА

Вершины гор маячат вдалеке,
И натурально живописны виды,
И есть один провал на Машуке.
Всего один, как объясняют гиды.
Пускай он примечательностью стал,
Но гиды ошибаются, поверьте.
Он несравним, естественный провал,
С другим —
искусственным провалом смерти.
А тот, другой, трагичен на века,
Тот наша боль, досада и обида.
Он здесь произошел,
У Машука.
И им гора печально знаменита.
Каким злым роком считаны года
Тому, кто нам душевно стал роднее?
Наверно, понимали не всегда,
Что без него мы стали бы беднее.
А белый парус облетает свет,
Звезда с звездой говорит над нами.
И смотрит ночь кавказская вослед
Его большими черными глазами.

Ларина НЕВЕЛЬСКАЯ

Стихам Ларины Невельской свойственна тихая раздумчивость, спокойное достоинство деревенского человека. Ее чувства как бы настояны на шелесте березовых рощ и ворковании лесных родников. Но это не умиротворенность мысли. Напротив, в ее стихах остро чувствуется забота нашей современницы о будущем планеты, о будущем родной земли. Сейчас Ларина Невельская живет в Пскове. В «Крестьянке» публикуется впервые.

ПРОСТИ, ЗЕМЛЯ

Земля, твой голос вечно жив!
Прости, что каждую весною,
Твой труд великий оценив,
В делах я все же не с тобою.
А в пашню просится зерно.
Не я, земля, его посею,
И получать твоё добро
Я, может, права не имею.
Когда опять в хлебах стою,
Плоды ли осенью я вижу,
То снова остро сознаю,
Насколько от тебя завишу.
Но я не милости прошу,
А очень верю, что с охотой
Твое прощенье заслужу
Работой.

* * *

Леса и нивы, речки и откосы...
Не разлюблю свой край,
не разбраню.
С моим любимым деревом —
березой

Я долгое молчание храню.
Меня березка, кажется, узнала,
Мы — близнецы родимого угла.
Она бы тихо что-нибудь сказала,
Шепнула нежно,
если бы могла.
Когда роднит взаимопониманье,
Не надо слов,
достаточно взглянуть
На этих тонких листьев трепетанье
И сладкий воздух медленно вдохнуть.

* * *

Я о любви так долго не писала,
Все потому, что, как весенний
гром,

Она меня внезапно поражала,
Но очень долго помнилась потом.
Хоть самыми хорошими словами
Ее, необходимую, зови,
Не уловить тот миг,

когда мы сами
От безразличия идем к любви.
А нас молва худая не обходит,
И кто подобных не слышал речей:
Что в нем она особого находит?
Что он нашел особенного в ней?
А что тут странного, когда навеки
Всем, всем влюбленным
свойственно одно —
Увидеть то в любимом человеке,
Чего другим увидеть не дано.

О ТАЛАНТЕ

Знакомый мой безделье ненавидит,
И каждый день он на ногах чуть свет.
Но говорит, что на судьбу в обиде,
Что у него ни в чем таланта нет.
А сам берется за любое дело,
Чтоб выполнить, не требуя наград,
Да так сноровисто и так умело,
На совесть, как обычно говорят.

Он не стремится к праздному покою,
В делах всегда он точен, как педант,
И главное, работает с душою,
Так что же это, если не талант?

* * *

Живу не бедно и не худо
И помню: каждому из нас
Рожденье, как земное чудо,
Даровано всего лишь раз.
Но не отвечу я, наверно,
Хоть прожила немало лет:
Случайно иль закономерен
Явилась я на белый свет?
Кто знает это?
Кто ответит?
А может, в день рожденья мой
Была у жизни на примете
Не я,
А кто-нибудь другой?
Я не увидела бы света,
Не услышала пенья птиц,
И я не встретила бы где-то
Мне дорогих и милых лиц.
Вокруг чудесно и без рая,
И без надуманных прикрас...

Не мы природу выбираем,
Природа выбирает нас.

Рис. В. ДАВЫДОВА.

БРИГАДНЫЙ ПОДРЯД: КОЛЛЕКТИВ И ЛИЧНОСТЬ

После заседания правления, куда пригласили и нас, специалистов среднего звена, я решила заехать на ферму. Был поздний вечер, но уж очень хотелось рассказать бригаде об услышанном. Еще бы! По итогам 1983 года мы получили самые высокие надои и заняли первое место. К тому же, говорил председатель, бригада Шалиной первой среди животноводов перешла на коллективный подряд. И вообще много теплых слов говорилось о нас в тот день.

...Оказывается, меня в бригаде ждали, хотя успели почти все дела свои закончить. Обступили, засыпали вопросами, кто да что говорил. Растерялась даже. А Зина Клейменова предложила:

— Давайте лучше посидим немного вместе, чайку попьем, а Вера нам расскажет.

И получился у нас тогда вечер воспоминаний.

Слушали Екатерину Дмитриевну Погодину. Она старшая среди нас, всю жизнь проработала на ферме в Мисайлове. Всякого повидала на своем веку, свидетелем была многих «шараханий» в животноводстве. Убедилась, что только практика покажет, действительно ли полезно то или иное нововведение. И вот она нам и говорит: «А что, девочки? Подряд-то хорошо помог нам. Победили мы...»

Победили... А далась нам победа ох как нелегко! Во-первых, бригада наша сравнительно молодая. Всего три года назад создали ее, и тогда Погодина и Лидия Алексеевна Лидванова, ветераны, несли в общем-то двойную нагрузку. Несколько доярок перешли к нам с соседней, Андреевской, фермы, но много оказалось и новичков, вообще не знавших, как и подойти к корове. Мария Пожидаева раньше птичницей работала, Зина Клейменова — механизатором... Пришлось Погодиной и Лидвановой и самим поспевать и учить новеньких.

Тогда как раз построили новый комплекс в деревне Остров на 1100 голов и старые фермы механизировали. А на базе нашей фермы, Мисайловской, был создан один из цехов комплекса, коровник, в котором мы получаем нетелей со стельностью 4—5 месяцев, готовим их к растелу и раздаиваем первые три месяца, после чего наши первотелки пополняют поголовье Островского комплекса.

В Острове сразу же внедрили поточно-цеховую систему. Группы коров сформировали по принципу физиологического состояния животных, ввели двухсменку. От нас, понятно, в большой степени зависело, каким станет племенное ядро, а значит, и надои.

Приезжали к нам московские ученые, внедрили опытную партию пневмомассажников. Немудреная штука — на этот пневмомассажник, но зато как облегчает работу! Небольшая метал-

О том, как внедрялся бригадный подряд на ферме, рассказывает бригадир мастеров машинного доения Вера Шалина

ЕЩЕ НА СТУПЕНЬКУ ВЫШЕ

Вера
Степановна
Шалина:
ее бригада
первой
в колхозе
перешла
на коллективный
подряд.

лическая коробка овальной формы надевается на вымя и подключается к вакуумной установке. Массаж идет за счет отжатия воздуха и ручному несколько не уступает. А нетель быстро привыкает к этой установке и потом, после растела, спокойнее реагирует на доильный аппарат. В позапрошлом году мы раздоили более 200 первотелок и передали их на комплекс. При этом на нашей ферме почти на 200 килограммов увеличились среднегодовые надои от каждой коровы по сравнению с предыдущими годами. Женщины наши стали работать увереннее, без суеты и нервов, бригада окрепла профессионально. А тут, в конце восьмидесят второго года это было, к нам приходит главный зоотехник колхоза Николай Иванович Безунов и предлагает: давайте, девчата, переходить на коллективный подряд. Ну мы, конечно, еще плохо представляли, что это да как, хотя слышали немало. О бригадном подряде и по телевизору говорят и в газетах пишут... Но чтобы у нас на ферме?

Нам менять порядок очень даже не хотелось. Зарабатывали мы неплохо, по 200 рублей в месяц и выше. Научились понимать друг друга с полуслова. Кто у нас больше сделал, тот больше и получил. Оплата сдельная и всех устраивала. А при подряде как? Уравниловка?

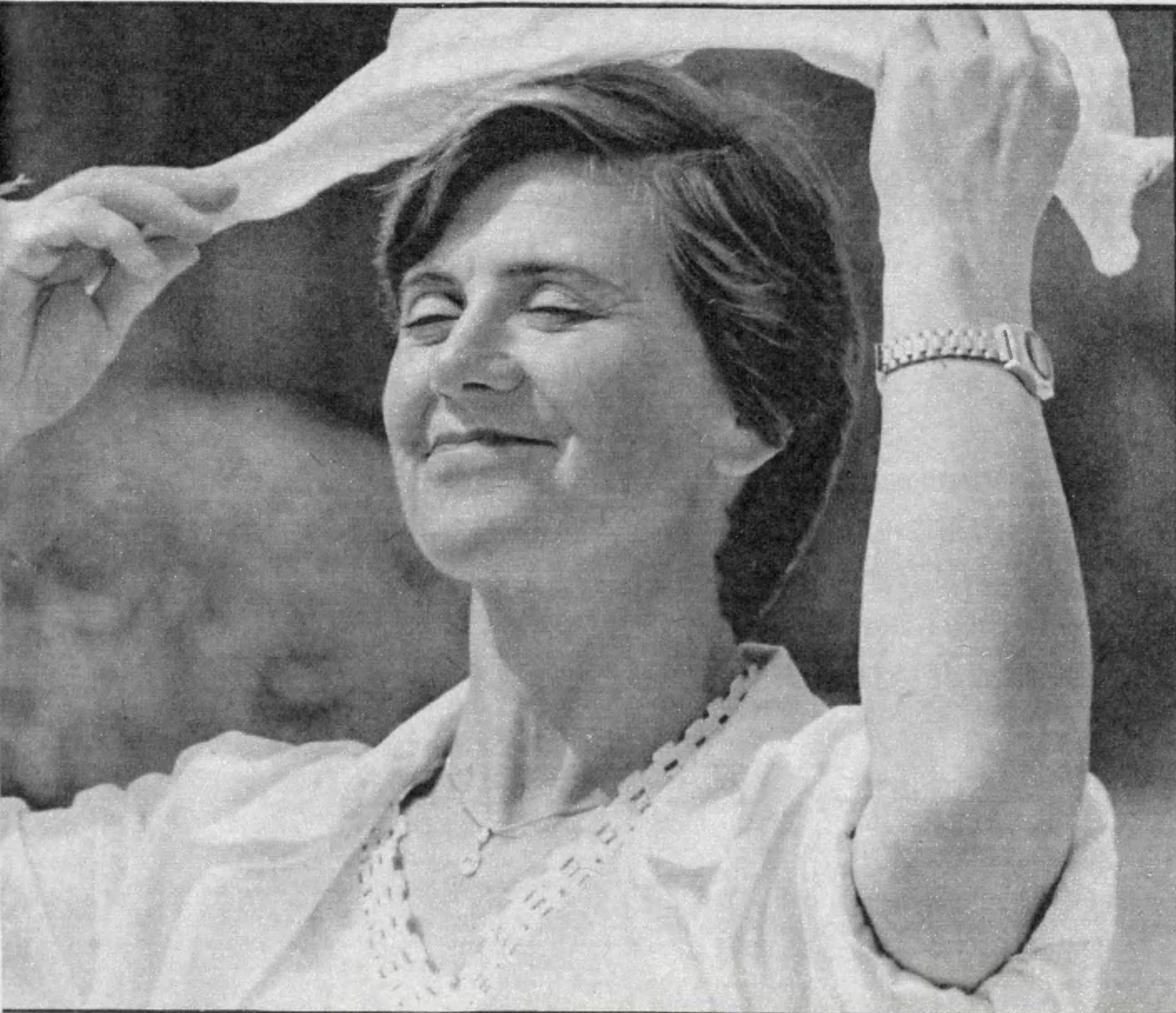
— Почему же уравниловка? — говорил Николай Иванович. — Совет бригады будет решать, чей вклад выше, кто потрудился лучше и больше. Коллективный подряд повысит материальную заинтересованность каждой доярки в общих результатах труда, а значит, повысится и продуктивность животных. ...Я уже не говорю о том, что легче будет найти подмену, если кто-то заболел, легче будет чередовать работу с отдыхом, — втолковывал он нам.

Заставил нас главный зоотехник задуматься. Вечерами я изучала брошюру, в которой были напечатаны методические рекомендации по организации коллективного подряда в молочном животноводстве. Особенно интересовали меня те моменты, которые могли бы послужить доводами для доярок. Например, то положение, что

максимальный размер доплаты за продукцию не ограничивается и доплата эта распределяется внутри коллектива по коэффициенту трудового участия... Или другое положение, из которого вытекает, что нормативный тарифный фонд заработной платы за месяц остается неизменным, даже если в это время работала не вся бригада, а только часть ее. В этом случае сумма экономии распределяется между доярками...

Я пишу обо всем этом, поскольку при внедрении коллективного подряда — и не только на ферме, а, пожалуй, и в полеводстве и в строительстве — нет ничего важнее, как добиться, чтобы люди поверили в эту форму организации труда, увидели, что она отвечает их интересам и идет на пользу делу.

Сейчас даже вспоминать странно, а ведь был и такой день, когда доярки заявили руководству хозяйства: «Будете настаивать на подряде — уйдем с фермы!» ...Но все же готовились мы исподволь к введению подряда. Сотрудники кафедры мясного и молочного скотоводства Тимирязевской академии вели хронометраж рабочего времени, рассчитывали операции по минутам. Мы занялись профессиональной учебой — вели занятия по дойке, кормлению, массажу вымени первотелок, по уходу за новорожденными телятами... И странное дело: внешне как будто бы ничего не изменилось в производственном процессе, а все-таки перемены мы ощутили. Если специалисты рассчитали, что на чистку кормушек и раздачу кормов надо затрачивать в среднем полтора часа, то все старались теперь придерживаться этого времени. Животных и помещение передавали по смене так, что комар носа не подточит, никаких претензий:

Молоко первотелок... Дояркам оно особенно дорого досталось.

ведь теперь заинтересованность была общая — в конечном результате.

Раньше бывало, чего греха таить, каждая доярка норовила для своих коров побольше да получше кормов получить. Едва ли не вырывали друг у друга эти корма... Один скотник на работу не выйдет — попробуй уговори другого за него поработать!.. А сейчас куда подевались мелкие обиды, все эти «я тебе, ты мне» и тому подобное... Заметно дружнее стали работать.

Теперь уже понятно, что к подряду коллектив должен привыкнуть. Очень важную роль играет при новой организации труда совет бригады. То, что может недосмотреть зоотехник или бригадир, обязан увидеть совет. Не подготовил, например, скотник Володя

Ершов вовремя опилки на подстилку животным... Не сумели полностью раздать корма Валерий Бабашкин и Виктор Кулешов... Плохо следили за чистотой и мойкой молочной посуды доярки Татьяна Кулешова и Нина Волкова... За такие нарушения совет бригады без разговоров снимает баллы.

В конце каждого месяца подсчитывается сумма выплаты за фактически произведенную продукцию. Допустим, в мае мы надоили 1000 центнеров молока жирностью 3,6 процента и получили приплод — 40 телят. Расценки за одного теленка и за один центнер молока устанавливаются по договоренности с администрацией. К примеру, за молоко бригаде причитается 2012 рублей. За приплод — 240. Всего 2252 рубля. Вот эта сумма и распределяется между членами бригады с учетом отработанного времени, вклада каждого в общие результаты труда, то есть по коэффициенту трудового участия (КТУ). Отдельно начисляется доплата за совмещение работ. Скажем, механизатор-кормач совмещал свои обязанности с работой скотника, который был в отпуске. Значит, ему можно доплачивать в размере более 50 процентов тарифной ставки скотника. Помимо всего прочего, выплачиваются премии — за сохранение и превышение достигнутого уровня продуктивности коров, за получение и сохранение телят, за экономию производственных затрат, за рост производительности труда и другие показатели. Так что материально мы даже выиграли.

Год на подряде: много это или мало? Итоги подводить рановато, но уже появился опыт — убеждающий, позитивный, обнадеживающий. И все еще не покидает радостное ощущение победы. Все-таки надоить в среднем за

год на 400 килограммов молока от каждой коровы больше, чем в предыдущем, 1982 году, вырастить и раздоить на сто голов первотелок больше — это что-нибудь да значит!

Поэтому в тот вечер за «победным чаем» мы с девочками из моей бригады, вспоминая перипетии всех наших двенадцати месяцев на подряде, старались определить, чья же конкретно заслуга в успехе. Спорили даже. И вдруг поняли, что выделить кого-то персонально нелегко. Может быть, лучше других поработали наши опытные доярки, мастера первого и второго классов Е. Д. Погодина, Л. А. Лидванова, М. Ф. Бойких, Н. И. Внукова... Но разве хуже трудились члены совета бригады З. С. Клейменова и М. И. Пожидаева? Разве мало старания приложили В. А. Громова, М. А. Кашкова, Т. Н. Кулешова? А как много зависело от скотников! Таких профессионалов, как, например, Варвара Антоновна Горюшкина, которая всю жизнь посвятила ферме... Вот и получается, что каждый внес посильный вклад в общее дело, в борьбу за конечный результат, за главную нашу продукцию — молоко. И не в этом ли сила бригадного подряда: люди заботятся главным образом о том, чтобы свои обязанности выполнить хорошо и не подвести других. Так, по моему мнению, бригадный подряд помогает людям подняться на ступеньку выше и нравственно и профессионально.

Когда бригада заключает договор на подряд и начинает работать по этому методу, она невольно проходит несколько последовательных стадий. Сначала — у нас это длилось месяца полтора — идет привыкание. Затем, добившись первых хороших результатов, люди ощущают, что работа стабилизировалась. После этого — спустя, скажем, месяца четыре — наступает очень важный момент саморегуляции коллектива. Что это значит? Бригада, нацеленная на конечный результат, сама начинает искать наилучшие пути к достижению намеченного.

Работа с животными так или иначе распадается на отдельные операции. И в любой бригаде бывает, что одной доярке лучше удастся массаж вымени и дойка, другой — уход за стельными животными и новорожденными телятами. Но постепенно профессиональное мастерство доярок как бы выравнивается. На этом уровне уже возможна взаимозаменяемость. Мы добились такого в бригаде, что каждый из семнадцати человек может выполнять в принципе любую работу, освоив все операции. Больше того, мы намеренно сократили бригаду на два человека. Производство от этого только выиграло.

...Центральная усадьба нашего колхоза носит название Молоково. Символично, не правда ли?

В нынешнем году мы вновь заключили договор на подряд...

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

Колхоз имени Горького,
Ленинский район,
Московская область.

ОБРАТНЫЙ

Почерк иногда неразборчив, некоторые фотографии до того выцвели, что только любовь да родная кровь и могут увидеть то, что некогда запечатлела любительская фотокамера. Это письма войны. Это фотографии войны. Это наше горе и слава.

Стихи с рефреном...

«Шестого ноября 1942 года под Сталинградом мы, танкисты, получили посылки от неизвестных нам советских людей. В одной из них были теплые вещи, кое-что из продуктов, а главное — стихотворение, написанное детским почерком.

Многие танкисты переписывали стихотворение, многие выучили его наизусть. А идя в бой, говорили: «Отомстим за Наташину маму!»

Мы закончили войну в сентябре сорок пятого в Порт-Артуре. Оставшиеся в живых танкисты нашего соединения почти ежегодно встречаются в День Победы. Искали Наташу, но не нашли пока. А нам так бы хотелось найти ее, ведь она стала будто родной.

Вот эти стихи, которые мы помним наизусть: они длинные — и про смерть мамы и как собирать посылку помогал Наташе и бабушке какой-то «дядя Носов», а рефреном там повторяются такие строки:

Я бойцам хорошим нашим
Шлю большой, большой привет.
А зовут меня Наташей,
У которой мамы нет.

С уважением!
Бословяк И. З.,
ветеран бывшей 6-й гвардейской
танковой дивизии,
г. Клинцы,
Брянская область.»

«Мне не было и двадцати»

«Летом 44-го мы наступали, совершали ежедневные марши по 50—60 километров. Уставали страшно. У нас был хороший доктор Меребишвили Шота, к нему подойдешь и скажешь: «Разрешите проехать на лафете?» Это мы так отдыхали: проедешь километра 2—3 на лафете пушки, потом сядешь на обочине и дожидаешься своих.

Так и в тот раз случилось. Сажу, жду, когда моя санрота до меня допылит, как вдруг чувствую какую-то тревогу. Прискакал верхом комполка Кузнецов и срочно завернул второй батальон с марша в сторону. Я, было, говорю, что я не ихняя, не из второго батальона, а Кузнецов мне: там санинструкторы тоже понадобятся, да еще как! Мы проехали на машинах километров 15 к реке Березине. Хороший был такой денек, свежий и солнечный. Со мной в «студебекере» ехали солдаты из пополнения: все молодые, в еще ни разу не стиранном обмундировании. Мне не было тогда двадцати, а им-то и того меньше.

Сначала от реки так хорошо, свежо пахло, но потом потянуло запахами боя. И вот увидели исковерканную подводу с ранеными и убитой, раздувшейся лошадью. Смотрю, от трупного запаха солдатики мои юные побледнели, многих стало рвать. У многих в глазах слезы. И хорошо, что слезы, не надо сразу много такого видеть: страшные позы убитых, сгоревшие, обугленные трупы танкистов. Нас, оказывается, бросили на помощь дивизии прорыва. Бой, видно, был перед переправой крупный, куда ни глянешь — не видно конца страшному зрелищу.

А на середине нового деревянного моста на нас налетела фашистская авиация. Поднялась стрельба, но немцы успели поджечь мост и обстрелять нас с бреющего полета. Первая наша машина загорелась и с солдатами полетела в реку. И под нашей машиной затрещал настил, и мы медленно пошли под уклон. Сидящий рядом со мной солдатик был ранен в предплечье, а другой — в голову. Я еле успела наскоро перевязать их. Тут взводный дал команду прыгать в воду. А мост высоко над водой! Лечу я этак «солдатиком», а сама думаю: какая же это будет глубина? На мне две санитарные сумки, набитые перевязочным материалом, да еще один раненый солдат вцепился мне в ремень, может, плавать не умел? Ну, думаю, не выплыть нам. Но, чувствую, вошли ноги во что-то мягкое и врезались мы чуть не по колени в ил, а воды было по грудь, не больше, а ведь самая середина реки — повезло-то как! Раненые вцепились в меня, и пошли мы к берегу гуськом, как утя с утятами, я ведь здоровая, здоровешенька.

Гвардии старшина 46-го гвардейского Таманского полка ночных бомбардировщиков Алевтина Александровна Казанцева. Снимок 1944 года.

Это их, Алё Казанцеву и ее подруг, едва оторвавшихся от парт, фашисты звали «ночными ведьмами». Последние годы Алевтина Александровна работает воспитателем в Шелеховском ГПТУ-20.

«В 1943 году после окончания десятилетки мы — это пятеро десятиклассниц вместе с молодой учительницей математики — ушли на фронт добровольно. Нас направили в зенитный артиллерийский полк, и мы сопровождали эшелоны к фронту.

День Победы встретила в Польше. На фронте стала членом партии.

Нелегко девушке на войне. Война — ведь это тяжелая мужская работа. Но как же не воевать, когда катится по стране такое горе?

После демобилизации вернулась домой. Отец погиб под Сталинградом, дома еще две сестренки. Работала, экстерном окончила учительский институт, и 30 лет проработала с детьми, и своих троих вырастила, они все получили высшее образование, а я сейчас работаю в библиотеке.

А на фотографии я в мае 1945-го.

Лохманова София Ивановна,
Ростовская область,
станция Персиановка».

АДРЕС-ПАМЯТЬ

Пока я всех перевязала, начало смеркаться, а пока определила моих солдатиков в ближайший медпункт, то и вовсе стемнело, меня и не отпустили до утра, чтобы я не потерялась или не натолкнулась на случайно уцелевших фашистов. А рано утром пошла искать своих. Поднимавшийся от реки туман так окутал меня, что я ничего не видела. Будто в облаках шла. Слышу, ездовые переговариваются, по голосам — наши, нашего батальона. Только я к ним, а они глаза вытаращили, а один даже назад пятится. Тут и другие солдаты подошли и все на меня странно смотрят. И девочки мои прибежали, плачут, обнимают и кричат: «Ты к нам с облаков спустилась, да? С того света, да?» Ничего я не понимаю, не знаю, что прошел слух, будто я убита...

Оказывается, туман во всем виноват был. Тут и смех начался: ну, ты даешь, на облаках летать научилась. Один ездовой, который панику пустил, все говорил: ох, не к добру все это, ох, не к добру, а остальные: к добру, к добру! Мол, счастливая это примета, долго жить будет, коль по облакам шатается!

А ведь сбылась примета, ничего не скажешь.

Лилия Александровна Токарева,
теперь Киселева,
г. Джамбул, ул. Макарова, 15».

Жила-была девушка

Полковник Александр Петрович Коденец погиб смертью храбрых на подступах к Ворошиловграду. Тогда его 16-летняя дочь Лиза собралась на фронт.

Мелания Петровна Коденец,
тетя Лизы:

— Лиза была единственной дочерью моего брата Александра. Росла она крепкой, смысленной, жизнерадостной. Помню, с каким вниманием слушала рассказы отца о героях гражданской войны. Любили они всей семьей петь. Рвалась на фронт с первых дней войны, но в военкомате отказывали. А уж как отца убили, она не просила, а требовала. Путь от Киева до Берлина мы прошли вместе.

Григорий Петрович Коденец,
дядя Лизы:

— До войны я был колхозным шофером. Лиза всегда просила прокатить ее «с ветерком». Это у нее в крови было, ведь и отец ее тоже был механизатором, а в армии вырос до полковника и командовал танковой бригадой. Твердо решив после гибели отца бить врага на танке, в какой-то мере заменить его, Лиза добилась своего. С боями прошла на запад половину Украины, Польшу, участвовала в штурме Берлина.

Сергей Сергеевич Вещунов,
полковник в отставке:

— Все наши доводы, что она почти дитя, что нужно подучиться военному делу, — это все она решительно отметала. Мы ей предлагали то или другое, она — нет и нет: мой отец был танкист, и я буду бить фашиста танком. А если и погибну, то, как папа, в танковом бою. Ее взяли на испытание боем. В этом же первом в ее жизни бою она проявила бесстрашие и отвагу. После боя роли поменялись: теперь уже экипаж танка просил командование оставить ее в качестве радиста-пулеметчика. Так Лиза в шестнадцать лет стала полноправным танкистом.

Федор Михайлович Клинов,
полковник в отставке:

— Дочь полковника Коденца Лиза прибыла в нашу танковую бригаду в начале июня 1944 года. Ее зачислили в экипаж танка стрелком-радистом, и в ходе боевых действий она показала себя превосходным солдатом. Была она красива собой, общительная, любила петь и танцевать. В короткий срок стала любимицей части. Бой на улицах Берлина в день 1 мая 1945 года оказался для нее последним. Прямым попаданием вражеского снаряда танк был подбит, и весь экипаж погиб.

Вдова полковника и мать бойца хранит четыре письма.

Одно — от мужа, написанное за два дня до смерти.

«Здравствуйте, мои дорогие жена Ирина и дочурка Лизонька! Сегодня получил сразу два письма, сколько новостей в них, сколько радости! Сердце отогревается от ваших нежных слов, холодный металл становится теплее.

Спешу сообщить, что я, как прежде, жив, здоров и невредим. Рад, что и вы не падаете духом. Ира, ты пишешь, что Лизонька тайком изучает радиодело. А от кого прятаться с таким полезным делом? Скоро она будет совсем взрослой, и это ей может пригодиться.

У нас радостное событие — вступаем на землю родной Украины. Как бы фашист ни стервенел, песенка его спета. Очень скучаю, так хочется увидеть вас, крепко обнять, услышать ваши голоса, посмотреть в ваши ясные и чистые глаза. Но сейчас об этом можно только мечтать. А пока крепитесь, мои дорогие и любимые. Через несколько часов мы пойдем в бой.

Крепко обнимаю вас и целую.
Папа. 4 февраля 1943 г.»

И три письма от дочери Лизы.

«На этой фотокарточке мы, девушки из 2-й роты отдельного 74-го батальона ВНОС. Мы еще служили, но уже пришла Победа, и мы поехали на батальонные соревнования. Был очень красивый праздник, когда мы впервые оставили оружие...

Нина Чалых,
теперь Луценко
Нина Михайловна,
г. Новокубанск,
Краснодарский край».

«Милая, родненькая моя мамочка!

Я уже писала тебе, что встретили меня как родную. Тут еще много боевых друзей папы, все они называют меня доченькой или сестричкой. Все говорят о папе как о славном и храбром командире. Я этим очень горжусь, думаю, тебе тоже приятно слышать такое. Папа наш был настоящий герой, и я хочу быть похожей на него.

Обмундирование, которое мне выдали, все новое, мне очень идет. Вот только шинель нужно немного подогнать. А ремень мне ребята достали такой, как у папы был. Теперь можно и пофасонить. Одно мне не нравится: все жалеют меня, считают, что я «все-таки девчонка», и уговаривали, чтобы пристроилась писарем. Но я хотела только в танк и настояла на своем. Я должна отомстить за папу. Должна, понимаешь!

Милая моя мамочка! Знай, что я люблю тебя крепко-крепко, что дороже тебя у меня никого нет на свете. Вот разобьем фашистскую гадюку и снова будем вместе. Блинов напечем, в лес пойдем — как хорошо в лесу!

Крепко обнимаю и целую много-много раз. Твоя Лиза.

17 июня 1944 года».

Еще одно сохранившееся письмо — из Польши.

«Родная моя мамочка!

По строчкам твоего письма вижу, что ты плачешь. Не плачь, дорогая, не беспокойся обо мне. У меня все хорошо. Я уже обстрелянный боец. Я всегда думаю о тебе, родная, как-то даже во сне говорила с тобой. Читаю твои письма своим фронтовым друзьям. Вместе со мной они радуются за то, что у меня такая расчудесная мама.

Я воюю в танке радистом-пулеметчиком. Говорят, получается у меня здорово. Ребята в экипаже отличные. Мы одна семья, они меня любят, и я их тоже. Обо мне, мамочка, не тревожься, никакая вражья пуля меня не возьмет. Жди меня, дорогая мамочка. Твоя Лиза. 18 января 1945 года».

И последнее, написанное за два дня до гибели.

«Милая моя распрекрасная мамочка!

Ура, мамочка, мы в Берлине! Загнали фашистского гада в его берлогу. Берлин — город большой, но мрачный и страшный. Все вокруг грохочет, ухает, свистит. Дрожит земля, дым режет глаза, дышать нечем, полуразрушенные дома окутаны пламенем.

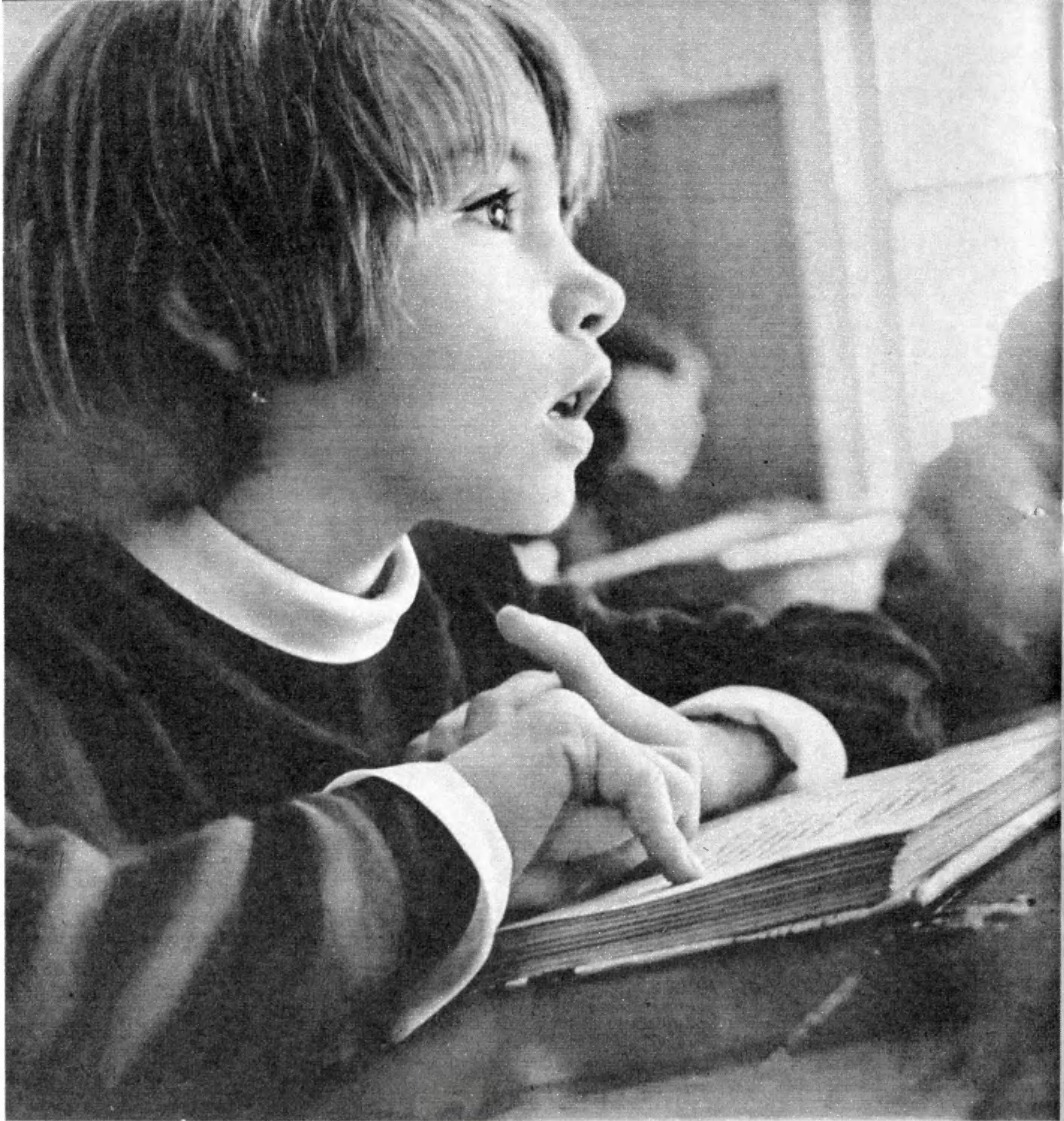
А на улице весна. На деревьях распустились молодые листья. Ребята умудряются даже цветы дарить мне. Как же их не любить!

Все мы чувствуем, что не сегодня-завтра фашистская гадина испустит дух. Дорогая, любимая моя мамочка! Сегодня так хочется видеть тебя, как никогда. В мире нет лучше мамы, чем ты у меня. Жди меня. Война скоро отгрохочет, и мы будем смотреть на чистое небо над головой. Обнимаю тебя и целую крепко-крепко. Твоя Лиза.

29 апреля 1945 г. Берлин».

В селе Хухра Ахтырского района Сумской области стоит теперь памятник отцу и дочери.

А. КОСЯК,
участник Великой
Отечественной войны.

**Близится Первое сентября.
Первый всенародный
праздник — День знаний.
Первый учебный год, который
пройдет под знаком
претворяемой
в жизнь школьной реформы.**

**Постановления партии и
правительства, принятые вслед
за публикацией Основных
направлений этой реформы,
подвели прочную материальную
базу для того, чтобы каждая
идея обрела плоть и кровь.**

**Но многое, очень многое
зависит от местных
партийных, советских и
профсоюзных органов,
от органов
народного образования,
директоров школ, а более
всего от каждого учителя,
который станет проводить
положения реформы
в своей повседневной
будничной практике.**

НА ДЕР

Три месяца шел поистине всенародный педсовет. Ломились под тяжестью писем редакционные столы, еще раз подтверждая высокую степень всеобщего интереса к вопросу едва ли не первой социальной важности. В самом деле: в стране, где учится каждый ребенок, вряд ли есть что-нибудь, что волновало бы общественное мнение в большей мере, чем все связанное с тем, как именно учится этот ребенок, как его учат.

Письма из сельской местности составили в этой почте большинство. Потому что многие идеи, нашедшие свое воплощение в Основных направлениях реформы, оказались чрезвычайно важными именно для сельской действительности. Более раннее взросление, куда более существенная, чем в городе, мера трудового участия подростков, стремление к тому, чтобы сын или дочь как можно скорее определились в профессиональном отношении, — все это для деревни заботы традиционные.

Что ни весна, начинались конфликты

- Проблема «продленки»
- Как примет шестилеток сельская школа?

года каждый спокойно, без спешки научиться и считать, и писать, и, что самое важное, действительно бегло читать.

Но можно ли с уверенностью сказать, что любая сельская школа готова принять шестилеток? Почта отвечает на этот вопрос: нет и еще раз нет. Нужна огромная, вдумчивая работа, прежде чем можно будет открыть двери для самых маленьких.

Судите сами. Сегодня считается, что если школу отделяют от дома, где живет ребенок, три километра, то это нормально, и даже первоклассник может одолеть это расстояние пешком. Опыт, однако, показывает, что километры километрам рознь. Маленьким ребятишкам, например, из села Сухарево, что совсем неподалеку от Минска, куда как не просто добраться до школы по расхлябанной, необустроенной дороге. Километров-то, верно, три. Однако они и для взрослого небезопасны, когда дорога, положим, скользкая в гололед или расползлась в пору осенних или весенних дождей. А машины-то на ферму, на строительство все равно по ней как-то ходят. Ходят, обдавая при этом грязью с головы до ног маленьких пешеходов с ранцами за спиной.

Теперь вообразите в роли этих пешеходов шестилетних малышей. Казалось бы, всего-то год разницы, но в этом возрасте он значит очень много, и три километра для шестилетки — расстояние, в сущности, огромное. Значит, с новой остротой встанут перед сельскими, поселковыми Советами проблемы подвоза ребятишек в школу и из школы. Значит, не раз и не два надо подумать, прежде чем закрывать крошечную начальную школку, до которой и шестилетка дойдет своими ногами без всякого риска для жизни и здоровья.

А как поведет себя шестилетний малыш в

ют исполкомы городских и районных Советов народных депутатов». Как же важно, чтобы в связи с этим не возникало честолюбивых стремлений поскорее отапортовать, что дело сделано, все в порядке. Как важно, чтобы такой порядок был действительно достигнут и в полном объеме, без всяких скидок на объективные трудности.

Есть еще один вопрос, решение которого в условиях села отличается большим своеобразием. Речь о группах продленного дня. Начиная с 1990 года число детей, необходимое для того, чтобы можно было создать такую группу, существенно снизится: достаточно будет, чтобы набралось двадцать учеников, и можно открывать «продленку». Постановлением специально оговорено право в отдельных случаях создавать группы продленного дня в малокомплектных школах и с меньшей наполняемостью.

Но разве дело только в количестве детей? Дело еще и в том, чем заполнена вторая половина дня, не сводится ли пребывание на продленном дне к простому присмотру за детьми. Пользуется ли авторитетом воспитатель, в силах ли он действительно помочь приготовить уроки по разным предметам, есть ли в школе все необходимое, чтобы дети не уставали, не томились? Все эти вопросы правомерно задать как в городской школе, так и в сельской. Но вот вопрос, который именно в сельской школе звучит особо громко.

Софья Григорьевна Боришкевич работает в школе двадцать три года. Сейчас она ведет группы продленного дня в поселке Степань Сарненского района Ровенской области. И вот на что обращает внимание:

ЕВНЕ ПЕРВЫЙ ДОМ

между родителями и школой как раз на той почве, что родители предпочитали продолжить образование детей в профессионально-технических училищах, а школа была обеспокоена нехваткой учеников в старшем звене.

Теперь это противоречие устраняется. Как и другое. Снижается возрастной порог допуска молодых людей к самостоятельной работе на тракторах и комбайнах, что заметно облегчает им возможность выполнить собственное желание, совпадающее к тому же с потребностью народного хозяйства в кадрах.

Не будет, однако, преувеличением сказать, что главная и, может быть, наиболее трудноразрешимая проблема, с которой столкнется сельская школа, — это понижение возрастного порога начала обучения. В первый класс очень скоро придут шестилетние малыши. Широко поставленный эксперимент, в том числе и в сельской местности, доказал, что учить таких маленьких детей можно и нужно, что увеличение на год сроков начального обучения облегчит абсолютному большинству детей усвоение основ образования: за четыре-то

классе, где учатся дети двух или даже трех возрастных групп? Между тем в сельской малокомплектной школе такой класс не редкость. Можно понять волнение и озабоченность родителей из села Прелюб Корюковского района Черниговской области. В этом селе как раз и существует класс-комплект.

Ныне, когда постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» значительно снижает наполняемость классов (до тридцати с первого по девятый), положение несколько изменится. И все-таки... Легко ли, скажем, сообразовать режим, определенный для шестилеток (у них урок должен длиться не более тридцати пяти минут), с обычной продолжительностью урока для детей постарше? Видимо, формируя классы-комплекты, надо прилагать все усилия к тому, чтобы выделять шестилеток в особую группу, как бы их ни было мало.

В постановлении сказано: «Конкретные сроки перехода на обучение детей с 6-летнего возраста по каждой школе определя-

осенью и весной очень трудно удерживать в школе после уроков детей примерно с четвертого по восьмой класс. Они нужны дома. Их помощь требуется в саду, в огороде, в уходе за домашней скотиной, да и за младшими в семье надо присмотреть. Такова традиция деревенской жизни, и вовсе не плохая. Потому-то Софья Григорьевна — и не только она — считает: необходимо прислушаться к суждениям родителей на этот счет. Пусть группа будет меньше, но из тех детей, которым она действительно нужна.

Мнение это тем более весомо, когда речь идет не о группах, а о целых школах продленного, или, как его называют, полного, дня. Об этом пишет педагог с сорокалетним стажем Иван Иванович Приходченко из Сумской области, где вот уже несколько лет усиленно насаждается переход школ в целом на такой режим. «Может быть, он и хорош там, где к школам подключили спортивные клубы, музыкальные школы, Дома пионеров, где есть настоящие кружки по интересам. Но если всего этого нет и в послеурочное время с детьми занимаются те же учителя, то получается день не

полный, а пустой».—говорится в письме.

Спору нет: нормальная организация продленного дня требует специальных помещений для занятий спортом, искусством, для игр, чтения, рукоделия и т. п. И прежде чем вводить у себя то или иное новшество, надо подготовить материальную базу, достроить, где есть в этом нужда, здание школы, оборудовать стадион, мастерские. Без этого ни о каком серьезно поставленном продленном дне, конечно, говорить не приходится. Точно так же, как и без четко организованного горячего питания детей—вопрос, который, увы, для многих сельских школ остается больным. Жалуется группа родителей, чьи дети учатся в школе № 12 поселка Геок-Тепе Ашхабадской области. Живут дети в отдаленных от школы пунктах, вынуждены поэтому рано выезжать из дому и поздно возвращаться. В школе между тем нет горячего питания, весь день ученики на сухомылке.

А можно ли признать нормальным то, о чем пишет учительница из поселка Пола Парфинского района Новгородской области Г. П. Ефимова: «Оставим уж в стороне вопрос о качестве приготовляемых блюд и поставляемых райпо продуктов, о санитарном состоянии столовой. Но почему я, учительница, превращаюсь еще и в бухгалтера при этом самом питании?» Автор письма прислала в редакцию абонементную книжку, в которой учитель должен ежедневно заполнить отрывной талон и отдать его повару. Если кто-либо из ребят не пришел в школу, учитель обязан завтра возратить ему стоимость обеда. Вот и ходят учителя с полиэтиленовыми мешками, наполненными купюрами и талонами. А к Новому году из райпо приносят «подарок»—ведомость, где обозначено, кто из классных руководителей и сколько должен... Та же история повторяется в конце учебного года. И учитель раскошеливается. И суммы подчас получают весьма внушительные.

Надо ли говорить, что заботы эти весьма специфического свойства—учителя городских школ о них, пожалуй, и не слышали...

Быть деревенской школе большой или маленькой—вот вопрос коренной, и решается он совсем не так однозначно, как это казалось еще недавно. Преимущества большой школы, конечно, очевидны—и для учителей и для учеников. Возможность каждому учителю работать именно по своей специальности, не догружаясь до ставки чем бог пошлет,—немалое благо. По-настоящему оснащенные кабинеты, мастерские и все остальное, что неизбежно сопутствует большой школе, тоже благо, и несомненное. Однако легко ли оторвать от себя ребенка, тем более маленького, легко ли на целую неделю отправить его в пришкольный интернат, как бы он ни был хорош (да и всегда ли он хорош, спросим мы не кривя душой?)...

Вот и получалось: закроют в деревне маленькую, захудалую вроде школу, а следом за ней хоть саму деревню закрывай: года не проходит, а уже и некому ни поля вокруг этой деревни обрабатывать, ни скотину на ферме обихаживать. Первый шаг к тому, чтобы стала деревня в ряд перспективных,—ликвидация в ней школы. Социальные последствия этого шага уже очевидны и заставляют вдумчивых руководителей до последнего держать даже во все уж мини-школку, где на восемь классов и тридцати учеников не наберется.

И дело тут, как выяснилось, не только в том, что малолетние по нынешним временам семьи очень болезненно переживают необходимость расставаться на целую неделю с единственным подчас ребенком. И другие уже обнаружили последствия иных торопливых решений. Об одном из них очень убедительно пишет доцент Ошского пединститута Ташболот Максutow. Киргизия—высокогорная республика. Населенные пункты удалены друг от друга. Вот почему долгие годы выход из положения усматривался в том, чтобы дети учились в школах-интернатах, то есть в районных центрах и городах. И что же получалось? А то, что они оказывались вдали от привычных для их семьи условий жизни, отрывались от родителей, от родной стихии и ни за что не хотели возвращаться в колхоз или совхоз, заниматься делом, которому искони служили их отцы и деды. Вот почему сейчас усилия направлены на то, чтобы создавать школы на крупных пастбищах, и сегодня там уже учатся сорок пять процентов детей киргизских животноводов.

Между тем такая проблема остра не только для Киргизии. Столь же серьезно приходится думать над ее решением и в условиях Крайнего Севера, применительно к детям оленеводов. Да, наверное, и в средней полосе не семь, а семьдесят раз надо отмерить, прежде чем решить, где резоннее всего открывать новую школу и нужно ли закрывать старую, даже если содержать ее дороже, чем большую благоустроенную школу. В том-то и дело, что не все сочтешь на простых счетах. Не случайно постановления, принятые партией и правительством во исполнение Основных направлений школьной реформы, пронизаны большой заботой и о маленькой школе, о том, чтобы учение в таких школах не оборачивалось чувствительными потерями ни для тех, кто учится, ни для тех, кто учит.

Иногда случается и то, что в самом тексте Основных направлений реформы и в последующих постановлениях особое место и особое внимание отведено фигуре учителя. Можно построить первоклассную школу, начинать ее новейшей техникой, но главной фигурой обучения был и остается учитель. Это и вообще так, а на селе тем более. Значит, всем, от кого зависит самочувствие, настроение и самоуважение учителя, надо проникнуться пониманием его значимости. А почта свидетельствует о том, что именно здесь предстоит немалая психологическая перестройка.

Пишет глава большой учительской семьи, педагог с более чем тридцатилетним стажем Н. Л. Гапула из Чутовского района Полтавской области. В его письме приведен весьма выразительный и, к сожалению, отнюдь не единственный в своем роде документ: «Директору школы. Исполком поселкового Совета народных депутатов обязывает Вас обеспечить 8 февраля сего года к одиннадцати часам утра явку в поссовет секретаря партийной организации школы, старшей пионервожатой и секретаря учительской комсомольской организации на совещание по поводу переписи скота, имеющегося в личной собственности жителей поселка». Документ скреплен подписью председателя исполкома поссовета.

Автор письма озабочен не тем, что учителя должны принимать участие в обсужде-

нии вопроса, мягко говоря, не связанного с их основной деятельностью,—его огорчает то обстоятельство, что три учителя должны пропускать уроки, а один из них еще и факультативные занятия.

А как согласовать с требованием заботиться о бытовых условиях учителя факт, приведенный в письме П. А. Синичкина, дочь которого после окончания педвуза была направлена в Хуторскую школу Светлогорского района Гомельской области? Школа глубинная, отдаленная, и отец не был удивлен ни отсутствием хороших для молодого специалиста, ни скудостью ассортимента в местном магазине. Удивило другое: когда этот молодой специалист обратился к руководству совхоза с просьбой выделить немного земли под огород, чтобы можно было вырастить самое необходимое, это самое руководство согласилось дать участок лишь при условии, что за каждую сотку огорода девушка обработает по две сотки сахарной свеклы в совхозе. А как понять отказ дирекции совхоза «Рушан» и исполкома районного Совета народных депутатов Рушанского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР организовать доставку в школу шести педагогов, которые живут в восемнадцати километрах от нее? Им объяснили, что тратить на это дорогостоящий бензин никто не намерен.

Не подобным ли отношением объясняется и такое печальное явление, как ежегодный отлив из сельских школ отработавших, а то и не отработавших минимально положенный срок молодых специалистов? Какая же катастрофическая растрата опыта происходит! Только-только привык человек, приспособился к местным условиям (а они всегда особенны, всегда непохожи на те, что ожидают учителя в иных местах), и вот уже собирает чемодан. Всегда ли охота к перемене мест им движет? И кто его заменит?

От отношения к учителю во многом зависит, насколько успешным окажется воплощение в жизнь основных положений реформы школы. На апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось о том, что главное—подвести под всю работу по преобразованию школы прочную материальную и организационную базу. Реформа потребует от нашего общества немалых расходов. Только повышение заработной платы учителям обойдется в три с половиной миллиарда рублей ежегодно. «Но мы считаем,—сказал, выступая на Пленуме, Константин Устинович Черненко,—что это очень верное, хозяйское вложение народных денег».

Огромная почта, полученная редакциями газет и журналов в ходе обсуждения реформы, убеждает: чтобы отдача от этих вложений была такой, какую мы ожидаем, нужно не только построить новые школы и перестроить, заново оборудовать старые, не только по-новому организовать отношения школы с шефствующими организациями, чтобы они привыкли рассматривать школьные заботы как свои, кровные. Главное—перестроить сознание тех, от кого реально зависит судьба реформы, претворение в каждодневную практику ее высоких целей. Суть этой перестройки состоит в том, чтобы школа стала первым домом на деревне не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова.

И. ОВЧИННИКОВА
Фото М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

В АВГУСТОВСКИЙ ДЕНЬ — О ЗЕМЛЯНИКЕ

Вроде бы давно отошла пора сладкой душистой ягоды — садовой земляники. а у садоводов сейчас, в августе, только и разговоров о ней. «королеве сада». Обсуждают достоинства разных сортов, какой все-таки лучше — старая, испытанная «красавица Загорья» или всегда урожайная — с гарантией! — «фестивальная»? А может, «зенга-зенгана» — сорт знаменитый, урожайный, ягода крупная, вкус отличный, только вот созревает поздно. Хотя это, пожалуй, и удобно, когда не весь урожай поспевает в одно время. Куда приятнее сначала «опустошить» грядки с ранними сортами, потом за поздние взяться. Вот скажем, «ранняя Махерауха» — сорт старый, при хорошем уходе дает урожай приличный и раньше всех других поспевает. К сожалению, мелкоягодный... Тогда, может, завести сорта поновее? Их много, всех и не перечислить, от торжественной «олимпийской» до ласковой «внучки» или «Машеньки».

Каждый сорт имеет свои достоинства. Но вот вопрос: где взять рассаду? Ну, во-первых, в специализированных на выращивании земляники хозяйствах: в августе там выкапывают рассаду и часть обычно продают желающим, — не пропустите! Во-вторых, можно и к соседям обратиться, у кого земляничные грядки урожайные: все равно ведь будут в августе обрывать «усы», — часто их попросту выбрасывают... Но, конечно, лучше всего использовать рассаду, выращенную на собственном участке. Только земляника должна быть здоровой, сильной, урожайной и не старше 2—3 лет. И непременно нужно знать, что за сорта вы рассаживаете. Найдете такую рассаду? Тогда приступаем к работе.

Длинный «ус» дает сразу несколько укоренившихся розеток. Острым совком отделим весь его от материнского куста, выкопав розетки и возьмем из них только те, у которых пышные, разветвленные корешки длиной не менее 6—7 см и крепкие черешки с листьями, пусть лучше совсем короткие, чем длинные да хилые.

Такой рассады вы на «усе» найдете мало — только ближайшие к материнскому кусту одна-две розетки. Вот их и берем. Тут же ставим каждую в тазик, где уже разведена густая «болтушка» из обычной огородной земли с водой. Но следим, чтобы в «болтушке» были только корни, а сердечко — непременно снаружи. Проходим грядку, и

Рис.
Н. БЕШЕНКОВСКОЙ.

постепенно наш тазик становится похож на маленькую пышную клумбу — целая будущая земляничная «плантация» разместилась в нем.

А грядка у нас уже готова. Для нее выбрано самое лучшее место: не слишком низкое, чтобы весной в застойной воде растения не гнили, и не слишком высокое, чтобы не пересыхали. С севера грядка, как положено, защищена постройками, кустами или деревьями, а с юга, наоборот, непременно открыта: ну какая же земляника в тени? На затененных грядах хорошего урожая не будет!

Вообще-то грядами земляничные насаждения я называю условно: как раз грядки в привычном смысле слова, высокие, с низкими межами, для нее делать не следует, и вот почему. За свою недолгую жизнь (а держать землянику более 4 лет не рекомендуется, дальше ягод будет все меньше, а сорняков и болезней все больше) каждый земляничный куст как бы выпирает из земли, его корни и надземная часть растут таким образом, что вскоре вместо ровного места образуются холмики. Их приходится окучивать, как картофель, иначе корни сильно сохнут. Получаются высокие гребни. Поэтому землянику нужно сажать на ровном месте, разбивая ряды и межи, но не делая высоких гряд, за исключением тех случаев, когда место низкое и приходится опасаться весенних вод.

Надеюсь, что вы заранее перекопали почву, тщательно выбрали корни сорняков. Делать это надо хотя бы недели за две до посадки: рыхлая ровная «перина» для будущих новоселов должна осесть до их «вселения», а не вместе с ними.

Об удобрениях тоже надо позаботиться заранее, тут уж мерим не на недели, а на годы — вносить их нужно за год, а лучше за два до посадки. Хорошо растет земляника там, где прежде были овощи, под кото-

рые вы регулярно вносили удобрения.

Специалисты рекомендуют делать так: за 2 года до посадки земляники внести на будущие грядки под любые овощи, которые пока там растут, 3—4 кг навоза, 20—30 г суперфосфата, 10—15 г хлористого калия на 1 кв. м. Летом с подкормкой добавьте азотное удобрение, например, по 20 г аммиачной селитры на ведро воды, и это на 3 погонных метра бороздок. На следующий год под овощи, уже под такие, которые к августу освободят место для посадок земляники, опять надо внести столько же и таких же удобрений, исключив только аммиачную селитру. А уж перед самой посадкой ничего не вносить! Вот тогда можно быть уверенным, что нежные корни рассады не обожгутся удобрением, и в то же время питания землянике хватит по крайней мере на первые 2 года.

Итак, грядки подготовлены, таз-«клумба» стоит поблизости в тени, а еще лучше, если и тень не нужна — день прохладный, пасмурный, пусть даже дождик накрапывает: мы потерпим, а рассаде полезно!

На грядке 2 ряда, вдоль каждого натянут колышками шнур. Расчет такой: от ряда до ряда — 40 см. потом промежуток не менее 70 см, по его середине протопчем межу, а дальше — следующая пара рядков.

Сейчас многие садоводы сажают землянику в один ряд через 70 см: площадь, конечно, не так экономно расходуется, зато на обдуваемых всеми ветрами, незагущенных кустиках ягоды лучше сохраняются, меньше гниют. А поскольку на загущенных грядах от самой распространенной болезни — серой гнили — теряется половина урожая, то неэкономный расход площади оборачивается как раз экономией.

Вдоль шнура кладем 2-метровую рейку, на которой сдела-

ны отметки через 25 см (на сдвоенных рядах хорошо бы и через 30, а на рядах по одному можно и через 20). Теперь — острый совок в руки и возле отметок делаем лунки, такие, как, скажем, для помидорной рассады. Одна стенка лунки должна оставаться плотной и вертикальной: к ней тогда удобно будет приставить кустики так, чтобы сердечко оказалось над поверхностью почвы, а корни были расправлены. Эти два момента очень важны: засыпанное землей сердечко и загнутые, слипшиеся под землей корешки — самая частая причина неудач при посадке земляники.

Одной рукой держим рассаду у стенки в правильном положении, другой расправляем корни и засыпаем их, уплотняя почву. Сверху останется неглубокая лунка. Теперь сразу, без промедления поливаем весь ряд. Воду льем слабой струей из лейки без ситечка, расходуя примерно 2 литра на 3 растения. Когда вода впитается, закроем (замульчируем) лунки торфом, перегноем или в крайнем случае просто сухой почвой, чтобы вода меньше испарялась и не образовывалась корка. И еще раз — последний! — поклонимся каждому кустику: внимательно проверим, не засыпаны ли сердечки. Если такое случилось, придется осторожно пересадить растение заново.

Все, работа закончена! Разогнули спину, вздохнули свободно, и... на следующую грядку!

Если погода не жаркая, не сухая — землянику можно даже несколько дней не поливать. А вот если жарко и сухо? Ну, во-первых, в такую погоду лучше вообще не заниматься посадками, отложить их до конца месяца, а то и до начала сентября (на юге, кстати, «земляничный» месяц — как раз сентябрь). Да и рассаду в жаркую и сухую пору вы не сможете заготовить, она просто не укоренится на «усах».

ВО САДУ ЛИ. В ОГОРОДЕ
Хозяюшка

Хозяюшка

ЧУДЕСА В СТЕКЛЯННОЙ БАНКЕ

«Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблоней вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем». Перечитывая гоголевских «Старосветских помещиков», всякий раз думаю о том, какие прекрасные перспективы открылись бы перед Пульхерией Ивановной, умея она пастеризовать. А как бы был доволен Афанасий Иванович! И как славно, что для нас с вами подобной кулинарной «тайны» не существует... За дело, милые юные хозяйшечки! Плоды благодатного августа уже разложены на столе. Сохраним же их при помощи могущественной пастеризации до зимних холодов...

А. Б. В... КУЛИНАРИИ

Помнится, в прошлом году мы с вами солили, квасили, мочили, используя бочонки и кадушки—очень неплохой способ, когда семья большая. Однако в стеклянных банках, укуренных герметично, овощи, фрукты и ягоды хранятся дольше, лучше, надежнее. Если, конечно, соблюдать определенные правила. Повторить их лишней раз не грех, тем более что частенько в ваших письмах повторяются одни и те же вопросы, на которые я постараюсь вам ответить.

Какие консервы можно делать в домашних условиях?

Из плодов и ягод всех видов, а из овощей годятся томаты, щавель, ревень.

Другие же овощи можно консервировать только с добавлением уксусной или лимонной кислоты. При этом консервы у вас получатся не слишком кислые, но зато стерилизовать их можно в кипящей воде.

Какие продукты нельзя консервировать дома?

Прежде всего мясо и рыбу. Думается, что не стоит рисковать, ибо с печально известными бактериями под названием «ботулинус» шутки плохи. А в мясных и рыбных консервах даже при отсутствии воздуха ботулинус развивается прекрасно. Все сказанное в полной мере относится и к «натуральным» консервам из грибов без добавления уксуса.

Как плоды и овощи готовят к консервированию?

Общие правила: продукты моют, чистят, удаляют кожицу и косточки, сортируют, причем крупные плоды и овощи режут на части, бланшируют, то есть ошпаривают кипятком на 3—5 минут, раскладывают в банки возможно более плотно. Сироп, рассол, маринадную заливку, пюре или соки наливают

этой операции на кожице помидоров появятся трещины—тем легче снять кожицу острым ножом. Заливать помидоры лучше всего подсолненным томатным соком, который можно получить из помятых плодов (на 1 л сока—1 чайную ложку соли). Стерилизуют помидоры в пол-литровых банках среди кипящей воды 35 минут, в литровых—сорок.

ТОМАТНОЕ ПЮРЕ

очень важная заготовка. Для этого зрелые томаты промывают, режут на половинки и нагревают до получения однородной разваренной массы. Горячую массу протирают через сито и снова

уваривают, помешивая, пока объем томатного пюре не уменьшится в 2—2,5 раза. Горячее пюре разливают по банкам и стерилизуют в кипящей воде: пол-литровые банки—25 минут, литровые—35—40 минут.

Как происходит консервирование в стеклянных банках с жестяными крышками?

Сначала банки лишь прикрывают жестяными крышками и ставят для стерилизации в кастрюлю с подогретой водой на деревянный решетчатый кружок или на ткань. После этого их продолжают нагревать до кипения воды и выдерживают при умеренном кипении положенное время, прикрыв кастрюлю крышкой. Затем банки вынимают, укупывают при помощи закаточной машинки и ставят для охлаждения крышками вниз. Кстати, таким способом легко проверить герметичность банок, выявив течь.

НАДЕВАЕМ ФАРТУКИ

ОГУРЦЫ КОНСЕРВИРОВАННЫЕ отличаются от маринованных несколько меньшим содержанием уксуса, иным вкусом и ароматом. Лучше взять молодые, плотные огурцы и замочить их в холодной воде на ночь. Вечером же можно заранее приготовить смесь пряностей: листья хрена, сельдерея и мяты, немного зелени петрушки и укропа, чеснок, зерна черного перца, лавровый лист, стручки красного перца. Половина смеси укладывается на дно банок, затем—плотно—огурцы, которые заливают горячей заливкой (на 1 литр воды—60 г соли). В пол-литровых банках такие огурцы стерилизуются 4—5 минут, в литровых—вдвое дольше. За минуту до конца стерилизации надо приподнять крышки и в каждую литровую банку влить по неполной чайной ложке 9-процентного уксуса.

ПОМИДОРЫ хорошо консервировать, когда они мелкие, овальной формы. После того как вы вымоете их и бланшируете 1—2 минуты в дуршлаге, надо быстро поместить их в ледяную воду, не перекладывая в другую посуду. После

этой операции на кожице помидоров появятся трещины—тем легче снять кожицу острым ножом. Заливать помидоры лучше всего подсолненным томатным соком, который можно получить из помятых плодов (на 1 л сока—1 чайную ложку соли). Стерилизуют помидоры в пол-литровых банках среди кипящей воды 35 минут, в литровых—сорок.

Помните, как-то мы с вами говорили о том, что одна из отличительных черт русской национальной кухни—приготовление различных блюд на основе капустных или огуречных рассолов. РАССОЛЫ тоже можно консервировать. Например, капустный сок, который часто остается в излишке при квашении капусты, можно процедить через ткань, нагреть в кастрюле (не до кипения!), а потом разлить в подогретые банки или же бутылки. Укупоренные банки держат в нагретой до температуры 85 градусов воде около получаса, а затем охлаждают.

СЛАДКОЕЖКА

Ни один уважающий себя сладкоежка не упустит случая хорошенько запастись на зиму вареньями, компотами, мочениями и желе. Но для этого ему, лакомке, придется хорошо потрудиться летом. Ну а август может подарить отличный материал для заготовок—крыжовник, сливы, яблоки и груши, виноград...

Сахарный сироп—обязательный компонент компотов. Вот как его делают. Воду нагревают в кастрюле, добавляя сахар, следят за тем, чтобы он полностью растворился, и, не престанно помешивая, доводят смесь до кипения. Горячий сироп хорошо процедить. Чем кислее фрукты, тем больше кладите сахара. И еще: помните, что в банке с компотами плоды должны занимать 2/3 объема тары, а сироп—1/3. Концентрацию сиропа я буду далее указывать в процентах.

КОМПОТ ИЗ ЯБЛОК, зеленых, но не мягких, лучше кислых или кисло-сладких, делается несложно. Яблоки моем, режем

Во-вторых, если не дожидаться пасмурных дней, сажайте рассаду к вечеру и в последующие дни обязательно поливайте.

В-третьих, полезно в таком случае обрезать перед посадкой крайние листья, оставив только центральные, чтобы растение меньше испаряло влаги. Иногда даже оставляют всего один лист—тот, что у самого сердечка, самый молодой.

Наконец там, где постоянно сухо и солнечно, лучше располагать рядки при посадке не на ровном месте, а в неглубоких бороздах, чтобы растения хоть немного притенялись, а влага после поливов дольше держалась.

Посадка закончена, но не бросайте без присмотра земляничные грядки, хоть они пока и бесплодны. Осенью и с весны особенно следите за тем, чтобы они были чистыми от сорняков. Вон из почвы—со всеми корнями—одуванчики, лебеду, молочай, а особенно пырей! Ох, уж этот пырей... Вылезет пар тонких травинок, а корней под ними—уже на метр. Упустишь—дело плохо, ведь земляничная грядка—не огород: не перекопашь ни следующей весной, ни даже через два года.

Одно спасение, следить с первой же недели, а потом с первых же весенних дней, чуть что вилы в руки—и долой все белые пырейные корневища целиком! Вилами получится. Лопатой же нет. Разрезанный корень—это уже 2 пырейных куста вместо одного, а для земляники нет среди сорняков злее врага, чем пырей. Зараженные им грядки приходится иногда даже уничтожать, не дожидаясь положенных 4 лет, поскольку толку от них мало.

А на чистых от сорняков, рыхлых, да еще и удобренных грядках здоровая и сильная рассада, высаженная в срок, обязательно даст первые ягоды уже в следующий сезон. А через год—готовьте корзины под обильный урожай...

В. ЩЕРБАКОВА,
агроном.

КАК ПОСТРОИТЬ БАНЮ?

«Дорогая «Хозяюшка»!
Мы живем в благоустроенном современном сельском поселке. Все удобства у нас есть, в том числе и ванны в новых квартирах. Но вот задумали мы с друзьями построить своими руками баню — настоящую, русскую, деревянную, с парилкой, какая издавна славится в наших краях. А как? Что для этого надо? Не поможешь ли нам?»

Н. ПИГАЛОВ,
С. ПРОХОРОВ.
Горьковская область».

Построить русскую деревянную баню несложно, если вы немного владеете топором, пилой, рубанком.

Для начала определите размер будущей бани, ее полезная площадь (без печки) должна быть не менее 5—6 кв. метров. Высота бани от пола до потолка — 2—2,3 м. На рис. 1 показана схема простой бани: цифрой

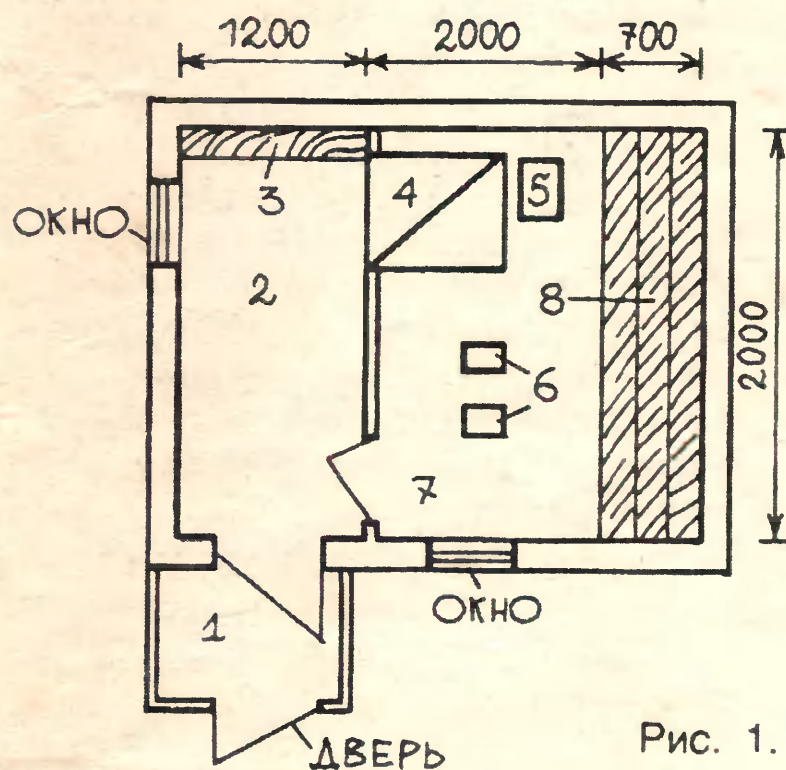

Рис. 1.

1 обозначен тамбур; 2 — предбанник; 3 — скамья; 4 — печь; 5 — бак для холодной воды; 6 — табуреты-подставки; 7 — моечная; 8 — полка.

Для постройки можно взять любые материалы — камень, кирпич, бревна, бруски, в том числе каркасные засыпные, но лучше всего — дерево.

Каркасные засыпные по своим свойствам не уступают деревянным, но они нуждаются в обязательной пароизоляции.

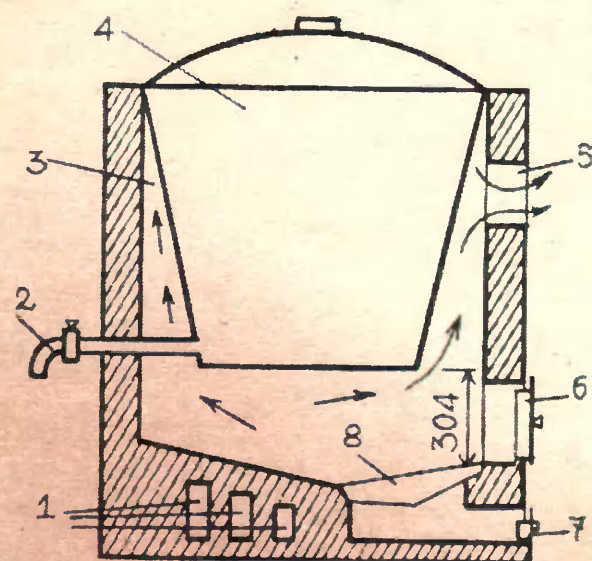

Рис. 2.

С внутренней стороны на каркас бани крепится толь или рубероид так, чтобы каждое верхнее полотно напускалось на следующее, но не ниже чем на 100 мм. Потом все покрытие обшивается досками. Сверху их можно закрыть любым пластиком.

Потолок настилается так. Прибитые доски сперва закрываются со стороны чердачного перекрытия толем или рубероидом, на них кладется слой засыпки, лучше всего шлака. С внутренней стороны подшивку можно облицевать пластиком, таким же, как и стены; он хорошо предохраняет древесину от влаги.

Стены бани должны хранить тепло. Толщина стен из бутового камня — 750 мм, из кирпича и бетона — 510 мм, из бревен — не менее 200 мм. Древесину и паклю для заделки стен обязательно обработайте противогнилостным антисептиком — дольше прослужат. Можно оштукатурить стены с внутренней или с внешней стороны цементно-известковым раствором.

Для кровли и перекрытий

сплошном ленточном фундаменте из бута, красного кирпича, хорошо обожженного, или железняка, на высоте 500 мм от уровня поверхности земли. Красный щелевой и силикатный кирпич не пригоден!

Деревянные стены лучше тоже ставить на ленточном фундаменте, но можно и на столбчатом с тонкими стенками из названных здесь материалов и с подсыпкой около них грунта. С внутренней стороны стены фундамента «облицуйте» жирным слоем глины, это надежно предохранит его от намокания. Не забудьте про гидроизоляцию! Лучше ее уложить на мастику: толь — на дегтевую, а рубероид — на битумную.

Самый простой пол в бане — земляной, для него достаточно срезать растительный слой почвы на глубину не менее 150 мм. Но лучше всего сделать так. Отступите от фундамента по всем его сторонам около моечной на 500 мм, выберите грунт на глубину не менее 500 мм и в образованную яму насыпьте песок или гравий, на

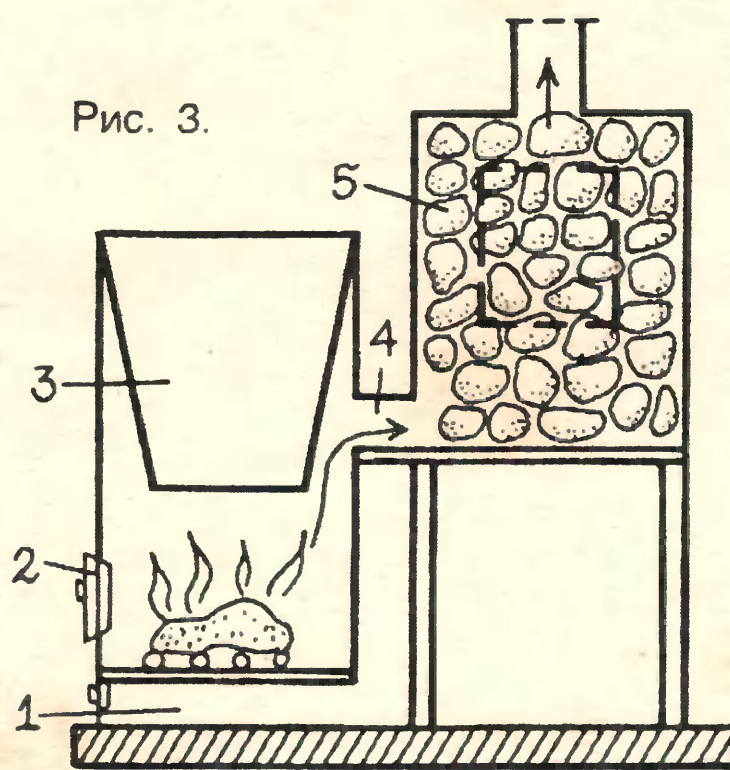

Рис. 3.

них настелите доски. Можно положить на столбы балки и на них настелить доски. Воду надо отводить за пределы бани на расстояние 2—3 метра. И позаботьтесь о том, чтобы из такой ямы не поступал в баню холодный воздух.

Для устройства электроосвещения запаситесь проводкой из изолированных проводов. Электролампы защитите предохранительными плафонами.

Для нагревания воды применяются и обычные чугунные котлы и водогрейные коробки с краном. Объем — из расчета 6—7 литров воды при температуре 50 градусов на одного человека (при мытье вы будете ее по желанию разбавлять). Не забудьте, что при нагревании воды количество ее уменьшается. Котлы и баки приспособьте так, чтобы они опирались своими бортиками на стенки кладки, или подвесьте на тросиках или толстой арматурной проволоке к балкам потолка.

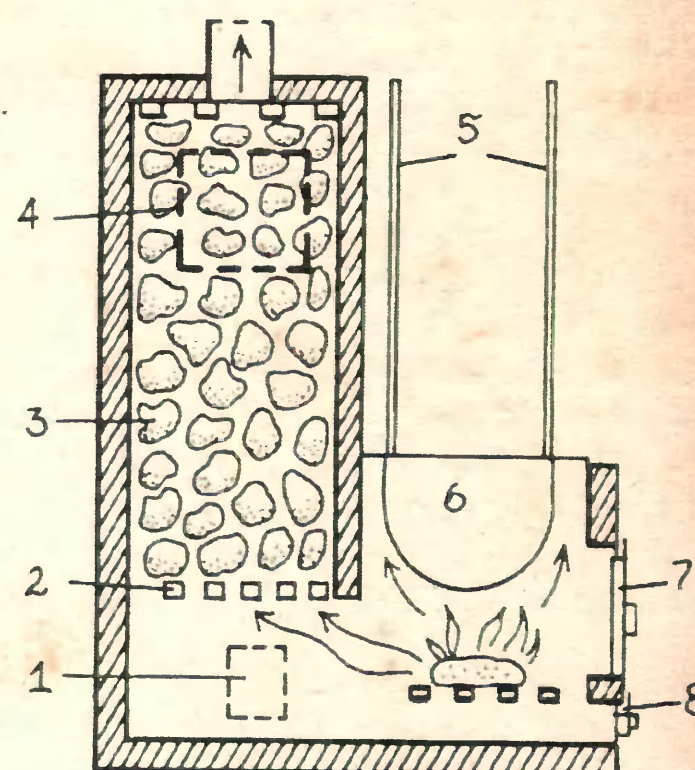
Для любителей париться (этим и знаменита русская баня!) устройте каменный настил.

Хорошо бы добавить к камням чугунные чушки, из расчета — 80 процентов камней и 20 процентов чугунных чушек.

Чтобы все стенки печи отдавали тепло, надо строить их с отступом от стен бани минимум на 250 мм. При кладке печей строго соблюдайте меры противопожарной безопасности, особенно при прохождении трубы через чердачное перекрытие и кровлю.

Предлагаем несколько вариантов простейших печей. На рис. 2 показана печь для отопления и нагрева воды. Она имеет: 1 — каналы для выхода тепла; 2 — кран для разбора горячей воды; 3 — пазуху для горя-

Рис. 4.

чих газов; 4 — котел; 5 — канал для отвода газов в трубу; 6 — топочную дверку; 7 — поддувальную дверку; 8 — колосники.

А вот печь-каменка из двух бочек (рис. 3): 1 — зольник; 2 — топливник; 3 — бак для воды; 4 — патрубок; 5 — каменка. Как видите, эта печь и удобна и проста в изготовлении.

Может быть, вам больше понравится простая печь-каменка (рис. 4). Для нее потребуются: 1, 4 — дверки; 2 — чугунные колосники; 3 — каменка (камера, заполненная камнем); 5 — проволока или тросик; 6 — котел; 7 — дверка топливника; 8 — дверка поддувала.

Тяга во всех печах зависит от многих факторов, особенно от высоты трубы. При строительстве учитывайте это.

Ну вот баня и готова. Если хотите, чтобы она служила вам дольше, не забывайте после каждого мытья проветривать чердак да и само помещение, чтобы удалить следы влаги.

А. ШЕПЕЛЕВ,
инженер.

А ТЕПЕРЬ О ТЕСЕМКЕ «КВАДРАТНОЙ»

венной с остальными четырьмя парами от плетешков, перевейте ее один раз и сплетите с ходовой от края. В накол между парами поставьте булавку и заплетите ее.

Ходовую пару квадрата перевейте один раз и сплетите с пятью парами от плетешков, перевейте еще раз и сплетите с ходовой от края. В накол между парами поставьте булавку и заплетите ее.

Снова перевейте ходовую квадрата один раз и сплетите с пятью парами от плетешков. Заплетите булавку ходовой парой и последней долевой. Теперь «возвращайтесь» обратно. С последней парой сплетите плетешок. Из оставшихся четырех пар сплетите еще два плетешка. Пары отложите. Ходовые пары от края и долевые перевейте один раз и сплетите. В наколы между ходовыми и крайними долевыми парами поставьте булавки, заплетите их. Крайние долевые отложите. Ходовые «проплетите» через долевые тем же способом обратно. Долевые отложите.

Теперь каждую ходовую пару сплетите с одной парой от плетешков. В наколы между парами поставьте булавки и заплетите их. Ходовые отложите. Сплетите дальше два плетешка до начала второго квадрата. В вершине квадрата заплетите булавку парами левого плетешка. И продолжайте таким же образом плетение «квадратной» тесемки...

УЗОР «ВИЛЮШКА»

Начинаем знакомиться с техникой плетения поворотов по-

лотнянки и методов сцепления ее отдельных частей. Иными словами, плетем узор «вилюшка».

Подготовьте сколок длиной 15 см, нитки № 30. Расстояние между наколами 0,4 см. Ширина полотнянки по всему узору — 1 см, расстояние между ее частями — 0,5 см. С внешней стороны поворота (см. рис. 3) расстояние между наколами то же, что на прямом участке полотнянки, а внутри поворота наколы располагаются рядом друг с другом. Обратите внимание: наколы параллельно расположенных участков полотнянки должны находиться напротив друг друга. Еще одно замечание: для того чтобы нити пар при переплетении правильно ложились по рисунку, подушку-валик нужно поворачивать.

Для плетения узора возьмите 9 пар коклюшек. Закрепите сколок на подушке. Навесьте пары: на крайнюю левую булавку — две, на остальные булавки — по одной. Теперь — за работу.

Для начала вспомните наш третий урок и сплетите полотнянку с перевивом крайних пар — до последнего левого накола, после которого начинается поворот. Заплетите булавку, вколотую в этот накол, и плетите полотнянку, двигаясь к первому наколу на повороте справа. «Подожли»? Сделайте «закидку»: нити ходовой и последней долевой пары поменяйте, два раза перевейте и еще раз поменяйте. Булавку поставьте в накол под обе пары. Крайнюю пару отложите, а другой парой плетите полотнянку

в обратном направлении. Когда вернетесь к повороту справа, опять сделайте «закидку». Поставьте в накол под обе пары булавку. Продолжайте плести полотнянку, делая справа на повороте «закидки».

Тут в нашу работу придется включить тонкий вязальный крючок или иглу для поднятия петель. С помощью крючка и пары нитей сцепляют отдельные части полотнянки — делают сцепы, которые соединяют наколы, расположенные напротив друг друга.

После того как проплели поворот, переверните подушку-валик так, чтобы проплетенный участок прямой полотнянки находился у вас справа. Плетите полотнянку до первого накола справа после поворота. Ходовую и последнюю долевую пару перевейте по одному разу и сплетите, долевую отложите. Ходовую пару перевейте три раза. Из противоположного накола выньте булавку. Введите крючок в отверстие между нитями сверху вниз, подхватите одну из нитей ходовой пары и вытяните ее через отверстие. В образовавшуюся петлю проведите вторую нить ходовой пары при помощи коклюшки, слева направо. Выньте крючок из петли и затяните петлю. Ходовую пару перевейте 3 раза и сплетите с долевой. Плетите полотнянку до следующего сцепы и повторите все операции. Это и будет узор «вилюшка»...

Ю. МАКАЦУБО,
преподаватель
декоративно-прикладного искусства.

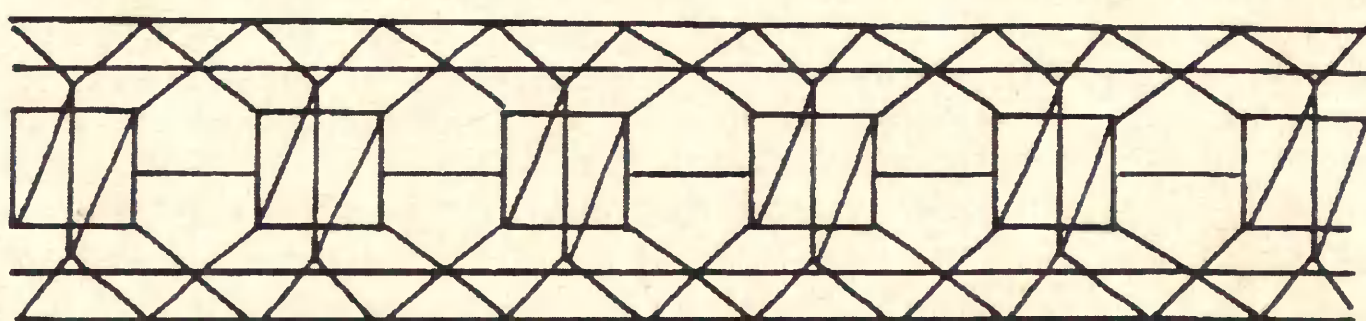

РИС. 1

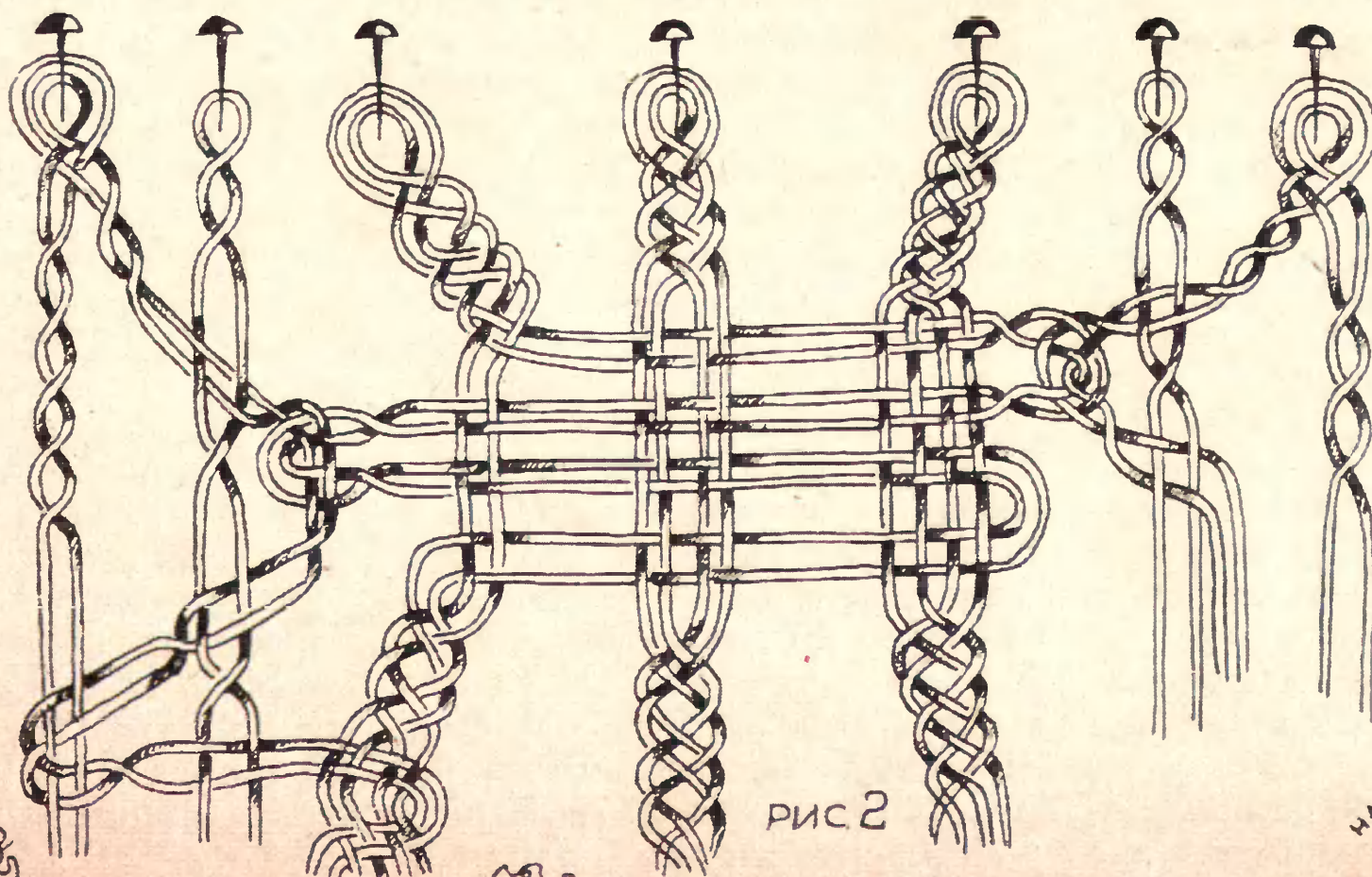

РИС. 2

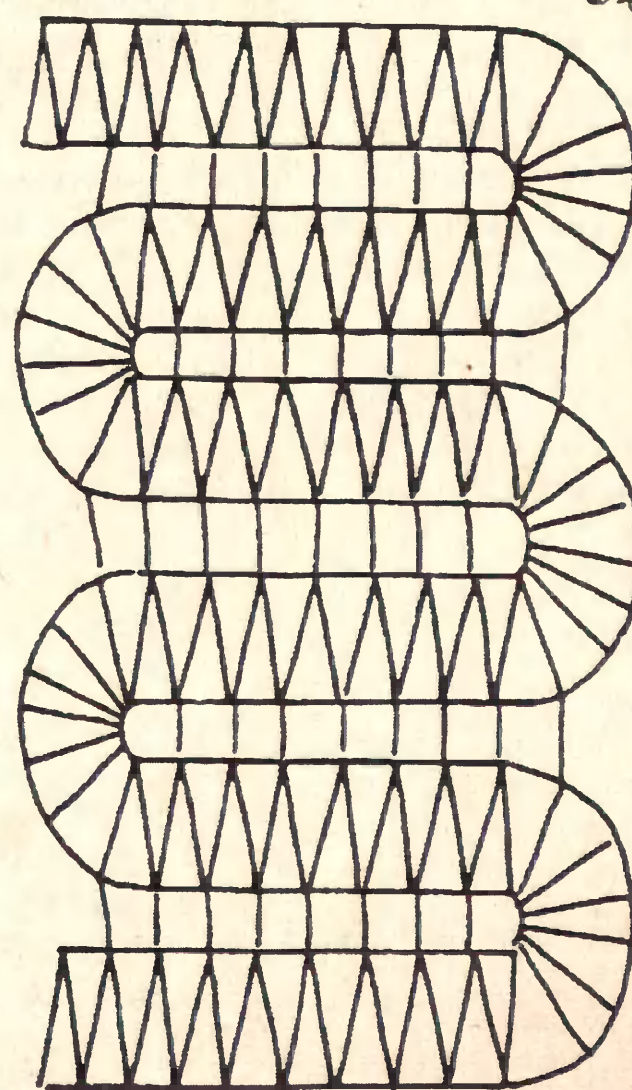

РИС. 3

«Пишу с надеждой, что мое письмо прочтут и, может, помогут. Я здесь ничем помочь не могу...»

Вопросы, затронутые в письме, характера личного, семейного. Но автор знает: равнодушно его читать не будут. Кого же не затронет судьба двух престарелых пенсионеров, отдавших все свои силы честной работе в колхозе, в трудную годину защитивших землю свою, взрастивших и поставивших на крыло четверых детей, а ныне вынужденных доживать свой век в одиночестве... Он — ветеран Великой Отечественной войны, инвалид первой группы, жена его — тоже больной человек, с трудом держит хозяйство — как же в селе без хозяйства? «Огород обрабатывает лопатой и тяпкой, из последних сил выбивается», — пишет Л. В. Игнатович. А правление колхоза — имеется в виду пензенский колхоз «Россия», где живут старики, — нужной помощи не оказывает. «Дров привезти не на чем, коня для обработки огорода не дадут, потому что они пенсионеры».

Сама Любовь Васильевна живет и работает в другой области, в Псковской. Ей есть с чем сравнивать:

«У нас здесь пенсионерам колхоз помогает во всем. И удобрения обеспечивает и дровами. Так почему же там такая несправедливость?»

Нет, далеко не личные проблемы ставит автор в этом письме.

«Ведь как они тяжело работали! — читаем дальше. — И коноплю мочили, и косили, и стоговали — все вручную. Описать невозможно, сколько всякой работы переделали. Надо же им посочувствовать, помочь, ведь никто от старости не застрахован...»

Убедительнее слова трудно сыскать. Да и как не быть им убедительными? Ведь Любовь Васильевна, хоть и живет в другой области, бывает и в колхозе «Россия», значит, все видела своими глазами, в ситуацию вникла. И письма получает, в которых старики простодушно делятся своими горестями, сетуют на одиночество. Вот и недавно получила. «Оно меня очень поразило, я даже заплакала, и сейчас пишу, а у меня слезы наворачиваются... Я его вам посылаю».

Признаться, у нас тоже наворачивались слезы, когда читали этот листок из школьной тетради — третью страничку (в редакцию прислана только она одна!) большого. должно быть, письма. Но всего сильнее поразило письмо самой Любви Васильевны, так прочувствованно поведавшей о судьбе одиноких стариков.

Поразило, потому что Любовь Васильевна... их дочь!

Одна из четверых, живых и здравствующих, в трудные годы отцом-матерью воспитанных деток.

Теперь-то все они оперились и покинули — дело житейское! — родное гнездо. Свили каждый свое, судя по всему, добротное гнездо. А то, отчее, с двумя беспомощными стариками, целиком передали под присмотр... колхоза. Удобно. Не всегда, правда, надежно — вот ведь дров не завезли... И тут уж праведный гнев диктует бьющие по сердцу слова: примите меры, наших родителей обижают!

Конечно, меры принимаются. Государство наше строго спрашивает с тех должностных лиц, которые помогать старикам не спешат. Но разве пожилые люди только в дровах нуждаются? Разве тепло отчего дома, о котором, возможно, поют за праздничными столами, каждый за своим, повзрослевшие дети, — это только тепло от натопленной печки?

«Я сейчас одна, как бездетная. Все

В редакцию приходит много писем:

лишь за последние полгода «Крестьянка» получила их более 30 тысяч. Бьется этот почтовый прибор, плещется радостью и огорчениями, полнится добрыми словами о хороших людях и гневными, жесткими — о дурных... И в каждом письме человек вольно или невольно раскрывается сам.

Ведь еще древние считали: всякое высказывание есть автохарактеристика.

Письмо Любви Васильевны Игнатович особенно запало в душу.

Уже и ответ на него получен из той «инстанции», куда оно было отослано, и меры, те, что можно принять, приняты.

Пора бы его в архив сдавать, а оно все перед глазами.

Быть может, потому, что во всей полугодичной почте таких писем единицы...

СВОЯ НОША, А ТЯНЕТ

куда-то разъехались, погода у нас хорошая, сижу пишу письмо, и нигде никого нет, все как побитые... Эти слова из материнского письма предусмотрительно Любовью Васильевной перечеркнуты крест-накрест фломастером, чтобы в редакции те строки не читали, а лишь незачеркнутые прочли, где мать жалуется на невнимание колхоза... Но из письма все-таки ясно, что есть сын, есть дочери и зятья, внучата и внучки. Такая вот большая родня. И «Юра уже стал большой и Юлечка тоже». И далее: «Я, наверно, не доживу до Юры, как он женился бы — посмотреть...» Узнаем, что есть «два поросенка и овцы, а сама — то нога, то спина — все не годится». Что кому-то (кому — мы не знаем, ведь у нас только третья страничка) было сказано: «А вы ко мне не ездите, я жду помощи, а вы спать приехали. Дома бы спали, на моих нервах не играли...»

Узнаем, к сожалению, и о том, что «...ходила в правление выписать дров, а мне не выписали, пусть, говорят, сын твой тебе дрова возит. Попрекнули: уехал из колхоза. Я говорю, у него своя семья, может, он и оттуда уедет, а я при чем? Но им не докажешь...»

Им доказали: вмешался Мокшанский райком профсоюза работников сельского хозяйства, и дрова привезли. О чем и сообщили в редакцию. Более того, чья-то рука написала, а мать «заверила» (мы сознательно ее имя не называем, чтобы не травмировать лишней раз, ей и так тяжело), что-де претензий к колхозу семья не имеет. Можно только представить, какой

виноватой чувствовала себя мать и перед детьми (побеспокоила!) и перед колхозом (сор из избы вынесла), как дрожала ее рука, когда ставила свою роспись после этих строгих слов: «Никаких претензий не имею, в чем и заверяю...»

Строгий, официальный ответ прислала в редакцию и председатель райкома профсоюза М. П. Машнова. Но чувствуется: за каждой строкой — обида. И потому, наверно, что «факты, изложенные в жалобе тов. Игнатович Л. В., подтвердились не полностью». Оказывается, колхоз все-таки помогает пенсионерам: и корма приобрести для скота, и огород обработать, и топливо подвезти. Не всегда сразу, увы, не всегда по первой просьбе, но помогает. И райком профсоюза, и хозяйства, что могут, делают. Да и как можешь сразу, если в одном только колхозе «Россия» на 580 работающих приходится 845 пенсионеров? Вот и случается: то машины нет, то рук не хватает. А когда не ладится, невольно и упрек, бывает, сорвется: что же дети-то не помогают? Так, беззлобно скажут, и упрек-то к детям относится, не к старикам, которым и без того больно. Для старого человека любое нечуткое слово — беда.

Конечно, не все из 845 пенсионеров, что живут в колхозе «Россия», так одиноки, как родители Л. В. Игнатович. Но бесспорно, по стране таких людей немало, тех, кто действительно одинок, и тех, кто имеет детей, но забывчивых, неблагодарных.

Кроме письма Л. В. Игнатович, в редакцию за полгода пришло еще одно похожее письмо. От молодой женщины, которая с возмущением писала, что ее матери, воспитавшей их, восьмерых детей, начислена маленькая пенсия, так как стаж на производстве у нее оказался недостаточным.

Редакция, конечно, помогла, чем сумела. Но задала также вопрос автору письма: а не им ли, детям, отдала мать свой «трудо-вой стаж»? И не приходит ли в голову восьмерым взрослым, полным сил и энергии людям, что если каждый из них пошлет матери десятку в месяц, чем удара по семейному бюджету, разумеется, не нанесет, то сумма, которую мать получит и которую, безусловно, заслужила, составит 80 рублей? Ответа в редакцию не поступило. Но мы ждем, и потому пока не сообщаем адреса нашего «непонятливого» корреспондента.

Таких вот «непонятливых» авторов писем у нас немного. Все-таки каждый понимает: где бы ты ни жил, как бы ни был занят, если у тебя есть престарелые родители и они нуждаются в помощи, ты обязан ее оказать. Думаем, что поймут это и Л. В. Игнатович, и ее брат и сестры, и самые младшие в семье. Поймут и то, что заботу о родителях, о стариках нельзя свести только к материальной помощи, к деньгам, дровам...

Перечитываем еще раз строки, выведенные рукой матери. «Пишу письмо, и нигде никого нет, все как побитые...» Почти сорок лет, как кончилась война, а мать употребила слово из военных времен. Случайно ли? А может, когда писала, заново переживала эти трудные годы войны? Да и после Победы легко ли было? «Описать невозможно, сколько всякой работы они переделали», — проникновенно напоминает всему миру Любовь Васильевна. Всему — только не себе...

Взрослеют дети, покидают отчий дом. Это естественно. Так было всегда, всегда и будет. Но никто и никогда не освободит взрослых детей от их дорогой ноши: заботы о родителях, которые поставили их на ноги, воспитали, вывели в жизнь. Потому что дети перед родителями — всегда в неплатном долгу.

Н. КОРИНА

ПРОИЧАЛСЯ

О нем мы читали в газетах, слышали по радио. И сейчас еще вспоминаются кадры телехроники: перевернутые автомашины, смятые в лепешку опоры электропередач, сметенные вместе с фундаментом дома, пятидесятитонный бак водонапорной башни, отброшенный, словно детский мячик, на много метров в сторону.

Смерч... Одно из самых разрушительных стихийных бедствий. Мы знали, что он порой бушует в далеких южных широтах, в просторах океанов и экзотических пустынях. И вдруг он ударил по центральным районам России...

О том, какой урон нанес он городам и селам, мы уже знаем. Понимаем, что предотвратить такое грозное буйство природы люди пока не в силах. Но от людей зависит, насколько быстро будут ликвидированы его последствия. И мы, наверное, еще долго будем вспоминать, с каким мужеством отнеслись советские люди к постигшей их беде, как поспешили они в первые же минуты разыгравшейся трагедии на помощь пострадавшим, как ярко проявилось их чувство ответственности, гражданского долга, человеческой солидарности.

Субботный день 9 июня с утра выдался погожим. Многие жители Костромы выехали на садовые участки, на волжские пляжи, на рыбалку, в лес. К обеду температура поднялась до тридцати градусов... И когда на горизонте появились первые тучки, на них никто не обратил внимания. Эка невидаль — тучки в летний день! Но они росли, сгущались и после 16 часов закрыли все небо. Стало темно. Под свист шквального ветра и грохот непрерывных грозовых разрядов на землю обрушились бурные потоки воды...

Но это была только прелюдия. Разбушевавшаяся стихия не сразу пустила в ход все свое оружие. Главный удар она нанесла неожиданно и коварно, когда казалось, что небо уже начало светлеть.

Смерч зародился в Ивановской области и, натворив там немало бед, с огромной скоростью ворвался в пределы соседней Костромской области. Бурый конусообразный гриб, вершина которого где-то высоко упиралась в небо, стремительно меняя направления, втягивал в свою воронку поваленные им же деревья, бревна и доски от разрушенных домов, камни, бетонные плиты, оставляя после себя израненную, искаленную землю. Дубы в два-три обхвата ломались, как спички. На Волге смерч поднял многометровый водяной столб и обрушился на туристский комплекс «Луново», деревню Луново и пионерский лагерь Костромского льнокомбината.

Невиданной силы ветер снес с деревенских домов крыши, вырвал рамы, но большинство домов все же устояло. Урон, нанесенный турбазе и пионерскому лагерю, оказался куда тяжелее. Легкие деревянные корпуса для туристов были разрушены в первые же секунды, и смерч ринулся на пионерский лагерь. А дети только что вышли из столовой после полдника. Беды бы не избежать, но тут сама природа послала неожиданную помощь в виде... крупного града. Воспитательницы быстро завели ребят в единственное здесь кирпичное здание, и только завели, как раздался оглушительный рев. На крышу дома упали первые вырванные с корнем березы... Что произошло — никто не успел понять. Воспитательницы, мастер ткацкого производства Ирина Тарасова и член комитета комсомола льнокомбината Тамара Соловьева, знали только одно: надо во что бы то ни стало удержать входную дверь, которую пытается вырвать у них ветер. Если ему удастся вломиться внутрь дома, то он выметет их всех оттуда...

В это время среди падающих деревьев, преодолевая завалы, пробивался к ребятам старший пионервожатый лагеря, студент 4-го курса Костромского пединститута Олег Платонов. Его сбивало с ног, и, когда не хватало сил устоять, он полз... И пробился. Втроем сражаться за дверь стало легче. Окон в этой части дома, к счастью, не было.

А когда смерч промчался и дождь закончился, они все вышли из своего убежища — и не узнали лагеря: на месте столовой и спальных корпусов остались лишь груды исковерканных бревен и досок, а вокруг, словно косою скошенные, валялись вековые

Пострадавшим детям — особое внимание врачей.

деревья. И этими лесными завалами они оказались отрезаны от всего мира...

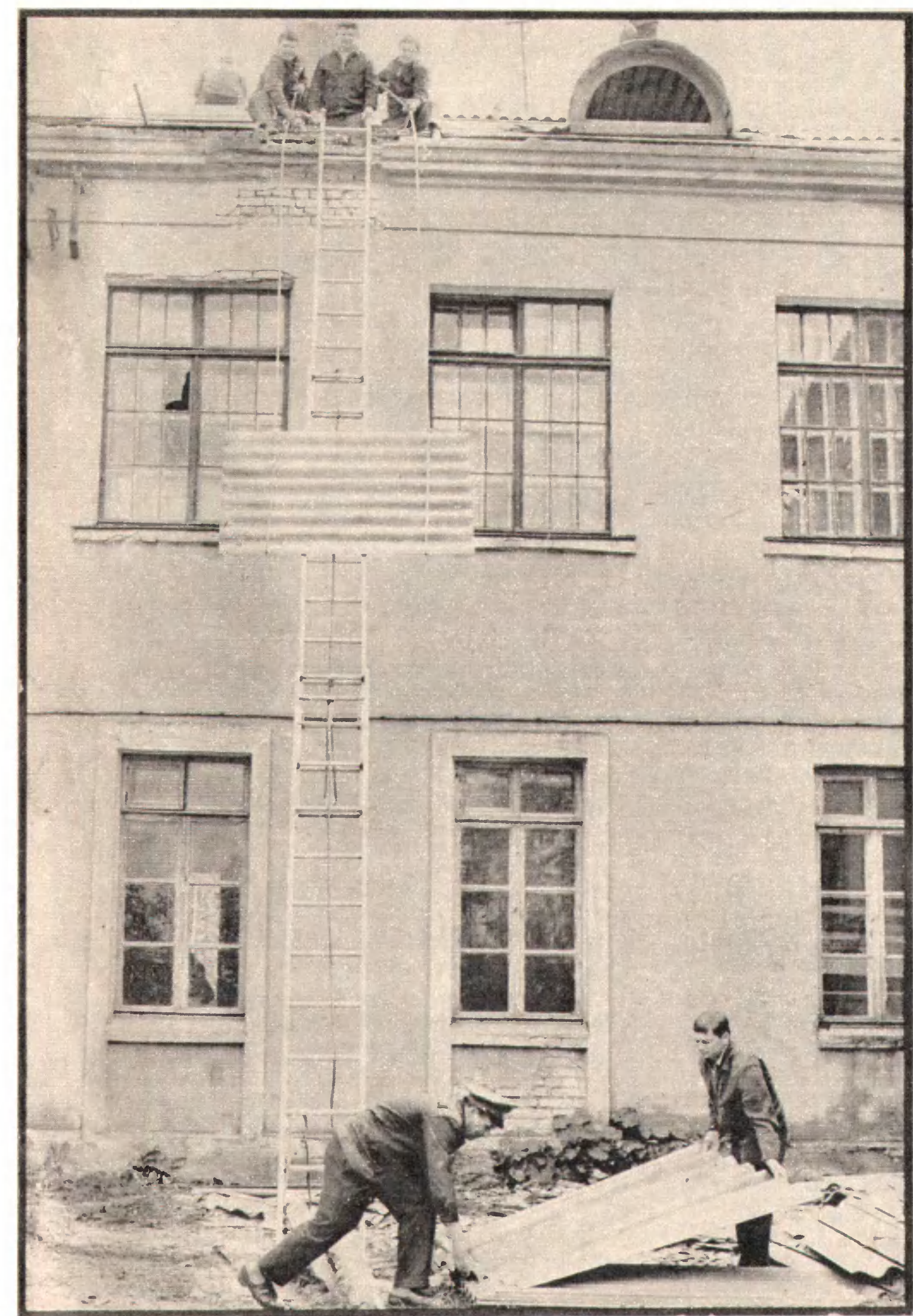
Для эмоций времени не оставалось. Все сотрудники лагеря и старшие ребята, вооружившись топорами и пилами, вышли пробивать тропу к дороге. К тому времени, когда подоспела помощь из города, все дети уже были проведены через этот опасный коридор.

Весть о буйстве стихии была получена обкомом партии через несколько минут после смерча. С этого мгновения здесь образовался постоянно действующий штаб по ликвидации последствий смерча. На экстренно созванном заседании бюро обкома и облисполкома была создана областная чрезвычайная комиссия во главе с первым заместителем председателя исполкома А. Е. Ереминым, и она сразу же приступила к работе.

По тревоге были подняты подразделения милиции и воины гарнизона. Вместе со студентами вузов они очень тщательно, метр за метром обследовали разрушенные здания и лесные завалы, чтобы ни один раненый не остался незамеченным.

В район бедствия непрерывной колонной пошли техника, транспорт. Рядом с медиками «скорой помощи» и пожарными спешили электрики, связисты, машины с горячей пищей. Надо было срочно наладить связь с областным центром, восстановить порванные провода электропередачи, накормить людей, оставшихся без крова, снабдить их самым необходимым.

СМЕРЧ...

Быстрее ликвидировать последствия...

Сотни костромичан, узнав о стихийном бедствии, несмотря на выходной день, пришли в свои учреждения, организации, на предприятия. Никто их об этом не просил, тем более не заставлял. Но разве можно остаться в стороне, когда люди в беде? Может, нужна будет помощь, потребуется временное жилье, еще что-либо...

Если бы, допустим, Михаил Иванович Таланов, заведующий областным отделом здравоохранения, не возглавил в эти тревожные минуты лечебные учреждения области, вряд ли кто-нибудь упрекнул бы его — человек на больничном, только что перенес серьезное заболевание. Но, настоящий врач, он прежде всего думал о здоровье других. В короткий срок из персонала областной, первой, второй городских больниц и Волгореченской поселковой больницы было сформировано 25 бригад. Одни направились в эпицентр бедствия, другие — к причалу, куда должны были прибыть теплоходы с ранеными, третьи готовились к тому, чтобы принять в операционной тех, кто будет нуждаться в немедленном оперативном вмешательстве.

Услышав о том, что потребуется много коек для пострадавших,

выздоровливающие приходили к врачам и просили выписать их досрочно. В больницах непрерывно раздавались телефонные звонки: рабочие, служащие, студенты предлагали свою кровь...

Стихия разыгралась в 16.40, а уже к 18 часам все получившие раны и травмы были вывезены из района бедствия. Все пострадавшие получили медицинскую помощь, десятки были госпитализированы. И снова и снова милиция, студенты, воины прочесывали местность: не оставлен ли кто-то без помощи...

Врачи, у которых за плечами годы войны, сравнивали обстановку, сложившуюся в тот субботний вечер, с фронтовой...

Хирурги областной больницы Мария Петровна Иванова, Юрий Александрович Гусев и операционная сестра Тамара Соколова на фронте не были и другого такого напряженного дня в своей жизни не помнят.

В первой городской больнице много часов подряд, не разгибаясь, стояли у операционного стола заведующий вторым травматологическим отделением Александр Витальевич Седов и дежурный врач-травматолог Евгений Георгиевич Дашков. Им самоотверженно помогали медсестры Лариса Степановна Клейн и Нина Павловна Королева. Все до одного больные были спасены.

В те минуты и последующие часы и дни тысячи людей как бы сдавали экзамен на деятельную чуткость, на способность всем сердцем, всей душой откликнуться на случившуюся беду, если даже она тебя и не коснулась впрямую.

Капитан речного теплохода «ОМ» Евгений Васильевич Малков вез по Волге экскурсантов, когда вдруг увидел, как зловещий бурый столб пересек реку и обрушился на туристский комплекс. Принесся извинения пассажирам, капитан пришвартовал теплоход и высадил их на берег, чтобы забрать первых пострадавших и отвезти в Кострому. А навстречу уже спешила «Ракета» капитана Леонида Николаевича Ионова. Узнав о бедствии, он отказался от запланированного рейса и, взяв в Костроме бригаду врачей, доставил их на «ОМ». Весь вечер 9 июня работали речники, вывозя пострадавших.

Смерч лишил крова многих сельских жителей. Но никто из них без крова не остался. Из разрушенного Лунева многие были сразу же переселены в соседние села, а часть — в уцелевшие дома. Многие не хотели покидать родную деревню — пенсионеры Александра Андреевна и Василий Иванович Калинины, инвалид Великой Отечественной войны Тимофей Павлович Шмаков, доярка Зоя Евгеньевна Куницина, проработавшая на ферме 30 лет. «Будем строиться. Государство нас в беде не оставит», — сказали твердо. И действительно, уже через два дня после случившегося владельцы сельских индивидуальных домов стали получать страховку. Для них были установлены единовременные безвозмездные пособия в размере до двухсот рублей. При необходимости они еще получают государственные ссуды, а облпотребсоюз оказывает им помощь строительными материалами. На заседании областной чрезвычайной комиссии строительным организациям и крупным предприятиям были даны задания по строительству домов для колхозников, работников совхозов, других жителей села.

Пособия получили и пострадавшие туристы. Облсовпроф снабдил их бесплатно одеждой, обувью, проездными билетами.

Над пострадавшими было сразу установлено шефство: рабочие, служащие, школьники, студенты навещали больных, раненых, приносили цветы, фрукты, газеты, журналы...

Сейчас уже восстановлено разрушенное. Построено много новых домов. Разобраны лесные завалы. Из больниц выписались пострадавшие от смерча. И лишь четырехсотметровые просеки в лесах останутся напоминанием о разыгравшейся здесь трагедии. Мы еще раз убедились в несгибаемом мужестве советских людей, в силе их духа, в том, как щедро реализуются гуманные законы нашего общества.

И. АЛЕКСАНДРОВ
Фото В. СВАРЦЕВИЧА.

Вам записка от киномеханика Баралея

Яков Тихонович умывается, пьет чай и выходит из хаты. Рассвет встает при чистом и высоком небе. Киномеханик идет к мосту через Мокрую Суру. Во времена Запорожской Сечи она была многоводной и широкой, да ее укатали годы: оплыли берега, заросли камыша потеснили речное зеркало. Но мост продолжает соединять село Привольное с Соленым, Червоным Яром, Малиновкой, железнодорожной станцией Елизарово. А по обе его стороны раскинулись земли колхоза имени А. В. Суворова.

Самая дальняя животноводческая ферма расположена за Бычьей балкой, в двадцати пяти километрах от Дома культуры, где находится постоянное место работы киномеханика Баралея. Кажется, чего ему вставать в такую рань, когда только голосистые петухи окликают друг друга? Но у калитки правления уже маячит «газик» председателя Ивана Ивановича Булкина, и, укутавшись в платок, спешит к себе парторг Инна Афанасьевна Брауде. При таком раскладе стыдно нежиться в постели.

Вот и машина с силосом. Шофер, молодой парень в солдатском бушлате со следами погон, притормозил.

— Готово?

— Держи.

Яков Тихонович достал листок тетрадной бумаги. На нем написано: «Вере Стрельченко. Индийский фильм. Про любовь. Буду после вечерней дойки». У Баралея свое представление о кинорекламе. Одно дело — типографские афиши, расклеенные на щитах возле клуба. Те, кто живет на центральной усадьбе, прочитают, забегут к нему в кинобудку или справятся по телефону, о чем, к примеру, лента «Ночь без птиц», а доярка Стрельченко живет у черта на куличках, ей недосуг в Привольное шастать. Баралей сам ездит туда. За годы работы изучил вкус женщин. У Веры слабость к индийским фильмам. Может быть, потому, что они красочные? Хотя Баралей помнит, как, не шелохнувшись, смотрели доярки «Три тополя на Плющихе».

Красный уголок на ферме маленький, едва вмещает тридцать человек, но Якову Тихоновичу нравится, что к его приезду неказистое помещение преображается: полы вымыты, занавески отутюжены, в граненом стакане — полевые цветы весной и летом, астры — по осени. Зимой тоже без цветов не обходится. Кто-нибудь из дому герань или кактус принесет.

Но главное — сами женщины. Кто-кто, а он-то знает, что такое труд доярок. Бывает, и наплачутся и наругаются: то корма не вовремя подвезут, то скотник набедокурит. А житейские невзгоды? Где о них и посудачить, как не в кругу товарок: о непутевом зяте или невестке, о шубках для внуков,

которые обещали привезти в магазин, да мало ли еще о чем.

Жизнь по преимуществу — будни, а праздник — вот он, Яков Тихонович со своим киноаппаратом. Мягчают лица у матерей и бабушек, пристальней и глубже становится взгляд у девушек, мужчины стараются дышать в сторону: не дай бог запах от вчерашнего застолья почует. Суется, помогают снести из коляски мотоцикла бобины с кинолентой, вешают экран. Наконец, все готово. Гаснет свет. Стрекочет аппарат, соединяя затерянный в степи красный уголок с большим миром.

Перед тем как показать художественную ленту, Яков Тихонович обязательно прокрутит киножурнал о последних событиях в стране и за рубежом. На экране оживает хроника событий на БАМе, возникают отсеки космического корабля, многолюдные демонстрации в Бонне скандируют: «Нет! — американским крылатым ракетам!» Заботы и тревоги всего земного шара теснят сердца людей. В эти сокровенные минуты Яков Тихонович благословляет свой выбор.

Сам он местный, из соседнего села Еленовка. Родился в 1938 году в семье крестьянина, бывшего красного конника у Котовского. Отец погиб в Великую Отечественную, освобождая Польшу. Точного места Яков не знает. Однополчане написали: «При переправе через Вислу». Где та переправа? Но каждый раз, когда в руки попадает сделанный в Польше фильм о войне, смотрит его с затаенной надеждой: а вдруг в кадрах кинохроники мелькнет родное лицо? Было ведь такое с дядькой Степаном, механиком гаража, когда демонстрировалась киноэпопея Романа Кармена про Великую Отечественную: среди солдат, воевавших на Курской дуге, он признал себя. С того кадра Яков сделал фотографию ветерану. Больше сорока тысяч зрителей побывало на киносеансах у Баралея, а вот так, чтобы одно лицо и на экране и в зале — было один только раз. Правда, есть ленты, рассказывающие и об односельчанах, передовиках пятилеток, но лишь однажды с такой щемящей грустью и в то же время с гордостью прозвучало из зала: «А ведь это я!»

Так случилось, что почти в то же время, когда погиб отец, война жестоко напомнила о себе и Якову с братом. Вскоре после освобождения Еленовки от гитлеровцев пошли они в поле за картошкой. Яша шагнул впереди и наступил на мину. И крикнуть не успел. Оторвало ногу. Очнулся он в полевом госпитале. Шел ему тогда шестой годик.

Потом школа. Семь километров в один конец. Потом учился в Харькове на киномеханика. Потом встретил на мосту Галину...

Однажды на полевой стан привезли кино «Путевка в жизнь». С этого все и началось. Каждому доступен миг волшебства, остающийся в душе от соприкосновения с чудом. Светлая молния проникла в сознание и вдруг осветила все, наполняя особым смыслом и небо, и поле, и сверстников, не отрывающих глаз от говорящей белой простыни. Не каждый решится сделать из этого мига судьбу. Яков сделал.

...Между тем самосвал, груженный кормами, оторвался от моста. Яков Тихонович не уходит со своего диспетчерского пункта. С минуты на минуту должен подбежать молоковоз в сторону второй фермы. Точно, урчит, хоть часы сверяй. Шофер отработанным жестом протягивает из кабины руку. Получает записку: «Ольге Медведовской. Кино «Москва слезам не верит». О нашей жизни. Буду утром, завтра».

Ольга — самолюбивая, гордая, а труженица, каких поискать. В соревновании доярок среди хозяйств Солонянского района не раз занимала первое место. До их фермы тоже не ближний свет, но за двадцать восемь лет работы не было случая, чтобы Яков Тихонович хотя бы раз опоздал к назначенному времени. Будь хоть что: мороз, зной, распутица.

Раньше на волах да лошадях ездил. Это теперь асфальтированные дороги во все концы, а когда начинал крутить кино, бывало, добирался к зрителям, что называется, по уши в грязи. Однажды тонул в весенней Суре. Обошлось. И бобины с лентами спас. В шестидесятых годах купил мотоцикл, приладил к нему коляску и — эх, тачанка-ростовчанка!

Почувствовал себя особенно нужным, когда с чьей-то нелегкой руки отдаленные

села стали именоваться «неперспективными». Позакрывались в них школы, библиотеки, клубы. Потребкооперация сократила количество рейсов с продуктами и товарами. Поутекали молодые, остались старики со старухами, не желающие покидать насиженные места. Баралей их не забыл. Хорошо, что местные руководители быстро опомнились, стали потихоньку и дома строить и дороги мостить. К тому времени Баралей уже жену Галину выучил управляться с аппаратурой.

До этого у него в помощниках ходили сыновья. Сначала старший — Виктор, а потом младший — Сергей. Но повзростали дети, разъехались из родного дома. Жена сама сказала: «Помогу тебе».

Стоит Баралей на мосту через речку Мокрая Сура. Ждет. Еще одну записку надо передать с оказией в тракторную бригаду. Ребята просили «Аты-баты...» Леонида Быкова. В прошлом месяце два раза крутил, и снова хотят. Не может киномеханик исполнить их просьбы — сильно пленка износилась. Приготовил другую ленту — «Пацаны». Коротко объяснил содержание: «О нашей совести».

Ждет, а в памяти недавний разговор с директором местной школы и завучем. Ни с того ни с сего они запретили организованные культпоходы детей в сельский кинотеатр. Сами — пусть, а вот «детский кинотеатр» — баловство. Слушал коммунист Баралей и диву давался. Что же в том плохого, если ребята сами и кино учатся крутить, и билетерами стоят, и обсуждения устраивают? Какой же клуб без детей? Конечно, учителям с ними нужно немножко повозиться, пожертвовать своим временем, но ведь это стоит детской радости. Посмотрели бы, как шестиклассник Сережа Котляр колдует в аппаратной!

«Нет». Поджали губы. «Вам это для плана нужно». Как кнутом стегнули. Стерпел. Какой план! Он его полгода назад выполнил. Недаром и медалью «За трудовую доблесть» наградили и значок «Отличник кинематографии СССР» вручили. План. Не вытнут его детские пятачки, а вот праздник украли. Но он этого не допустит. Секретарь парткома колхоза Инна Афанасьевна поможет...

Дует прохладный ветер. Морщинит гладь Суры, где плавают дикие утки, оставшиеся на зимовку. Яков Тихонович не спешит к себе в клуб. И не только потому, что еще не передал свою записку-афишу. Не только. Мост — особое место, он связывает с прошлым. Здесь они, молодые парни и девушки, собирались на танцы. А где еще? Тогда клуба не было, и единственный на все Привольное заасфальтированный пятачок как раз и находился на мосту. Играла гармонь, колдовски пахла луговая мята, душа просила счастья. Подошел к Галине, сказал: «Выходи за меня».

Ах, этот мост через Мокрую Суру! Родина сердца. Греет Якова и Галина ласка, и сознание того, что его ждут на дальних фермах, и письмо от Сергея. Младший сын служит на южной границе. Пишет, что здоров и вообще все в порядке.

Надо навеститься к старшему в Запорожье. Припас для внука подарки, а главное — придумал историю. Без нее внук не заснет. Так повелось. Не беда, что история взята из кинофильма «Тайна корабельных часов».

О себе киномеханик никак не догадается рассказать.

А. ПАЛЬМ
Рис. В. ФЕДОРОВА.

с. Привольное,
Солонянский район,
Днепропетровская область.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

МОЖЕТ, МНЕ УДАЧНЫЙ НОМЕР ПОПАЛСЯ?

«Дорогая «Крестьянка»!

Уже много лет моя мама выписывает журнал, а я, сказать честно, в него не очень-то заглядывала, вы не обижайтесь. С малых лет я мечтала быть артисткой, потом балериной, потом даже капитаном дальнего плавания... Потом я окончила девять классов, оглянулась на жизнь и... пошла в СПТУ. Теперь я работаю оператором на комплексе. Замуж вышла, у меня двое детей, две девочки, думаю, и мальчик будет. Живем мы в тридцати километрах от моих родителей...

Как-то приехала к маме, полистала «Крестьянку» и сразу же наткнулась на выкройку для себя, а я ее долго искала. Положила журнал в сумку, а мама говорит: «Эй, шустрая, положи назад!» Я даже удивилась. Оказывается, мама собирает журналы по годам. Я, конечно, пообещала вернуть, выкройку использовала, а заодно и полистала. В общем, прочитала я журнал от начала до конца и подумала: а почему бы мне тоже тебя не выписывать? Пришла на почту, а мне говорят: жди сентября, тогда подпишешься. А я вроде слышала, что не обязательно ждать сентября, тут вы мне разъясните, пожалуйста. Это, значит, первое, а второе вот в чем заключается. Есть же смысл приобретать для дома дойную корову, согласны? Я к тому, что, может быть, мне просто удачный номер попался? Там и рассказ интересный был, и артист Андрей Миронов на отдельной странице, да и просто про нашу сельскую жизнь с интересом почитала, как там в других местах нашей страны живут и работают. Вы уж не пожалейте времени, ответьте мне, что и как.

Анна Адреевна МИКЕШИНА,
Владимирская область».

Уважаемая Анна Андреевна!

Работники почты были неправы. Чтобы подписаться на любой журнал или газету (в том числе и на журнал «Крестьянка»), не обязательно ждать сентября, когда оформляется годовая подписка. Вы можете оформить подписку с любого месяца и на любое количество номеров. Если же вы по каким-либо причинам не успели это сделать в сентябре, то не поздно будет и в любое удобное для вас время.

Ответить на второй ваш вопрос значительно сложнее. У «Крестьянки» есть одно незыблемое правило: все, что мы пишем, мы пишем О КРЕСТЬЯНКЕ, ДЛЯ КРЕСТЬЯНКИ, ВМЕСТЕ С КРЕСТЬЯНКОЙ. Как это понимать? Ваша жизнь, ваша работа, ваши думы и заботы — необозримое и прекрасное поле деятельности наших корреспондентов, пульс нашей жизни, долг наш перед временем; так мы понимаем первую часть триединой формулы — «о крестьянке». Поэтому не случайны, а закономерны и обязательны главные наши рубрики: «ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКИЕ УРОКИ», «ХОЗЯЙСТВОВАТЬ ЭКОНОМНО, РАСХОДОВАТЬ БЕРЕЖЛИВО!», «КОММУНИСТ И ЕГО ДЕЛО» и другие. А «для крестьянки» это не только «Хозяюшка», это и обозрения ведущих журналистов-международников, и творческая лаборатория современных мастеров театра, кино, телевидения, и рассказы о классическом наследии искусства отечественного и всего мира, статьи о морали и праве, о сложности духовного мира современного человека, о семье, о быте, который тоже может быть необходимой платформой для самораскрытия личности, но может и превратиться в трясину... Весь наш огромный мир с его историей и культурой, с его проблемами и нравственными ценностями — вот содержание второй части формулы — «для крестьянки».

Ваши письма, ваши пожелания формируют журнал. «Хозяюшка» — это ваши запросы. Рубрика «Женщины на войне. Фотоальбом «Крестьянки» родилась из вашей памяти. Иногда читательское письмо выносится в начало статьи или очерка, но даже тогда, когда этого нет, чаще всего в основе все равно лежит письмо — например, целиком на письмах основана серия публикаций «Любовный многоугольник».

Более 50 тысяч писем в год — это и есть «вместе с крестьянкой»!

Александр Шеянов родился в 1951 году в Оренбурге. Окончил Мордовский государственный университет и отделение журналистики Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

Печатался в альманахах издательства «Молодая гвардия» «Истоки» и «Парус», в журнале «Смена», в «Литературной России». Был участником VIII Всесоюзного совещания молодых писателей.

В 1980 году Александр Шеянов выпустил свой первый сборник рассказов «Не крушите снежных баб».

Предлагаем вниманию читателей рассказ из новой книги, которую автор готовит к печати.

Александр ШЕЯНОВ

Рассказ

ГОЛУБЬЕ И ОРАНЖЕВОЕ,

или Драма на голубятне

Лучшая голубятня в округе была у Борьки Кнорова.

Среди обветшалых, сгорбившихся сараев, пыльных кустов бузины, расшатанных заборов статная, обитая новеньким листовым железом Борькина голубятня походила на неприступную башню.

Совсем недавно на ее месте лежала в пыли городошная площадка, но Борька, которому плевать на городки, решил расширить свои владения.

Строительство новой голубятни продолжалось с неделю. В нем участвовали и сам Борька, и какие-то рабочие, видно, с ближней стройки, и те, кто заискивающе величал голубятника Борисом. Ну, а те, кто нарек его презрительно Кнорой, само собой, участия в освоении новой территории не принимали и наблюдали со стороны, что получится из Борькиной затеи.

Строительство шло споро. Уже в первый день вкопали шесть внушительных столбов. На другой день скрепили их верхушки надежными продольными и поперечными балками. Потом лег настил — железный пол будущего первого этажа, стена из слоеной фанеры с маленьким оконцем. Потом прибавился второй этаж — обтянутая металлической сеткой клетка. И уж над ней, над клеткой, — открытая площадка, увенчанная длинным шестом с перекладинами, чтоб было где Борькиным голубям и самому разместиться на отдыхе и гостей усадить.

Каждое утро Борька вразвалочку выходил из дома с приставной лестницей в руках. Тут же находились желающие ее поднести. Попробуй не поднеси! Все мальчишки-голубятники в поселке зависели от Борькиного расположения. Уж если кто из них вставал ему поперек дороги, Борька любыми путями заставлял «уважать» себя. Не смирился, не признал Борькиного верховодства, — переманит двух-трех лучших голубей, а то и всех. До единого...

Если Борьке и не удавалось открыто, с помощью своей огромной стаи переманить чужих голубей, то все равно в одну прекрасную ночь они «испарялись» из-под ненадежных голубятен или с чердаков. Кто их воровал, установить не удавалось, но обнаруживались они все у того же Борьки. А с него взятки гладки: одно

твердит — в районе на базаре купил. Съезди, проверь... Если же кто-то продолжал приставать с расспросами, то рисковал схлопотать. Одному пацану с Заречной улицы даже вышиб в драке два зуба — и обошлось.

Правда, мать пострадавшего пошла в школу, в милицию, в райисполком. Борьку зачислили в разряд трудных подростков, и... все осталось по-старому. С тех пор голубятники решили с Борькой не связываться.

Он небрежно ходил по двору, засунув руки в карманы, нагло зыркал по сторонам и презрительно сплевывал.

Но не все, видимо, с ним мирились. На второй день после завершения строительства пущенный из-за забора камень разбил окошко обитой железом голубятни. Слово обрадованно звякнуло разбитое стекло. Борька как раз направлялся к голубятне. От неожиданности выронил лестницу и, по-звериному рыкнув, бросился к забору, но на полпути резко остановился и кинулся обратно. Схватил лестницу, приставил ее к стене голубятни и, быстрее пожарного на пожаре взлетев по ней к окну, заткнул дыру стянутой с себя курткой. Сделав это, он облегченно вздохнул: ведь через разбитое стекло могли улететь неприрученные голуби. Только когда они привыкли, он выпускал их, и то не сразу на волю, а в клетку этажом

выше — пусть зарешеченный, но воздух. А если они по-прежнему не смирятся, им ничего не оставалось, как глазеть в махонькое окошко — на застекленные изгибы крыш, на застекленные раскидистые ветви, на застекленное бездонное небо, на застекленное яркое солнце... К тому же кормил Борька непокорных хуже, чем остальных... И не успеет он сейчас — они могли бы смыться...

Борька еще раз облегченно вздохнул и решил назло всем погонять голубей, но прежде собрал осколки стекла, отнес их к забору и рассыпал на том месте, откуда был пущен камень. Причем, рассыпая осколки, старался, чтобы каждый из них торчком вошел в землю... Потом наскоро погонял голубей, разумеется, проверенных, покормил их и, подхватив лестницу, удалился... Появился лишь к вечеру со странным изобретением в руках. После получасовой непрерывной работы в окошке голубятни опять появилось стекло, но только теперь с внутренней стороны в него уперлось Борькино адское изобретение — металлическая решетка со стальными остриями.

«Пускай теперь хоть руками выдавливают, хоть камнями бросают», — ухмылялся он, запирая замок.

И так бы, наверное, в лучах мальчишечьей, всеокружной, как считал Борька, славы и текла его размеренная и спокойная жизнь, если бы не одно обстоятельство.

Кто-то из особо приближенных донес ему, что у пацана Дениса, который не так давно поселился на соседней улице и которого свита Кноры сразу окрестила «Дендисом», есть пара голубей необыкновенной красоты. Таких не было не только в их округе, но и во всем поселке.

Борька вроде бы снисходительно выслушал донесение, но внутренне весь загорелся. Вот бы ему тех голубей! А как завидовали бы все пацаны! Конечно, они и так завидуют ему. Не случайно же кто-то из них нарисовал на одной стене голубятни табличку «Осторожно, злая собака!», а остальные стены разукрасил

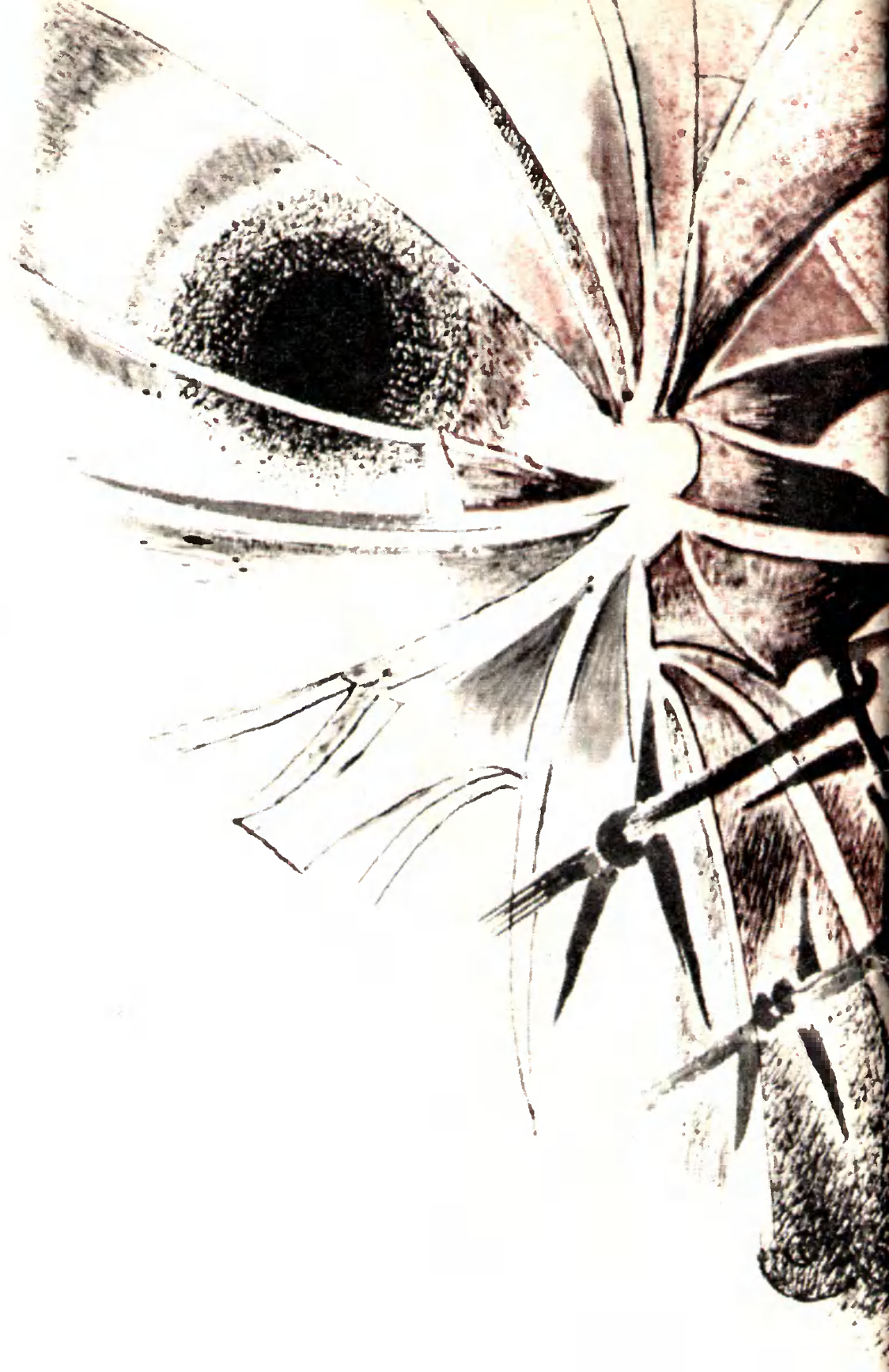

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

отборными словечками, из которых самым ласковым было — живодер. И теперь многие пацаны все чаще слонялись не вблизи его голубятни, а под окнами «Деньдаса»: тот, как выяснилось, голубей не гонял, на базаре у птичьего ряда днями не пропадал, тайком не покуривал, лампы в подъезде не разбивал, по утрам занимался на турнике да вдобавок ко всему частенько ходил с зажатой под мышкой книжкой.

У Бorkи же в последние дни появилось новое занятие. Нет, на турнике он дрыгаться не начал — чего еще не хватало! Но теперь каждое утро он брал бинокль, забирался на чердак дома, возвышающегося напротив окон Дениса, и подолгу любовался разгуливающими по подоконнику голубями. Пара и впрямь была восхитительная! Каких только голубей не было у Бorkи — и ленточные, и красно-желтые, и черно-пегие, и хохлатые, и крюковские, и чиграши мраморные, и чиграши березовые, и крестовые монахи, но вот таких, названия которых никто и не знал, не было. Одна окраска чего стоит! Такую он никогда, даже на картинках, не встречал: будто небо, распростертое над горизонтом, отдало голубям частицу своей ослепительной синевы, роскошная июльская листва добавила изумрудной акварели, а солнце окатило их трудки и растеклось по крыльям оранжевым...

Злость Бorkина еще сильнее подогревалась тем, что не берег породу Денис. На его подоконник отовсюду слетались

сизари, а он не шугал их, как следовало, и тем портил свою прекрасную пару. Ведь они, как самые обычные голуби, не гнушаясь компанией сизарей, преспокойно клевали вместе с ними, и что поразительно — сизари, которые на первых порах норовили выхватить корм друг у друга, уже не толклись... Ох, уж эти сизари! Он не подпускал их к своей голубятне на рогаточный выстрел! Сейчас своей невзрачностью они лишь подчеркивали красоту несравненной пары. И Бorkа, заходясь от нетерпения, подолгу торчал на чердаке.

Однажды, в какое-то мгновение, ему просто захотелось ворваться к Денису и отнять голубей, но тот, как нарочно, появился в окне с гантелями, и Бorkа, запечатлев его раздувающиеся мышцы, понял, что не справится. И не зная, что предпринять, Бorkа спустился с чердака и отправился к своей почему-то потускневшей голубятне...

Мучили зависть и досада. Теперь, где бы он ни был, только одно у него было на уме. И если раньше он мог иногда пропустить день и не отправиться на чердак, то теперь каждое утро, когда Денис подходил к окну, он уже осторожно наблюдал за ним.

Денис настежь растворял окно, сыпал на подоконник крупу, крошил хлеб, наливал в блюдце воды и выпускал несравненную пару. К ней слетались сизари. Денис добавлял крупы и исчезал в глубине комнаты, совершенно не наблюдая за голубями, а Бorkе приходилось следить за своими в оба. Не то чтобы их кто-то осмелился похитить, а просто они сразу бы передрались.

С аппетитом поклевав, прекрасные голуби, из-за которых внутри у Бorkи, как в загнивающем яблоке, завелась червоточина, пили воду и за сизарями взлетали на карниз дома. Крыша сразу же тускнела от их красоты, а они спокойно разгуливали почти у самого провала чердачного окна. Это-то и навело Бorkу на мысль.

Однажды утром, когда крыши лучились от солнца, он стащил с шеста упирающегося Однокрылого и спрятал его за пазуху. Однокрылый, было, трепыхнулся, но Бorkа быстро утихомирил его, щелкнув, как всегда в подобных случаях, по нахохлившейся головке, и Однокрылый затих — жизнь научила его мириться. А что оставалось делать? Кому он такой нужен... Хотя смириться до конца он не мог.

С того времени, когда ему, еще не выучившемуся толком летать, Бorkа Кнора перебил крыло, он крайне редко испытывал радость. Разве когда ему, то взмывая, то падая, удавалось слететь с голубятни на крышу сарая или ветви деревьев...

Бorkа закоулками пробрался к дому Дениса, по пожарной лестнице поднялся на чердак. Там, отдышавшись, выгреб из кармана две пригоршни отборной пшеницы, из другого извлек тонкую шелковую нитку. На одном конце нитки сделал петлю, попробовал ее на крепость и растянул на крыше, сверху густо засыпав пшеницей. Закончив приготовления, он вынул Однокрылого и, дав склевать с ладони пару зерен, выпустил его.

Однокрылый недоверчиво посмотрел на зерно, но голод взял свое, и он принялся с опаской поклевывать зерна. Откуда ни возьмись сразу слетелись сизари. Через некоторое время, показавшееся Бorkе целой вечностью, над карнизом взмыла долгожданная пара и опустилась рядом с сизарями. Бorkа чуть не подпрыгнул на месте. От нетерпения по телу разошелся

какой-то странный зуд и застрял между лопатками. Лево́й рукой Борька скреб спину, а правой держал конец нити и зорко смотрел в щель.

Ничего не подозревая, голуби клевали золотистые зерна. Однокрытый испытывал непонятное ему беспокойство и хотел поделиться им с сизарями, но те его успокоили. Вот в собравшуюся змейкой невидимую петлю заступил сизарь — Борька чуть не задохнулся от ярости, но сдержал рвущийся наружу вопль. Сизарь спокойно клянул еще несколько зерен и вышел из петли. И тут в петлю заступил самец, которого Борька давно уже окрестил «Оранжевым», и спроси у Борьки после, как он удержался, чтобы не дернуть за нитку, — он и сам не смог бы ответить. Но удержался. Удержала неожиданно всплывшая откуда-то изнутри, из самой червоточины мысль, что лучше поймать самку, тогда легче будет завладеть и самцом...

Оранжевый неторопливо вышел из уже готовой стянутой петли. И вот — на сей раз у Борьки перехватило дыхание — в нее заступила самка, и Борька сначала чуть потянул, а затем резко дернул нитку. Оранжевая испуганно рванулась за взметнувшимися голубями, но крылья напрасно секли воздух — ее что-то неумолимо тянуло к чердачному окну. Она рванулась и вновь, как подрезанная, упала на теплую крышу, хлестнув по ней крыльями. Борька хотел было схватить Оранжевую, как вдруг какая-то тень заслонила солнце. Он в испуге отпрянул... Перед чердаком кружил Оранжевый. Борька отмахнулся от него и только после сообразил, что нужно было попытаться поймать его. На всякий случай размахивая перед лицом рукой, он подтащил к окну вздрагивающую Оранжевую и спрятал ее под рубашку. Тень перед лицом то уменьшалась, то увеличивалась, но кружил Оранжевый уже на таком расстоянии, что его схватить было невозможно. Неожиданно рядом с окошком Борька увидел неизвестно почему нахохлившегося Однокрылого и по привычке протянул к нему руку, но тот больно клюнул по пальцу. Разъярясь, он хотел схватить Однокрылого, чтобы тут же свернуть ему шею, но в это время больнее прежнего его долбанул по голове налетевший сбоку Оранжевый, а Однокрылый отлетел к карнизу. Борька полез было за ним на крышу, но под рубашкой забились Оранжевая, и он, понимая, что времени на расправу не остается, прыгнул в чердачную темень.

Внутри стремительно расплывался подса́сывающий страх. Начало мерещиться, что вот-вот откуда-нибудь из сумрака вынырнет Денис, и Борька, сдавив на груди Оранжевую, скачками промчался по оглушительно хрустящему шлаку к открытому люку дальнего подъезда, на одном дыхании спустился по лестнице и, миновав подъезд, ринулся за угол. Во избежание подозрения он решил погонять голубей. Но передумал и отправился на привычный ему наблюдательный пункт на крыше.

Оранжевый все еще метался у чердачного окна. Вдоль карниза сидели нахохлившиеся сизари. Среди них был и Однокрылый. «У-у...» — в бессильной злобе погрозил ему кулаком Борька, — жрать захочешь, прилетишь, я тебе шею сверну...»

В это время ему почудилось, что по крыше забухали тяжелые шаги, и он, бросив наблюдательный пункт, побежал к голубятне: скорее, скорее перепрятать Оранжевую!

Бросив ее в ящик из-под посылки, отнес домой и спрятал подальше в кладовку. И вовремя, потому что под окнами раздался шум, и последовал оглушительный звонок. Борька нехотя открыл дверь, придерживая ее ногой. В щель протиснулся Денис. За ним были те, кто всегда на Борьку косо посматривали. Борька невольно попятился и придал лицу независимый вид, но это не помогло. Денис под угрозой надавать по шее заставил его идти в голубятню, и он, до этого собиравшийся нахально возразить, неожиданно для себя смиренно поплелся, обиженно бормоча: «У меня вот у самого кто-то сегодня свистнул законного голубя, а я ни к кому в дом не врываюсь...» Но открыть голубятню пришлось, и, усмехаясь про себя, он широко развел руками: смотри, мол, нету... нет у меня...

Денис, недоверчиво хмурясь, повернулся и пошел в окружении ребят.

Прошло несколько дней. Для Борьки они были такими медленными, что казалось, будто он со всех сил тащит их в одну сторону, а кто-то еще сильнее тянет в другую. Деньгис, Денис, которого теперь, как узнал Борька, многие величают по имени и с уважением, больше не появлялся. Понемногу, по капельке, страх исчезал, точнее, хоронился куда-то вглубь. Еще через два-три дня Борька отнес исхудавшую Оранжевую в голубятню. Потом он даже выпустил ее из нижнего этажа в клетку, но она так иступленно забилась, что он быстренько упрятал ее обратно вниз, где ей ничего не оставалось, как биться в стены. И в этот же день прилетел словно почувствовавший, что она появилась, Оранжевый. Он около часа чертил прозрачно-струящееся небо возле голубятни, но так на нее и не сел, а, устав, опустился на разлапистый клен. На этом же дереве Борька увидел Однокрылого.

«Может, это он навел на след Оранжевого?» — закружилась мысль, и Борька хотел было запустить в Однокрылого камнем, но, подумав, насыпал на открытую площадку голубятни зерна, выпустил красивых самок, поставил блюдечко со свежей водой и убрал с окошка стальную решетку: голуби вряд ли осилят стекло, но если Оранжевый увидит подругу, появится больше шансов его заподручить...

Вместо обычных редких лучей в темень голубятни вонзился сноп света. Борька спрятался за ближайший сарай, под крышей которого размеренно чирикали воробьи, а на крыше сонно дремали грузные вороны. Оранжевый опять закружил у голубятни, не обращая внимания ни на отборное зерно, ни на красивых самок, ни на хрустальную водичку. Круги его смыкались на глазах. Наконец он увидел ударившуюся в стекло Оранжевую и, стремительно спикировав, вонзился в стекло.

Стекло натуженно звякнуло, Оранжевая заколотила по нему клювом, а Оранжевый снова и снова рвался к ней на встречу.

Борька, до этого оцепенело наблюдавший за происходящим, теперь, пригибаясь к земле, крался к голубятне. Но голуби, точно сговорившись, отпрянули от окошка — она в глущь голубятни, а он ввысь — и вдруг рванулись друг к другу. Звякнуло разбитое стекло, и рваные его острия вонзились в оранжевые грудки...

Забывший про свою решетку между стеклами, Борька вдруг близко увидел, как пронзительно вспыхнули и погасли в глазах голубей клочки голубого бездонного неба.

по ВАШИМ ПИСЬМАМ МЕРЫ ПРИНЯТЫ

● В «Крестьянку» пришло письмо из с. Хамней Закаменского района Бурятской АССР. Автор его сообщает, что в совхозе «Хамненский» сорван план выпуска продукции трех лет пятилетки. Администрация хозяйства не только не способствует борьбе за выполнение плана, а, напротив, стилем своего руководства тормозит работу. Факты, изложенные в письме, подтвердились, ответил редакции секретарь Закаменского районного комитета КПСС С. Гатапов. Директор совхоза «Хамненский» Ж. Ванкев освобожден от должности.

● Доярки колхоза «Путь к коммунизму» Тамалинского района Пензенской области рассказали в своем письме о «рекордных» привесах молодняка (2 кг в день!), которых «добился» в прошлом году главный зоотехник колхоза С. Кузнецов, взяв телят из хозяйства по договору на доразивание. «Опыт», иронизируют они, уже нашел последователей. Удивляемся: почему такие «успехи» не демонстрируются на ВДНХ?

Редакция попросила разобраться с этим Пензенское областное управление сельского хозяйства. При проверке, сообщил заместитель начальника управления А. Ханаев, факты злоупотребления служебным положением главного зоотехника колхоза С. Кузнецова подтвердились. Решением правления был произведен перерасчет. За приписки в весе телят С. Кузнецов внес в колхозную кассу 2471 рубль. А за бесконтрольность в учете главному бухгалтеру колхоза Т. Саратовцевой объявлен выговор. Материалы проверки обсуждались на расширенном заседании бюро РК КПСС в присутствии руководителей, главных специалистов, секретарей парторганизаций колхозов и совхозов. С. Кузнецов освобожден от занимаемой должности.

● Житель деревни Пономари Оханского района Пермской области тов. Пономарев по просьбе односельчан написал в редакцию о том, что автобусное сообщение между д. Пономари (где расположен колхоз «Хлебороб») и райцентром Оханск до сих пор не налажено.

Заместитель председателя Оханского райисполкома М. Бояршинов сообщил, что письмо рассмотрено в присутствии заместителя начальника головного Нытвенского автопредприятия. Действительно, пользуясь бесконтрольностью, водители то и дело нарушали маршрут и не заезжали в деревню Пономари.

Принято решение, которое обязывает водителя ставить в путевке отметку о прибытии автобуса в деревню в правлении колхоза. Председателю сельсовета тов. Дрягиной поручено взять этот вопрос под личный контроль.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

После того, как в № 5 журнала была опубликована юридическая консультация «Если ваша семья выросла», редакция получила много писем с вопросами о размере единовременного пособия, которое выплачивается при рождении первого, второго или третьего ребенка в случае, если мать не работает и не учится.

Разъясняем: в таком случае пособие выплачивается отцу по месту его работы или учебы в размере 30 рублей.

За год до встречи в Найроби

Завершается Десятилетие женщины ООН. Девиз его — «Равенство, развитие, мир» — уже сам по себе говорит о направлении работы, о целях этой акции. К Всемирной конференции ООН, которая состоится в Найроби, столице Кении, готовятся и женщины Советского Союза.

Как уже сообщалось, для подведения итогов Десятилетия женщины ООН в нашей стране создан авторитетный орган — Межведомственная комиссия. В нее вошли представители постоянных комиссий обеих палат Верховного Совета СССР по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства, а также ряда министерств и ведомств, научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, общественных организаций — в том числе и Комитета советских женщин.

Разработан план мероприятий по подготовке к Всемирной конференции. Итоги работы, проводимой в нашей стране в рамках Десятилетия женщины, поручено обобщить институтам Академии наук СССР. Они проанализируют то, что было сделано для углубления реального равноправия женщин во всех сферах жизни общества, улучшения условий их труда и быта, охраны здоровья женщин и детей, для помощи семье, совершенствования законодательства в этой области, роста политической активности женщин.

На своих заседаниях Межведомственная комиссия рассматривает, какие книги «по женской тематике» должны выйти в свет, какие фильмы и фотобуклеты. Комиссия готовит и материалы к конференции в Найроби, обобщает результаты различных международных мероприятий, проведенных в рамках подготовки к ней.

Комиссия ООН по положению женщин — подготовительный орган Всемирной конференции. На своей второй спецсессии, которая состоялась в Вене, она выработала предварительную повестку дня конференции в Найроби. Многие участники спецсессии высказали мнение, что предстоящая конференция должна подвести итоги того, что сделано за Десятилетие женщины, и на основе этого наметить стратегию действий до 2000 года.

Обсуждение вопросов о том, как выполняются положения Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и об участии женщин в борьбе за укрепление международного мира и безопасности, против колониализма, расизма, расовой дискриминации, иностранной агрессии и оккупации, всех форм иностранного господства, еще раз показало: достижение подлинного равноправия женщин тесно связано с борьбой за сохранение мира.

В Софии прошла очередная встреча руководителей женских организаций социалистических стран. На ней обсуждалось, как еще более активизировать женские организации этих стран в международном антивоенном движении. Рассматривались и вопросы, связанные с подготовкой к Всемирной конференции ООН по итогам Десятилетия.

Участники встречи были единодушны в оценке современного международного положения, подчеркивали опасное для дела мира усиление милитаристского внешнеполитического курса США и их союзников по НАТО. От имени женщин социалистических стран было принято Обращение к женщинам Европы и Северной Америки: всеми средствами, всеми силами добиваться от правительств стран — членов Североатлантического союза поддержки Обращения государств — участников Варшавского Договора, чтобы Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира был заключен.

Участники встречи обменялись информацией о сделанном в их странах для того, чтобы выполнить задачи Десятилетия женщины ООН. В ряде стран созданы национальные подготовительные комитеты, на которые возложена подготовка к конференции. Через все выступления проходила мысль: подготовка к конференции в Найроби должна способствовать мобилизации международной общественности в борьбе за мир, усилить выступления против гонки вооружений, за разоружение, укрепить связь движения за достижение целей Десятилетия с борьбой народов за мир.

**М. ГОРДЕЕВА, старший референт
Комитета советских женщин.**

ИЗ ПОЧТЫ КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

В Комитет советских женщин приходят тысячи писем. В них тревога за мирное будущее детей, гневное осуждение милитаристских устремлений нынешней администрации США.

Участники митинга матерей села Усть-Татта Якутской АССР так пишут в своем письме-протесте против размещения новых американских ракет на территории Европы: «Все советские люди, наше правительство всегда боролись и будут бороться за мир. Наши дети живут в мирное время. У них счастливое детство. Мы никому не дадим омрачить будущее наших детей! Мы обращаемся ко всем честным людям планеты: нет — войне! Нет — гонке вооружений! Пусть крепнет дружба между народами! Пусть дети никогда не услышат взрывов бомб и снарядов!»

Солдатские вдовы села Желанное из Омской области обратились с призывом ко всем женщинам мира: «Война!.. Мы не можем без скорби и слез слышать это слово. Война унесла 20 миллионов жизней советских людей. Среди них и наши дорогие мужья.

Война — будь она трижды проклята! всю жизнь нашу, молодость невозвратную искалечила, изуродовала. Все готовы отдать мы, только чтоб сберечь мир для детей, внуков и правнуков наших. Да разве же мы одни такие! В любой деревне, в каждом уголке страны нашей великой — всюду есть такие, как мы, солдатские вдовы.

Мы обращаемся ко всем женщинам мира с призывом крепить нашу солидарность в борьбе против угрозы атомной войны!»

Сотрудницы Горно-Алтайской областной детской

больницы поддерживают Послание советских женщин женщинам мира, принятое на пленуме КСЖ в мае этого года в Москве. Под этим письмом — 350 подписей.

Содействие Советскому фонду мира — вклад советских людей в движение за мир. И сегодня, как, впрочем, всегда, когда осложняется международная обстановка, поступления в Фонд мира заметно возрастают.

Так, в 1983 году женщины Кубани внесли в Фонд мира 6 миллионов рублей. Одна лишь птицефабрика «Первомайская» Сакского района Крымской области ежегодно вносит по 4,5—5 тысяч рублей. Труженики станицы Роговская Краснодарского края перечислили в Фонд 16 тысяч рублей. Председатель станичного женсовета Н. Тамбиянц пишет: «Люди, помня военное лихолетье, ужасы оккупации, ничего не пожалеют для сохранения мира. Сбор средств в Фонд мира продолжается».

* * *

В КСЖ пришло письмо из США от членов организации «Женская мирная инициатива»:

«Мы глубоко озабочены опасностью, которую несет нашим и вашим детям ядерное оружие. Мы возмущены, что природные и денежные ресурсы нашей страны используются для производства этого оружия, а не для того, чтобы улучшить жизнь наших граждан. В своей стране мы ищем пути прекращения гонки вооружений, стремимся установить дружеские связи с женщинами всего мира.

**Андреа Элукович,
Маргарет Бренман Гибсон,
Дженсис Лонг».**

Борис РУЧЬЕВ

Когда бы мы, старея год от году,
всю жизнь бок о бок прожили вдвоем,
я, верно, мог бы лгать тебе в угоду
о женском обаянии твоём.
Тебя я знал бы в платицах из ситца,
в домашних туфлях,

будничной,

такой,

что не тревожит, не зовет, не снится,
привыкнув жить у сердца,

под рукой.

Я, верно, посчитал бы невозможным,
что здесь,

в краю глухих полярных зим,
в распадах горных, в сумраке

таежном,

ты станешь

красным солнышком моим.

До боли обмораживая руки,
порой до слез тоскуя по огню,
в сухих глазах, поблекших от разлуки,
одну тебя годами я храню.

И ты, совсем живая, близко-близко,
все ласковей, все ярче, все живей,
идешь ко мне

с тревогой материнской

в изломе тонких девичьих бровей.

Еще пурга во мгле заносит крышу

и, как вчера, на небе зорьки нет,

а я уже спросонок будто слышу:

«Хороший мой. Проснись.

Уже рассвет...»

Ты шла со мной по горным

перевалам,

по льдинам рек, с привала на привал.

Вела меня, когда я шел усталым,

и грела грудь, когда я замерзал.

А по ночам, жалея за усталость,

склонясь над изголовьем, как сестра,

одним дыханьем губ моих касалась

и сторожила сон мой до утра.

Чтоб знала: ты:

в полярный холод лютый,

в душе сбирая горсть последних сил,

я без тебя —

не прожил ни минуты,

я без тебя —

ни шагу не ступил.

Пусть старый твой портрет

в снегах потерян,

пусть не входит мне

в комнатку твою,

пусть ты другого любишь,

я не верю,

я никому тебя не отдаю.

И пусть их,

как назло,

бушуют зимы,—

мне кажется, я все переживу,

покуда ты в глазах неугасима

и так близка мне в снах и наяву.

ЧТО ЖЕ

НАС РАЗЛУЧАЕТ?

...Есть, видно, какие-то причины, по которым начинает разваливаться семья,— серьезные и пока еще целиком не понятые. Для начала надо хотя бы попробовать в них разобраться.

Первая из них, и, возможно, главная, сама по себе не только не плоха, но просто прекрасна: это рост нашего материального и культурного уровня. Чем лучше живем,

так же, винит партнера. И начинается разрушительная работа в четыре руки...

По мнению ученых, брак, семья—это определенная система. И как всякая система, если ее постоянно не поддерживать, не регулировать, она начинает постепенно разрушаться, распадаться. Хотите, чтобы ваш дом не обрушился,—ремонтируйте его вовремя, достраивайте, перестраивайте, приспособляйте к переменам, к вновь возникающим ситуациям. Хотите, чтобы ваша семья была прочной? Укрепляйте ее, поддерживайте опоры...

Это может показаться странным и даже нелепым, но я уверен, что семью во многом разваливает... «мораль». Я беру это слово в кавычки, потому что имею в виду главным образом «истины», которые яростно проповедуют... тетя Маша из соседнего дома, дядя Петя из семьи родственников и другие участники постоянно действующего «симпозиума», что на лавочке у дома. Ведь именно с этой разновидностью морали нам

МН

тем легче бытовая сторона развода с нелюбимым мужем. Кастюли не делим, разве что из чистой вредности, диваны надвое не пилим... Раньше, в коммуналках, развестись можно было, а вот разойтись—куда? Сегодня и с этим проще—вон сколько строят жилья! Стали культурней и образованней—выше требования к человеку рядом. Отсутствие общих интересов—весьма распространенный и вполне достаточный повод для развода. Не хотим жить скучно!

А каковы же психологические причины разводов? Тут многое зависит от каждого из нас. На мой взгляд, разваливает семью представление о ней как об идеальной конструкции, которая чуть ли не автоматически обязана обеспечить нам счастливую жизнь. Логика тут такая: семья хороша, я хорош, а дома плохо. Кто виноват? Очевидно, тот, кто рядом. А тот, кто рядом, думает

то и дело приходится сталкиваться.

Нормы морали, как указывает «Философский энциклопедический словарь», поддерживаются и «силой устоявшегося и общепринятого порядка, властью привычки и совокупного давления окружающих и их мнения на индивида». Короче—что люди скажут?

Оглядываясь на людей неохота, порой даже неприятно, но так или иначе приходится: приятельские советы, родственные упреки, пересуды, шепотки, ухмылки, как от них ни отворачивайся, рано или поздно достают. И «совокупному давлению окружающих» мы опять-таки в той или иной мере подчиняемся. Хорошо, если за ним мнение мудрых и, главное, деликатных людей. Но, увы, чаще бдительный глаз соседок или родственников совсем неделикатно бывает обращен в сторону, скажем так, супружеской верности. Разговоры же о несходстве характеров и несовместимости принципов воспринимаются как неч-

Продолжаем разговор, начатый в №№ 5, 6.

то несущественное, со снисходительной усмешкой: мол, знаем, что за этим кроется... Или: перемелется... А вот любая трещина в интимных отношениях, получившая огласку, тем более супружеская измена, ставшая предметом слухов и сплетен, практически делают развод обязанностью. Тут уж «мораль» спуску не дает: «И ты терпишь?»

Бывает, двое только-только начали склеивать трещину, а уж соседские языки шумно загоняют в нее свои железные клинья...

От предков пришло к нам мудрое предостережение: не выноси сор из избы! Мы же порой от поговорки отмахиваемся: хорошему человеку-де нечего скрывать, какие еще тайны от соседей? Кому, как не обществу, блюсти порядок в семье!

Елена Васильевна из Ростовской области чуть не двадцать лет прожила с мужем в любви, дети растут. И вдруг беда: соседи рассказали, что муж с сослуживицей «спутались интимными связями». Стала допытываться у мужа — отпирается. Пошла к сослуживице, бывшей своей подруге, — та ответила «ехидно и грубо... Когда вмешалась общественность, то есть сельсовет», сослуживица от всего открестилась и с мужем Елены Васильевны встречаться перестала. А вот муж ушел, живет у матери. «А я все равно хожу к нему, — пишет Елена

шек ответили почти одинаково, примерно так: чтобы быть счастливой. Десятая сказала: чтобы дать счастье мужу. Боюсь, что из всей десятки счастливой стала она одна...

В ПОИСКАХ ПРОЧНОСТИ

Однажды в доме отдыха, где я был, затеялась викторина. Суть ее забыл, помню только, что полагалось назвать как можно больше пословиц. Сперва они так и сыпались, потом эрудиция аудитории поисскалась. А бывалая массовичка громко, как на аукционе, покрикивала:

— А еще? Ну-ка, ну-ка! Кто еще?

Выждав паузу, стала считать:

— Раз! Два! Два с половиной!

И вдруг крупная женщина, до того молчавшая, внушительно произнесла:

— За мужа завалюсь — ничего не боюсь!

Отдыхающая масса, в основном женская, оторопела, а потом расхохоталась. Вроде поговорка, даже в рифму, но уж

человека: с ним можно пойти в разведку. К великому счастью, вот уже почти четыре десятилетия наши сограждане столь жестокую проверку не проходят. Но, с другой стороны, вся наша жизнь — разведка: ведь всякий живущий проходит свой путь впервые. И любая промашка тут чревата бедой, и одна ошибка может, как у сапера, оказаться непоправимой.

Едва ли не самое важное — с кем бок о бок ты идешь в эту разведку...

Ничто не страшно, когда позади прочный тыл, когда уверен, что больного, израненного не бросят, унесут в укрытие, дотащат до госпиталя, где чистая простыня и заботливая медсестра...

Ну, а если в твоей армии разлад, разброд или яростная борьба за власть, если не один за другого, а каждый за себя, тогда, пожалуй, в жизненных боях рассчитывать не на что. Порой даже опытных, умелых борцов выбивало из седла мелкое домаш-

ЛЮБОВНЫЙ ОГОУГОЛЬНИК

Васильевна, — уговариваю вернуться ко мне. Я твердо уверена, что он меня еще любит, что дети ему дороги. Я все ему прощу, он мне нужен как воздух, как все то, без чего человеку жить невозможно».

Будем надеяться, что муж к Елене Васильевне вернется. И что сама она запомнит этот урок: дело, которое касается от силы троих, не надо спешить решать всей деревней. Потому что тяжело возвращаться в избу, над которой, не оседаая, крутится неосторожно выметенный сор.

Тайна, вынесенная на всеобщее обозрение, иногда с катастрофической скоростью разваливает семью. Конечно, сор не радость. Но бывают случаи, когда лучше оставить его в избе. Пусть люди, вдвоем тянущие один воз, как в знаменитых стихах Некрасова, любят, покуда любят, терпят, покуда терпят, и прощают, пока прощаются...

Совместная жизнь требует мягкости, терпимости, покладистости. Но часто ли мы ориентируем молодежь на эти черты характера?

...Журналистка, писавшая о Дворце бракосочетаний, как-то в один день задала десяти невестам один и тот же вопрос: зачем ты вступаешь в брак? Девять деву-

очень смешная, старомодная, прямо допотопная...

Хохотали, как всегда в толпе, охотно. Но, приглядевшись, я неожиданно для себя увидел в глазах смеющихся женщин какую-то странную, сентиментальную, что ли, тоску. Независимые, образованные, полноправные, а как, видно, хотелось ничего в жизни не бояться за широкими плечами мужа.

С подобной тоской, порой вполне осознанной, я не раз встречался и после. И у одиноких и у семейных. Не просто любви им хотелось, не просто друга, — хотелось непоколебимой прочности, надежной опоры во всех житейских передрыгах, человека, за спиной которого как за каменной стеной.

Проблема эта вовсе не исключительно женская.

Я знаю немало мужчин, состоявшихся в жизни, добившихся многого, и почти все они схожи в одном: у каждого прочный, надежный дом. А дом для мужчины — это женщина. Не жена, так мать, или сестра, или подруга. То, что не изменит. Та, что не изменит.

Из трудного прошлого пришла к нам краткая и исчерпывающая оценка хорошего

нее предательство.

Нет, без прочности человеку нельзя, ни мужчине, ни женщине.

Но где же ее искать? За что ухватиться? На что надеяться? Что прочно в сегодняшней нашей достаточно свободной семье?

Может быть, свадебное торжество, официальный ритуал, подписи свидетелей, штамп в паспорте — прочные чернила, не вытравившись? Увы, сколько семей губит вера в несмысленность этих чернил!

Влюбленные друг к другу нежны и внимательны, ссор избегают, ибо оба боятся потери. Другое дело — молодые супруги, тут можно и «позволить себе», и характер показать, и на нервах поиграть. Муж перетерпит, жена съест — куда денутся!

Расписались, отгуляли, обоим кажется, что самое трудное позади. Как говорят

спортсмены, игра сделана, а она тут только и началась, и летят неожиданные ошеломляющие голы в плохо прикрытые ворота, мимо растерявшихся вратарей...

Нет, на канцелярию надежда плохая: рядом с вождленным штампом слишком часто ставится другой...

Долг? Да, члены семьи связаны долгом — должны друг другу помогать. И помогают, пока есть семья. А развалилась — и иди ищи, кто кому нужен, и попробуй эти долги собрать! Четверть на ребенка, треть на двоих, да еще многолетняя вражда — вот и все, что порой остается от бывших взаимных клятвенных обещаний.

Долг крепок, пока крепка любовь...

Так, может, просто не там ищем? Может, все проще и прочнее в семье и есть сама любовь? Но кто скажет, каков у любви, у страсти запас прочности? К сожалению, тут от наших с вами намерений зависит далеко не все. Известный оперный персонаж, уверенно утверждавший, что «у любви, как у птицы, крылья, ее нельзя никак поймать», опирался если не на статистику, то уж явно на отчетливую жизненную закономерность. Никто из нас не знает, что за сила вопреки разуму вдруг привязывает нас именно к этому человеку, никто не скажет, почему порой столь же внезапно уходит тяга, что годами так крепко связывала двоих. Любовная страсть — великая радость и великое чудо, у нее тысяча достоинств. Одним лишь не наделена — прочностью...

И все же есть в жизни нечто, на что смело можно надеяться, что не изменяет, и не исчезает, и от прихотей тела не зависит, что, на мой взгляд, выше страсти. Я говорю о **человеческих отношениях**. Они в загсах не устанавливаются и вообще не нуждаются ни в каких ритуалах, ибо сами по себе прочны, как корабельный канат.

Человеческие отношения с большим трудом поддаются классификации, да и есть ли нужда их классифицировать? Где четкая граница между приятельством и товариществом, между товариществом и дружбой? Как определить, где стремление помочь человеку переходит в постоянную заботу о нем, как уловить рубеж, за которым начинается полное растворение в чужой жизни? И какие из этих многосложных отношений уместно называть любовью?

Миллионы людей мучаются оттого, что любовь-страсть со временем слабеет. Но природа дала нам вполне достаточную компенсацию — любовь-дружба со временем крепнет. Там, где выстраивают как надо человеческие отношения, дом выстраивается как бы сам.

Можно бы, наверное, привести множество примеров из жизни спокойных, счастливых семей. Но стоит ли? Опыт тех, кому повезло, не слишком убеждает неудачников, и в этом есть свой резон: сила характера, прочность семьи, крепость каната проверяются одинаково: испытанием на разрыв.

Опыт счастливой семьи надо изучать в ее темный день.

«Пишу потому, что у нас в семье очень трудно. Дело в том, что мой муж любит нас с подругой обеих... Была мне эта подруга лучше сестры, доверяла ей во всем и мужу тоже. Мы с ним прожили десять лет, можно сказать, что и не ругались ни разу, и сейчас он ко мне хорошо относится. Из семьи он не уходит, говорит, не могу без тебя... А я не могу, что он к ней ходит, встречаются. Подруга точно так же не может, что живет он со мной, а к ней как бы приходит только

повидаться. И вот мы все трое в тупике.

Подруга моя — вдова, у нас у каждой по двое детей. Он относится и к ее детям и к своим одинаково, старается ей во всем помочь.

Раньше мы с подругой никогда не ссорились, а теперь бывает. Я стала раздражительная, чуть что, в слезы. Вот и получается сыр-бор. И муж переживает...

Мне и подругу жалко, что она молодая осталась одна и полюбила женатого человека. Когда у нее горе случилось, мы с мужем старались ее поддержать, приходили к ней, в кино вместе ходили. Любила ее, как сестру, вот и всю свою любовь мужу передала. А сейчас не знаю, что делать.

Адрес мой не печатайте, у нас об этом никто не знает.

Нина».

Первое впечатление — очень необычное письмо.

Однако, с другой стороны, что же в нем необычного? Ситуация — стандартней не придумаешь: муж полюбил подругу, растерянная жена просит совета и помощи. В общем, та же история, что и в письме Елены Васильевны, которая разрешила семейный конфликт с помощью сельсовета.

Все так — и все не так. Привычный сюжет, но ни одного привычного персонажа.

Где возмущенная, пышущая гневом жена? Где «изменщик»-муж? Где вероломная разлучница-подруга? Нету. Никого нет, ни одной из примелькавшихся масок. Есть три любящих и в страдании справедливых человека, сумевших в крайне сложной, острой обстановке остаться людьми.

Треугольником я бы эту ситуацию не назвал. У треугольника углы острые и жесткие. А тут сквозь боль и растерянность явственно пробиваются и взаимное понимание и забота друг о друге. Не только о себе заботится Нина, не только ищет оправдания для мужа и о «разлучнице» думает не с ненавистью, а с жалостью и сочувствием.

Нина просит совета. Но как же трудно его дать!

Есть в письме еще одна деталь, говорящая о порядочности и терпеливости всех троих героев этой трудной истории: «...у нас об этом никто не знает». Хорошо, что не знают. Значит, есть время решать без суеты, без спешки, без оглядки на чужой глаз. Решать так, чтобы как можно меньше осталось горечи, решать по любви, а не по злобе.

Может, Нине хоть чем-то поможет письмо «подруги по несчастью», а точнее, по проблеме, пришедшее, по странному совпадению, из той же области, где живет Нина, из соседнего городка. Доброе и, не побоюсь обязывающего определения, мудрое письмо молодой женщины...

«...Нет, нельзя наказывать так называемых «разлучниц», а тем более издавать законы «О долге, совести и чести» (так, что ли, предлагают некоторые?). Смешно и глупо, а главное, бесполезно... Только не подумайте, что я сама побывала в роли «разлучницы», я скорее отношусь к разряду «брошенных». Просто пытаюсь разобраться, только ли «разлучницы» виноваты во всем. Не лучше ли на себя посмотреть со стороны? Что ты сама из себя представляешь? Как человек, как друг, как жена? И еще можно сказать самой себе: «От хороших жен мужа не уходят».

Человек имеет право на любовь!

В любом возрасте!

Где-то я читала: «Не быть любимой — это

всего лишь неудача. Не любить — вот несчастье!»

Я люблю и потому, наверное, счастлива. Люблю своего мужа и верю в его порядочность и честность.

Так почему же он не имеет права любить? Он любит наших детей и любит другую женщину. Что ж из того, что он не любит меня?

Да, мне тяжело. А ему?

Да, мне больно, обидно, рана на всю жизнь. А может, уязвленное самолюбие?

Но опять же я была счастлива и благодарна мужу за эти годы. А моя «разлучница» и этого счастья не видела. Ей-то каково жить в постоянном страхе и обмане с нелюбимым мужем? А ведь она умна, молодая, красива. Чем же она виновата? Что полюбила?

...Мой любимый пока со мной. Не знаю, надолго ли? Но я верю, что он сам достаточно умен и тактичен, чтобы во всем разобраться. Он не способен на подлость ни по отношению ко мне, ни по отношению к ней.

Но даже если он уйдет, я поверю его чувству, не осужу его выбора, ведь и меня он тринадцать лет назад полюбил. Попытаюсь остаться ему другом.

А криками, угрозами и принуждением тут не поможешь. Любовью завоевывается любовь. Только любовью.

Надежда».

Это письмо не хочется комментировать. Лучше, чем Надежда, наверное, не скажешь.

Из любви к мужу она готова остаться одна. Думаю, не останется. От таких жен действительно не уходят.

...И любовь и беда входят к нам без стука, не в нашей власти их остановить. Но вот встретить, не теряя ни достоинства, ни совести, ни человечности, — это полностью зависит от нас. Жизнь показывает, что семейные катастрофы не решаются силовым нажимом — злоба, упрямство делу не помогут. Лишь кулаки можно разбить о выросшую между людьми стену. Зато доброта осторожно и нежно разберет ее по кирпичику...

Журнал еще не закончил публикации «Любовного многоугольника», а в редакцию уже пошли отклики: сотни, тысячи писем. Среди них есть просто поразительные по искренности и силе...

Любовный многоугольник, оказалось, имеет гораздо больше граней, чем увидел автор, приступая к работе.

У писателя есть свои права: в частности, он свободен в выборе темы. У читателя тоже есть свои права: в частности, он может убедить писателя, что дело «не закрыто», что точку ставить рано. В данном случае так и произошло.

Я не знаю, когда и каким образом вернусь к сложным проблемам любовного многоугольника. Но одно могу обещать: откровенная, глубокая, тревожная читательская почта без внимания не останется...

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Учитывая большой читательский интерес к теме, поднятой в дискуссионных заметках писателя Л. Жуховицкого «Любовный многоугольник», редакция предполагает продолжить в дальнейшем начатый разговор.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Я жила в маленьком городке Рапла, и вечерами мы дома пели, отец играл на аккордеоне. Песня всегда была радостью, но я никогда не думала, что это может стать моей профессией. Я уже училась на экономическом факультете политехнического института, когда директор студенческого клуба взял меня за руку и отвел на телевидение, где проходил конкурс молодых исполнителей. Как-то так быстро идет время, я и не заметила, что у нас дома образовался новый ансамбль: отец по-прежнему играет на аккордеоне, моя шестилетняя дочка на пианино. А я слушаю.

ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ

Музыка А. МАЖУКОВА.
Стихи М. ТАНИЧА.

Возьми меня с собой
В свой день и час любой.
В дорогу дальнюю,
В тревогу давнюю
Возьми меня с собой.

Припев:
Оглянись среди ночи и дня,
Оглянись и увидишь меня.
Это я, это я, это я,
Любовь твоя.
Любовь, любовь твоя.

Возьми меня с собой
В свой день и час любой.
На все, что сбудется
И что забудется,
Возьми меня с собой.
Припев.

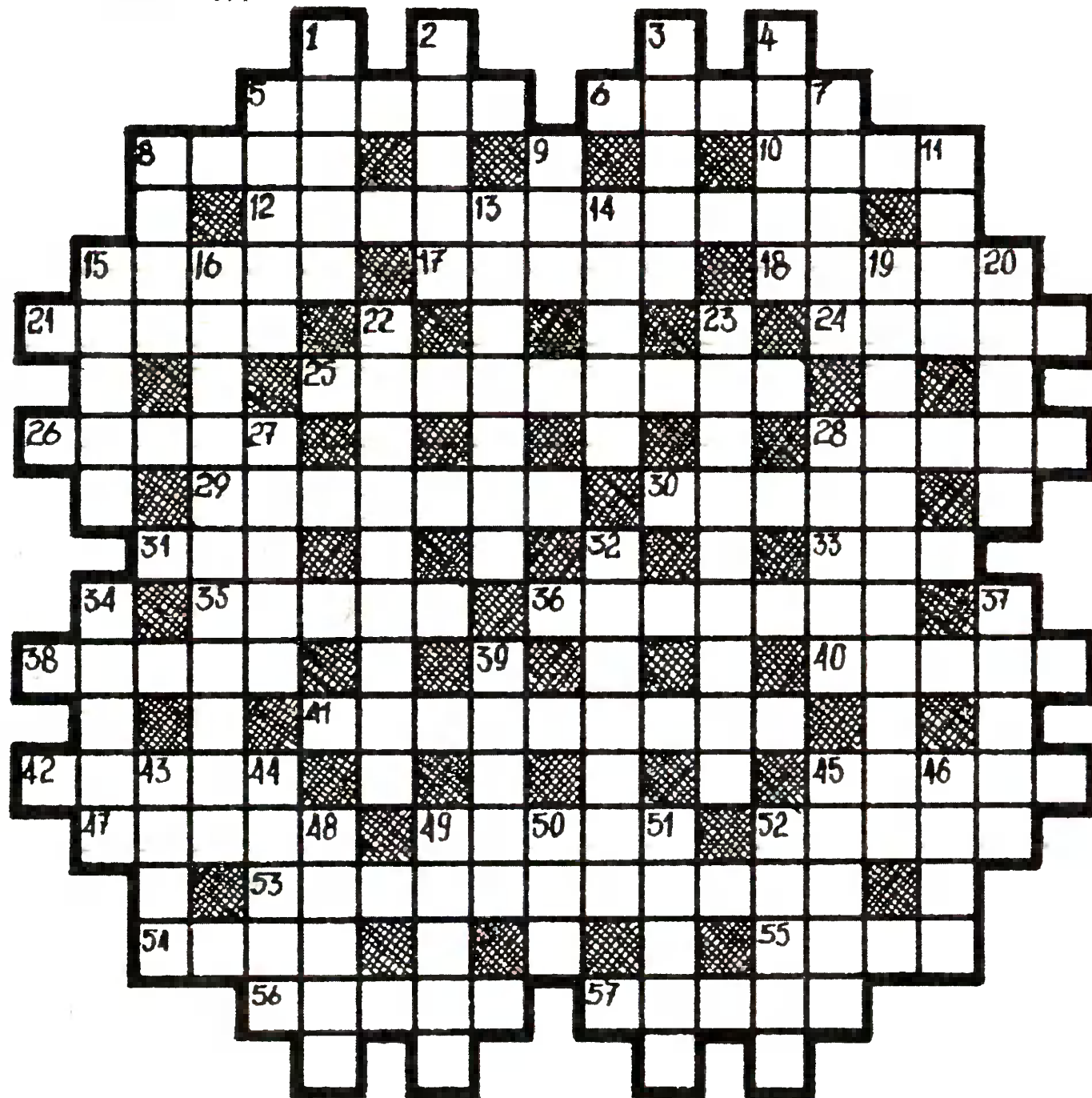
Фото С. КУЗНЕЦОВА.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 5. Страна света. 6. Офицерское звание в казачьих войсках. 8. Южное лиственное дерево. 10. Компонент компостов. 12. Сельскохозяйственное орудие. 15. Мебель. 17. Хлопчатобумажная или шелковая ткань. 18. Определенный распорядок работы, жизни. 21. Музыкальный ансамбль. 24. Персонаж оперы Д. Кабалевского «Семья Тараса». 25. Картина передвижника И. Прянишникова. 26. Народный писатель Белоруссии. 28. Круглое здание для музыкальных представлений в Древней Греции. 29. Город вблизи Парижа. 30. Ложная информация, домыслы. 31. Крупная сиговая рыба. 33. Приток реки Абакан в Красноярском крае. 35. Мужской голос. 36. Дикая утка. 38. Тонкая короткая линия. 40. Город в Испании. 41. Работница животноводства. 42. Звук от копыт бегущей лошади. 45. Часть киноустановки. 47. Армянский пшеничный хлеб. 49. Завершение спортивных соревнований. 52. Немецкий ботаник XIX века. 53. Съедобный гриб. 54. Столица Египта. 55. Единица измерения времени. 56. Музыкальная пьеса. 57. Молодой спортсмен.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Стадо лошадей. 2. Бальный танец. 3. Порт на реке Нил. 4. Населенный пункт. 5. Явление природы. 7. Известная итальянская киноактриса. 9. Единица информации. 11. Декоративная композиция в виде горизонтальной полосы на стене. 13. Пограничное учреждение. 14. Плодовое дерево. 15. Портовый работник. 16. Русский поэт-романтик. 19. Этажерка, подставка для комнатных растений. 20. Опера Ж. Массне. 22. Повесть Л. Толстого. 23. Ученица. 27. Пресноводная рыба. 28. Промысел. 32. Американский физик, один из основателей квантовой электродинамики. 34. Часть дерева. 37. Заблуждение. 39. Азотнокислое серебро, применяемое в производстве зеркал. 43. Обтянутая кожей лодка у северных народов. 44. Тропическое хоботное животное. 45. Архитектурный фонарь, выступ в стене. 46. Механизм управления транспортным средством. 48. Глухой невнятный звук. 49. Прогрессивная американская киноактриса. 50. Единица яркости. 51. Старое русское название места добычи строительного камня. 52. Большой бытовой сосуд.

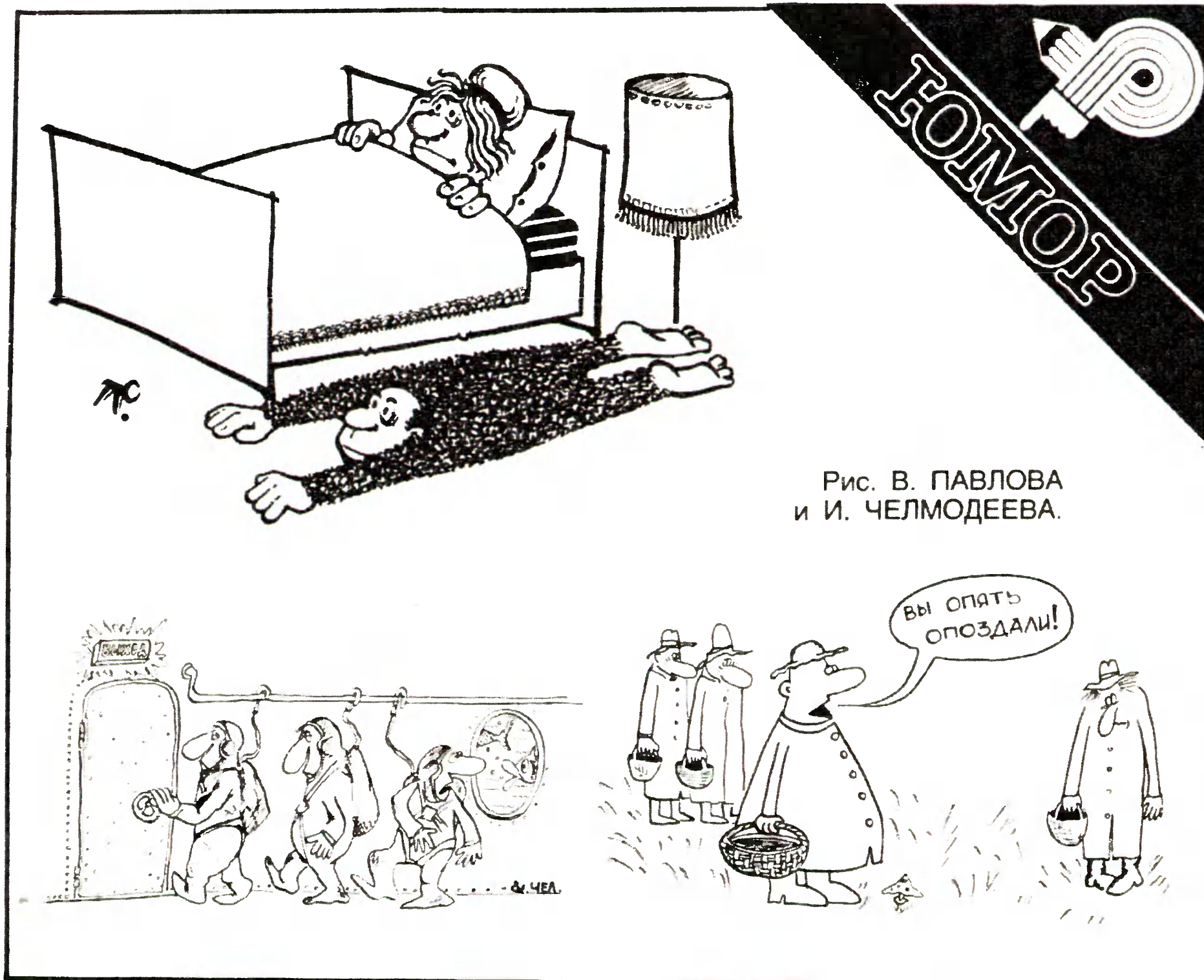
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 1. Деление. 5. Мюссе. 7. Режим. 10. Ракетка. 11. Утопия. 12. Литера. 14. «Блокада». 17. Потрава. 19. Рот. 20. Шпалера. 24. Хиль. 25. Комбайнер. 26. Часы. 27. «Мопра». 28. Ветка. 34. Дуня. 35. Иконоскоп. 36. Гунн. 37. Форшмак. 40. Тур. 42. Защелка. 44. Анемона. 45. Черныш. 46. Бутень. 47. Ткемали. 48. Айова. 49. Луара. 50. Ниагара.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Деряба. 2. Лектор. 3. Нитрат. 4. Ералаш. 5. Метатель. 6. Сопка. 8. Жатка. 9. Мармелад. 13. Эпоха. 15. Комар. 16. Сарыч. 18. Викторина. 21. Перекопка. 22. Сморок. 23. Индейка. 29. «Юдифь». 30. Андреева. 31. Форум. 32. Дубленка. 33. Янтак. 38. Манго. 39. Каштан. 40. Телега. 41. Рокада. 42. Забила. 43. Щетка.

1. Отлично сдала «экзамен» студентка II курса института физкультуры Наташа Лисовская: на Всесоюзных соревнованиях по легкой атлетике в мае этого года она установила новый мировой рекорд в толкании ядра среди женщин.

3. Ирине Девиной, абсолютной чемпионке СССР по художественной гимнастике, и Да-
ле Куткайте, абсолютной чемпионке Евро-
пы, нет равных в упражнениях с лентами.
Ирина в 1981 году стала чемпионкой мира в
этом виде упражнений, а Даля получила за
них самую высокую награду на первом
розыгрыше Кубка мира по художественной
гимнастике в прошлом году в Белграде.

2. Тамара Быкова — студентка Ростовского университета, собирается стать журнали-
стом. Много интервью предстоит ей взять в
будущем. А сейчас она охотно дает их
коллегам-журналистам. Совсем недавно Та-
мара установила новый мировой рекорд,
преодолев высоту 2 м 5 см.

4. Сам Робин Гуд позавидует метко-
сти Натальи Бутузовой, экс-чемпион-
ки мира, чемпионки Европы по
стрельбе из лука.

Всем рекордам — наши звонкие имена

5. Еще немного... Еще чуть-чуть... Фи-
ниш! На снимке Светлана Варганова,
серебряный призер Олимпиады-80,
экс-рекордсмен мира по плаванию
брассом.

Фото А. БОЧИНИНА.

НЕ РАЗМЕНЯТЬ НА ПУСТЯКИ

О нем говорят: «Счастливая актерская судьба». А еще относительно недавно очень многие кино- и театральные критики чуть ли не в один голос предсказывали ему короткий творческий век, ссылаясь на его узнаваемость, даже «вторичность».

Сегодня он — на пороге сорокалетия. За плечами — более пятидесяти ролей, сыгранных в кино и на сцене. И практически все — успешно. И даже самые придирчивые специалисты безоговорочно признают его неповторимость, узнаваемость, но уже в другом качестве — признанной актерской индивидуальности. Действительно, счастливая актерская судьба.

Как же складывалась она? С этого вопроса читателей и началась наша беседа с заслуженным артистом РСФСР, лауреатом премии Ленинского комсомола Олегом Ивановичем ЯНКОВСКИМ.

— То, что я стал актером, в общем-то закономерно. У нас, что называется, театральная семья. Недавно, кстати, по телевидению был фильм, где играли мой старший брат и два племянника. И все-таки в юности я не думал о профессии артиста. Однако, впервые выйдя на сцену, «заболел» театром. А попал на сцену случайно. — подменял заболевшую актрису, исполнявшую роли мальчиков. Вот, собственно, с этого и началась моя профессия. Сейчас я думаю, что во мне было что-то с самого начала — актерская жизнь обязательно вовлекает в свою «орбиту» и окружающих, а я тогда жил со старшим братом и невольно соучаствовал в его жизни. И, конечно, огромной удачей я считаю две первые свои роли в кино — Генриха Шварцкопфа в фильме Владимира Басова «Щит и меч» и Андрея Некрасова в фильме режиссера Евгения Карелова «Служили два товарища», хотя выбрали меня оба режиссера в общем-то случайно. Видно, в каждой актерской судьбе есть свои, если хотите, случайные закономерности...

— После этих двух картин вы стали очень часто сниматься. Вы не боялись «примелькаться»?

— В то время я, честно говоря, боялся другого: а вдруг больше не позовут? Помоему, это вообще своеобразный комплекс молодого артиста из провинции, который вдруг стал популярен. Да и кроме того, нужно же работать! Я сыграл без малого 50

ролей в кино. Но из них могу говорить как о важных и любимых для меня работах только о четырех-пяти. И, думаю, они вряд ли остались бы, если бы за плечами не было накопленного в кинематографе опыта. Конечно, с возрастом и зрелостью приходит и несколько иное отношение к работе. Всякому актеру хочется как можно интереснее и разнообразнее выглядеть на экране. Поэтому приходится отбирать, быть строже к материалу и к себе.

— Очевидно, именно это желание — попробовать себя в новом качестве — привело вас в картину Татьяны Лиозновой «Мы, нижеподписавшиеся...»? Циничный карьерист Семенов в вашем исполнении был неожиданностью для зрителей...

— Я это почувствовал. Однажды мне позвонила какая-то женщина и категорически заявила: какое, мол, я имел право сниматься в подобной роли? Что это стыд, срам, почти преступление, и она даже выключила телевизор, не желая присутствовать при этом позоре!...

Я, собственно говоря, и стремился к подобному результату, только хотелось бы, чтобы люди, посмотревшие картину, отрицательно относились не столько к экранному герою, сколько к таким реальным типам. — они-то хорошо знакомы едва ли не каждому из нас. То, что эта женщина так восприняла мою работу, объясняется еще и другим: она привыкла видеть меня в ролях положительных героев, а человеку всегда трудно отказываться от привычного. Но делать-то это необходимо.

Для меня Семенов был особенно важен. Ведь так уж сложилась моя судьба, что, начиная с первых же ролей в кино, за мной тянулся «шлейф» положительных героев, возникла какая-то инерция... Судя по всему, роль Семенова получилась. Мало того, без нее не было бы и другой, самой для меня любимой сейчас роли, которая стоит совершенно отдельно. — я говорю о Сергее Макарове из фильма Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву». Играть его должен был Никита Михалков, но он был занят своей картиной и потому отказался. И тут Балаян посмотрел «Мы, нижеподписавшиеся...». И дал мне прочесть сценарий...

Так появился Макаров, работа, которой я горжусь... И дело не только в том, что эта роль так важна для меня и в профессиональном и в человеческом смысле. Мы, очевидно, попали в болевую точку. Такой обильной, заинтересованной зрительской почтой у меня не было очень давно: со времен «Служили два товарища», «Премии» и, пожалуй, Мюнхгаузена. Но почта на «Полеты...» серьезнее, что ли.

— Кстати, многие зрители в своих

письмах задают вопрос: а не играет ли Янковский самого себя? Настолько достоверен этот образ...

— Видите ли, мне трудно отделить себя от этого героя, потому что создавался он совершенно необычно. Я только потом понял, как пристально режиссер изучал меня со стороны, словно примеряя ко мне этот образ... Манера работы Балаяна дала мне редкую для артиста возможность импровизировать. Все время, пока шли съемки, с утра до вечера мы не разлучались. Бродили по Владимиру, где снималась картина, разговаривали, спорили, узнавали друг друга, и, переходя от общения в жизни к общению в работе на съемочной площадке, этой грани я не ощущал. Работалось легко, счастливо, и результат получился совершенно невероятный. Ведь как обычно профессионал смотрит на свою работу? Здесь можно было бы сыграть лучше, здесь я не дотянул, здесь, наоборот, пережал и так далее. С «Полетами...» было совсем иначе: впервые увидев картину целиком, я вдруг начисто забыл, что это я, что это моя работа. Я видел совершенно нового человека, которому на протяжении всей картины глубоко страдал, а в финале просто комок подкатил к горлу.

Конечно, и во мне есть что-то от Макарова, как и в каждом из тех зрителей, кто писал мне: это и про меня, это и про мою жизнь. Как и в каждом сорокалетнем человеке, который задается вопросом: а как я прожил эти сорок лет, главную половину жизни?.. Вообще кто решится сказать, что он не переживал никогда подобного состояния внутреннего разлада с собственной судьбой, с самой жизнью, кто не ощущал на каком-то пороге груза несбывшегося, неосуществленного?.. И тогда понимаешь, что многое было далеко не так, как думалось прежде, что кого-то обманул, пусть не по большому счету, пусть в мелочах, скажем, обещал прийти и не пришел, не позвонил лишней раз матери, письмо ей не написал, без толку провел день, украв его у семьи, у любимого человека, словом, об этом можно много говорить. И хочется изменить все, и не знаешь, как изменить...

Повторяю, я очень сочувствую этому человеку, так бездарно разменивавшему свою жизнь на пустяки. И тем не менее я его не оправдываю: ведь в том нравственном кризисе, который он переживает, в большей степени виноват он сам — у него нет ни работы, ни цели, ни любви.

— Наверное, именно это и позволило части зрителей задать вопрос, который в одном из писем, адресованных вам, звучит так: «Зачем ставить такие фильмы? Они показывают не те жизненные примеры».

«ДЛЯ НАС ОНА ПРОСТО СОСЕДКА...»

О Марии Дмитриевне Шолар, председателе колхоза «Маяк» Одесской области, я читала много. И в «Крестьянке», и в журнале «Советская женщина», и в других изданиях. Кажется, всю ее судьбу уже описали, обо всех чертах характера рассказали. Видим мы Марию Дмитриевну—руководителя, хозяйку дома, мать, прекрасную жену. А я ее знаю как замечательную соседку.

В 1956 году мой отец был переведен в колхоз «Маяк» директором средней школы. Я тогда была студенткой Одесского госуниверситета и приезжала на каникулы. И еще долгие годы—в отпуск. Мои родители были ближайшими соседями Марии Дмитриевны.

Никогда я не видела, чтобы Мария Дмитриевна была чем-то раздражена, на кого-то кричала. Трогательно и безгранично любила свою Иринку, заплетала ей косички даже тогда, когда дочка сама могла это делать. Но сказать, что баловала ее, нельзя. Приучала к труду, к делам домашним. Учила быть вежливой. Так же, в любви и строгости, воспитывает внука, в честь деда названного Алешей. У нее они оба—Алешеньки...

Самые красивые розы в селе цветут в палисаднике у Марии Дмитриевны. Самый ухоженный двор и самый уютный дом—тоже у нее. Раньше всех зажигается свет в ее окнах, позже всех гаснет. Сколько раз видела: идет ли на работу, спешит ли поздним вечером домой, никогда не пройдет мимо человека, который ей встретится на пути. Обязательно остановится, поговорит, о самочувствии расспросит. А какая она веселая на праздничных вечеринках! Сколько знает смешных историй, как душевно поет русские и украинские песни!

С моей мамой они были дружны. И когда мама заболела, Мария Дмитриевна чем могла поддерживала ее, не давала упасть духом. Находила время проводить ее и в больнице. В самую грустную минуту была опорой и для нас с братом. Бросила чуть не все свои дела, стала помогать нам. А точнее, почти все на себя взяла.

В нынешнем июле Марии Дмитриевне исполнилось 60. Из них 40 лет она—председатель. И почти 30—наша соседка. Хотя я и живу далеко, а все кажется, вижу свет в ее окнах. Близкий она мне человек. Потому и считаю: не опустел мой родительский дом.

Л. ЗАДРОЖНЮК,
воспитатель спецшколы-интерната
для глухих детей

г. Макеевка,
Донецкая область.

— Им, рискуя повториться, я могу ответить словами тех людей, кто написал: «Этот фильм обо мне». Значит, такие люди реально существуют в жизни, и уже поэтому искусство не может этого обойти. Почему мы должны лишать сегодняшнего зрителя многообразия человеческих характеров? Да и кроме того, разве можно снять с самого человека ответственность за собственную судьбу, устранить для него вопрос: как жить?

Люди, вот так категорически не принявшие фильм, не думают об одной, на мой взгляд, чрезвычайно важной вещи. Пусть даже Сережа Макаров чисто отрицательный тип, все равно сама «акция», предпринятая картиной, положительна. Положительна по самой своей сути, ведь если кто-то, посмотрев фильм, хотя бы на минуту задумался, перестал обманывать сам себя, пуще того, изменил жизнь, значит, мы достигли своей цели. Мы помогли живому человеку.

Вообще люди такого толка, умеющие страдать, незащищенные, всегда были привлекательны для окружающих, потому что на них откликается глубинная черта нашего национального характера—потребность сострадать ближнему. Прибавьте сюда и то, что в конечном счете Сережа Макаров абсолютно бескорыстен в своих отношениях с людьми.

Об этой тяге к бескорыстию, душевной

чистоте, доброте я думал и работая над трилогией Марка Захарова «Обыкновенное чудо», «Тот самый Мюнхгаузен» и недавно законченным фильмом «Дом, который построил Свифт». Ведь, по сути, в героях этих фильмов-притч заключена квинтэссенция самых благородных человеческих чувств. Взять хотя бы Мюнхгаузена. Все мы с детства знаем его как безудержного вралю и хвастуна, выдумщика и фантазера. И вдруг оказывается, что этот «враль» знает о жизни настоящую правду: как жить, как любить, как верить, мечтать, наконец. Вот только одно письмо из той огромной почты, которую я получил после этой картины: «Спасибо вам за вашего Мюнхгаузена. Мне пока только десять лет, я не знаю, кем буду, когда вырасту, но я обязательно «открою 31 июня». Мне кажется, что этот мальчик проживет жизнь достойно.

— Читатели спрашивают, какие им предстоят новые встречи с вами...

— Снялся в телевизионном фильме по рассказу А. П. Чехова «Поцелуй». А сейчас на студии имени Довженко закончен фильм «Два гусара» по повести Льва Толстого, где я сыграл главную роль.

— И все же?..

— И все же моей главной любовью и профессией остается театр...

Беседу вел К. СМЕРНОВ.
Фото В. ПЛОТНИКОВА.

ЖК

Как одеваться
модно,
современно,
но и так,
чтобы одежда
выражала
индивидуальность
и была
доступной?
Об этом говорит
постоянный
гость нашего
дома, диктор
телевидения
Татьяна
Веденеева.

№ 8 • 1984

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ
Г. Е. БУРКАЦКАЯ,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
О. П. КОЛЧИНА,
Э. Б. МАРКИН,
Л. Е. ПИШЕНИНА,
Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),
Л. В. ХАНБЕКОВ,
В. Я. ЧИСТЯКОВА,
Л. И. ШВЕЦОВА,
И. Ф. ШКУРАТОВ.

Оформление номера
В. В. Федорова, Е. Г. Новиковой.
Технический редактор
Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотографии и
рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 13.06.84. Подписано
к печати 05.07.84. А 10283. Формат
бумаги 60×90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,77. Усл.
кр.-отт. 14,00. Тираж 10718000 экз.
(1—9209218 экз.). Изд. № 1960. За-
каз № 3068.

Ордена Ленина и ордена Октябрь-
ской Революции типография газе-
ты «Правда» имени В.И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул.
«Правды», 24.

На 1-й странице обложки.

Майра Хасенова, механизатор целин-
ного совхоза «Краснофлотский» Эн-
бекшильдерского района Кокчетав-
ской области Казахской ССР.

Четыре года назад она была гостем
«Крестьянки», ей вручили приз трудо-
вой славы имени Паши Ангелиной. Май-
ра уже более двадцати лет работает на
тракторе, управляется и с комбайном.
Ее имя хорошо известно в республике.
Она — член Президиума Верховного Со-
вета Казахской ССР.

О совхозе «Краснофлотский», его
людях — товарищах Майры Хасеновой
читайте очерк «Хлебный бастион», ко-
торый будет напечатан в ближайшем
номере журнала.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

К ней часто обращаются за советом, ей
пишут — вот, например, выпускницы
Владимирского пединститута:
«Наверное, нетрудно навести
красоту и надеть модное платье,
отправляясь в гости...
А ведь теледиктор — гость в
нашем доме, потому и принаряжен и
элегантен. А как сохранить такой вид в
течение всего дня?»

С разрешения Татьяны Вениаминовны
Веденеевой мы побывали у нее рано
утром и застали ее, хозяйку небольшой
уютной квартиры, хорошо причесанной,
в брюках и легкой спортивной блузе,
которую тем не менее украшал бант
из знакомой всем по школе
атласной ленты.

Передача давно отснята и прошла на
экране. А «специально» сшитое платье
стало просто дневным летним, в нем мы
нередко отправляемся с Димкой на
прогулку. Обычная, будничная одежда у
меня — платье или комплект из блузки и
юбки. Только чуть понаряднее, чем для
дома, и непременно с какими-то элементами
сегодняшней моды.

Как всякая женщина, я очень слежу за
этим. Кстати, приметы современной моды
не так уж трудно добавить к вашему пусть
не новому, но любимому платью. Чуть
изменить воротник или совсем убрать его.
из длинных рукавов сделать короткие,
юбку в сборку перешить на прямую... Здесь
поможет фантазия и, конечно, вкус.

Важно, чтобы каждая новая вещь в

ЖЕНЩИНА ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ

— Моя обычная домашняя
одежда, — улыбнулась Татьяна
Вениаминовна. — В таком костюме мне
удобно убирать квартиру, готовить обед,
сбегать в магазин за продуктами. Если
неожиданные гости на пороге — тоже вроде
не застанут врасплох. По-моему, нет
неприятнее картины, чем хозяйка, которая,
открыв дверь на звонок, бежит менять
застиранный халат на приличное платье и
наспех причесываться.

Уважение к себе — а удобный домашний
костюм, пусть это будет непритязательная
блузка с брюками или юбкой, простое
хлопчатобумажное платье, а не бывшее
нарядное, дорогое, но разжалованное в
рядовые за отсталость от моды, это и есть
уважение прежде всего к себе — надо
воспитывать с детства. Говорю это как
мать. Мой Димка и дома и в яслях щеголяет
в светлых рубашках, кофточках и
штанишках. Конечно, следы от рук,
вымазанных конфетами, на темных
колготках менее заметны, чем на белых. Но
белые красивее. И хоть мне вечером
прибавится стирки, убеждена: именно
белые колготки постепенно воспитают у
малыша и привычку к аккуратности и
хороший вкус. Ведь все лучшее в нас, мне
кажется, из детства...

Специально для «Будильника», который
любят все ребята, я сшила себе нежно-
розовое платье с оборками. Кстати,
первым, кто оценил мое платье, был
сынишка. Как все дети, он очень любит
яркое, и мама в розовом ему очень
нравится.

вашем гардеробе была органичной, слилась
с вашим образом, помогла вам проявить,
обозначить себя в общении с другими
людьми... Уважение к себе, к
своей личности, мне кажется, у нас,
женщин, неразрывно связано и с заботой о
своей внешности.

Как все успеть? Чуть раньше вставать,
правильно планировать свой
выходной день и свободные
от утренней или вечерней смены
часы (у нас, дикторов, тоже работа
сменная, как на любом производстве).
Сейчас уложу Димку, расправлюсь с этим
(кивок в сторону ванной, где уже лежал
ворох его рубашек и штанишек,
нуждающихся в стирке). А вечером...

А вечером, включив телевизор, вы
увидите на экране Татьяну Веденееву.
Она снова пришла к нам в гости — как
всегда, элегантная, подтянутая, с
красивой прической, в основе которой,
кстати, всего лишь регулярная стрижка,
в безукоризненном платье, фасон
которого она придумала сама,
приветливая, с доброй, мягкой улыбкой,
будто и не было у нее никаких дневных
обычных забот матери и хозяйки дома.
Так как же быть элегантной?..

Н. ПРОТОРСКАЯ

Фото А. БОЖКО
и С. КУЗНЕЦОВА.
Рис. Н. САЛЬКОВОЙ.

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

Ф. В. СЫЧКОВ.

Девушка
в оранжевом
платке.
Этюд. 1934 г.

«Испокон веков человечество боролось за то, чтобы радость стала первой непререкаемой хозяйкой жизни. За это боролись в нашей стране отцы и деды, отвоеывая право на радостную, счастливую, истинно праздничную жизнь. Будьте же счастливы полной мерой, мои земляки, соотечественники, сограждане, современники!»

Федот Васильевич СЫЧКОВ